

детектив — ребитар

Елена Михайкова

призрак
в кривом зеркале

Annotation

Ксения вернулась в родной городок, надеясь обрести душевный покой. Вместо этого на нее одна за другой посыпались неприятности... Неужели старая соперница до сих пор так сильно ненавидит ее? Яков Матвеевич много лет назад проявил слабость и теперь обречен хранить чужую тайну. Но почему той старой историей вдруг заинтересовался постоялец соседей? Частный детектив Макар Илюшин приехал в этот городок, чтобы подлечить спину в местном санатории. Но почему хозяева дома, где он снял комнату, ведут себя так странно? «Не верь глазам своим», гласит народная мудрость. Но что делать, если не поверить невозможно? И как увидеть правду в кривом зеркале?..

- [Елена Михалкова](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)

- [notes](#)

- [1](#)
-

Елена Михалкова

Призрак в кривом зеркале

Глава 1

Когда Макар вышел к нужному дому, уже стало смеркаться. Фонари не горели, и улица казалась подернутой нежной сиреневой дымкой, сгущавшейся к палисадникам и светлевшей к середине дороги, где в здоровенной сухой рытвине лениво развалилась пожилая коротколапая черная собака с толстыми боками.

– Пятнадцать дробь пять, – прочитал вслух Илюшин номер на доме и поправил спортивную сумку, висевшую на плече.

Прежде чем нажать на белую кнопку звонка, он оглянулся, подумал пару секунд и наконец перешел на противоположную сторону дороги, косясь на собаку. Шкура на ее боку собралась лоснящимися складками, словно кто-то художественно разложил отрез бархатной ткани.

– Откормили тебя, голубушка, – заметил ей Илюшин, проходя мимо.

Собака покосилась на него слезящимся глазом и тяжело вздохнула.

Остановившись возле столба, Макар непринужденно прислонился к нему и окинул взглядом улицу напротив.

Дом действительно был особенным, как ему и рассказывали. Двухэтажное бревенчатое здание на красной каменной подклети потемнело от времени, и старые наличники сливались со стенами, однако, приглядевшись, можно было рассмотреть замысловатые узоры резьбы. В четырехскатной крыше виднелись два квадратных окошка-бойницы, смотревших запылившимися стеклами в вечернее, налившееся красным небо. Те же окна, что выходили на улицу, казались чисто вымытыми, и на втором этаже за одним из них горел приятный мягкий свет, приглушенный желтыми шторами.

– Интересно, зачем наверху окошечки? – пробормотал себе под нос Илюшин. – Кто же придумал в такой крыше окошечки проделать?

Дверь со звонком разделяла дом на две половины, а над ней нависал потемневший бутафорский балкончик, также богато украшенный резьбой. К двери вели три широкие деревянные ступеньки, по которым Макар поднимался несколько минут назад, заметив, что средняя проломилась и под ней можно разглядеть песок и сгнившие доски. Крайнее левое окно на первом этаже было плотно закрыто ставнями и, кажется, заколочено.

«Любопытно было бы узнать, сколько лет дому. Заря Ростиславовна сказала, что это дореволюционная постройка, но в таком случае он удивительно хорошо сохранился...»

Справа и слева от двухэтажного здания прятались за палисадниками с традиционной сиренью одноэтажные дома, казавшиеся небогатыми родственниками рядом со своим высоким соседом, хоть и обедневшим, но сохранившим мрачное достоинство. Во дворе правого, выкрашенного сочной синей краской, стоял высокий седой старик в ватнике, с садовыми ножницами в руках, и поглядывал на Илюшина. Слева же никого не было: только за окнами, казалось, мелькали какие-то силуэты – но, приглядевшись, Макар решил, что это лишь игра теней.

Собственно, на левом домике улица обрывалась, превращаясь в тупичок: отсюда начинались густые заросли боярышника, в которых шуршало, шелестело и издавало негромкое ворчание какое-то существо. За боярышником неуловимо чувствовалась вода: Илюшин даже принюхался, но уловил лишь аромат сирени, все сильнее наполняющий вечер.

В двухэтажном доме зажглось второе окно, и Макар решился. Он уже сделал шаг по направлению к двери с белым звонком, как вдруг из кустов боярышника вышмыгнула ободранная кошка и стрелой пролетела мимо собаки. Кусты за ней продолжали шевелиться, будто в них осталось сидеть, поджидая добычу и устраиваясь поудобнее, молчаливое чудище. Собака, даже не взглянув след за кошкой, приподняла плешивую голову и опасно покосилась сначала на заросли, затем на человека, замершего в двух шагах от нее.

Ступеньки не скрипнули, когда Илюшин поднялся на крыльцо, но ему показалось, что за долю секунды до нажатия на кнопку звонка внутри, за дверью, кто-то негромко вздохнул.

Трель мелодично разнеслась по дому, минуту спустя внутри зазвучали шаги, и Макару открыли.

– Здравствуйте. – За дверью стоял белобрысый парень лет двадцати с небольшим – высокий, тощий, бледный, с прищуренными глазами. Кадык на шее у него выпирал так, словно парень проглотил что-то острое, вставшее поперек горла. За спиной парня горела тусклая лампочка, и в дверную щель Макар разглядел старый кованый сундук, накрытый сверху темно-синей потертой скатертью.

– Добрый вечер, – Илюшин обаятельно улыбнулся, сбросил с плеча спортивную сумку. – Мне сказали – у вас можно комнату снять?

Парень окинул Макара внимательным взглядом, словно ощупал.

– Можно... – протянул он, и на лице его появилось подобие приветливой улыбки, хотя в глазах осталась настороженность. – Проходите, пожалуйста.

Илюшин вошел в дом, и дверь за его спиной стала закрываться сама.

Последнее, что он увидел снаружи, обернувшись, был внимательный, почти человеческий взгляд собаки.

– Откуда вы узнали о нашей гостинице? – Парень приглашающим жестом указал на тускло освещенную лестницу.

– В санатории рассказали, – не моргнув глазом солгал Илюшин. – Я хотел бы сначала посмотреть комнату...

– Разумеется! – Провожатый с каждой секундой становился все дружелюбнее, и отчего-то это совершенно не нравилось Макару. – Сейчас все комнаты свободны, поэтому я покажу вам самую лучшую... Надеюсь, она вас устроит.

Поднявшись на второй этаж, парень порылся в кармане и извлек оттуда ключ с маленьким номерком.

– Прошу вас.

Он открыл дверь, включил свет, и Макар оглядел небольшую, но уютную комнату, ничуть не похожую на казенные безликие номера в гостиницах.

– Дом старый, поэтому ванн комнат только две – на первом и втором этаже, – предупредил парень. – Одна неделя проживания с завтраками и ужинами стоит семь тысяч, без питания – пять. Если вас устраивает цена...

– Устраивает! Более чем устраивает! Если бы вы видели, какие номера предлагают в вашей санатории... К тому же мне всегда хотелось пожить в старом доме, проникнуться, так сказать, его духом! И завтраки с ужинами тоже нужны, как же без них...

Илюшин болтал, играл в дурачка, осматриваясь с непритворным любопытством, не давал вставить тощему ни одного слова, в то же время стараясь не перегнуть палку. Опасности, о которой говорила ему Заря Ростиславовна, он не чувствовал, и это было странным и неожиданным: ведь откуда-то взялась напряженность в этом бледном тонкогубом парне с холодными голубовато-серыми глазами. Напряженность Илюшин чувствовал позвоночником, он улавливал флюиды неприязни и страха, исходившие от провожатого. Но дом пока затаился, недоверчиво рассматривая нового человека, не выдавая себя ничем. «Интересно будет проверить, что же здесь в действительности...»

Дверь наискось от них открылась – Макар успел удивиться тому, что за ней собрались четыре человека, однако он не слышал голосов, – и из освещенной комнаты вышла высокая белокурая дама с такой гладкой, почти фарфоровой кожей лица, что на мгновение в памяти Илюшина всплыла немецкая кукла, виденная им в гостях, когда он был ребенком. Те же большие глаза, чуть припухшие снизу, красиво очерченный рот,

маленький носик и нарисованные брови над внимательными голубыми глазами. И такая же фарфоровая улыбка – немного застывшая, чуть более радушная, чем требуется, слегка искусственная, словно дама и в комнате сидела с тем же выражением лица, с которым вышла к гостю. Бежевое вязаное платье с длинным кружевным подолом облегалo стройную фигуру, а на шее посверкивал золотой кулон в форме цветка.

– Здравствуйте, – сказала дама, плотно прикрывая за собой дверь. – Вы наш новый гость?

– Хотел бы им стать! – Илюшин сопроводил свои слова чем-то вроде галантного полупоклона. – Меня зовут Макар Андреевич.

– Эльвира Леоновна.

Дама протянула тонкую желтоватую руку, которую Макар поцеловал, как от него и ожидалось.

– Эдинька, – проговорила дама, и Илюшин не сразу понял, что нежное обращение предназначено стоявшему позади него неприятному молчаливому субъекту. – Куда мы поселим Макара Андреевича?

– В зеленую комнату, – так же мягко отозвался парень, названный Эдинькой. – Оттуда как раз недавно уехали...

– Замечательно! А что касается расчетов...

– Мы уже все решили, – успокоил ее парень. – Мама, Макар Андреевич только с дороги...

– «Мама»?! – Илюшин сыграл изумление очень естественно. – Простите, совершенно не ожидал... Вы так выглядите...

Он взмахнул руками, словно пытаясь нарисовать образ Эльвиры Леоновны в воздухе, окончательно запутался, смутился и замолчал.

– Вы еще не знакомы с тремя моими другими детьми, – рассмеялась хозяйка. – Прошу, проходите в свою комнату, а потом приглашаю вас поужинать.

– Ванная комната в конце коридора, – любезно сообщил Эдуард, отдавая гостю два ключа. – Вот ключ от входной двери, вот – от вашей. Если хотите, мы станем будить вас по утрам. К которому часу вам нужно приезжать в «Залежный»?

– К десяти, иногда к одиннадцати, – рассеянно ответил Макар, поставив сумку на пол. – Я уточню график процедур. Кстати, какой транспорт туда идет?

– Автобус. – Илюшину показалось, что в голосе парня прозвучало скрытое злорадство. – А что ж вы не на машине? Расстояния у нас тут не маленькие...

– Ничего, доберусь. Вы, Эдуард, разбудите меня завтра, пожалуйста, в девять. Погуляю, с городом познакомлюсь...

Тот молча кивнул. Ростом чуть пониже Макара, Эдуард держался очень прямо, высоко задрал подбородок, и делал все возможное, чтобы смотреть на Илюшина сверху вниз. Не собираясь ему в этом препятствовать, Макар подвинул к себе стул с плюшевым, слегка вытертым сиденьем, уселся и снова улыбнулся Эдуарду.

– Пожалуй, я не буду сегодня ужинать. Лучше пораньше лягу спать.

– Как вам будет угодно.

– Благодарю, Эдуард. Не смею вас больше задерживать. Вы и так уже проявили больше заботы, чем я смел надеяться.

Догадка о том, что гость издевается над ним, промелькнула в голове Эдуарда, но приехавший выглядел довольно-таки бесхитростно, и он отогнал от себя подозрения. «Дурачок. Очередной богатый московский студентик, решивший подлечить спину за папины денежки. Впрочем, не очень-то и богатый, раз приехал на поезде, а не на машине».

Он сделал неопределенный жест рукой и вышел из комнаты, пожелав гостю на прощание спокойной ночи.

Как только тяжелая дверь за ним закрылась, Макар вскочил со стула и обошел комнату, заглянул в шкаф, под кровать, внимательно изучил полки. Наконец он остановился посередине и задрал голову, рассматривая потолок с красивой двухъярусной люстрой, удивительно не вписывавшейся в строгую обстановку.

– Да, все именно так, как рассказывали... – пробормотал он.

Обклеенная бледно-зелеными обоями небольшая комната была обставлена весьма продуманно: письменный стол с множеством ящичков – древний, но тщательно отреставрированный; огромный деревянный шкаф с потрескавшимися дверцами, в котором Илюшин обнаружил несколько новых вешалок, а заодно порадовался его вместительности; инкрустированный дряхлый комод возле двери, над которым висело зеркало в широкой потемневшей раме... Только кровать выглядела относительно новой – широкая и с хорошим матрасом, впрочем застеленная пожелтевшим покрывалом, которое когда-то явно было белым. Телевизора нет, но на одной из полок шкафа обнаружили, к большому удовольствию Макара, книги: и Дюма с Мериме, и сборник Сименона, и Лесков в толстом переплете, и даже «Записки у изголовья».

– Неплохая подборка, – одобрительно заметил Илюшин и подошел к окну.

Комната его выходила на улицу – окна были по соседству с

бутафорским балкончиком, – и в сгустившихся сумерках Макар разглядел рытвину, в которой раньше лежала собака, но самой собаки не обнаружил.

Смеркалось очень быстро, и майский вечер наполнялся вечерними запахами: по-прежнему пронзительно и нежно благоухала сирень, тянуло зеленью вперемешку с сигаретным дымом, напоминал почти неуловимым душком о своей близости то ли пруд, то ли лужа, и от наружных стен дома доносился слабый, но узнаваемый запах старого дерева, неторопливо просыпающегося к концу весны после зимнего тяжелого сна.

«А голосов-то так и не слышно, – напомнил себе Илюшин. – Из чего делаем вывод: либо здесь замечательная звукоизоляция, что удивительно для старого деревянного дома, либо эти люди, находящиеся всего через одну комнату от меня, молчат. А зачем молчать такой дружной семье, в которой четверо детей и все живут со своей прекрасной обожаемой мамой?»

Он задернул плотные шторы, а вместо люстры включил небольшую лампу, стоящую возле кровати. Комната сжалась вокруг небольшого круга света, окрашенного в изумрудный цвет абажура. «Зеленая комната», – вспомнил Илюшин. Он переоделся, достал пакет с полотенцем и зубной щеткой, но перед тем как идти в ванную комнату, спохватился, вытащил из кармашка сумки телефон и набрал номер.

– Серега? – сказал Макар, услышав в трубке знакомый голос. – Я на месте.

Ксения приоткрыла дверь, и три тени послушно скользнули в дом. Девушка подождала немного, но четвертая не появлялась, и тогда она обернулась, позвала, вглядываясь в темноту сада:

– Лютик! Лютик, домой!

Кот неслышно появился у ног, и Ксения чуть не вздрогнула. Черный зверь поднял на нее желтые глаза, похожие на две маленькие луны.

– Пойдем, пойдем, – успокаивающе сказала Ксения. – На сегодня прогулки закончены.

Кот нервно обмахнул себя пушистым хвостом и быстро вбежал в дом. Нахмурившись, она посмотрела ему вслед – Люцифер вел себя не так, как обычно.

– Вольер закрыла? – крикнул отец из гостиной.

– Сейчас проверю.

Она спустилась в сад, прошла по дорожке до просторной клетки и убедилась, что закрыла задвижку. В темноте казалось, что внутри вольера кто-то движется от стены к стене, но Ксения знала, что это кусты качаются

позади клетки от ветра.

Дом стоял на холме, и сверху Ксения видела россыпь огоньков: самые яркие – в центре, а на окраине Тихогорска они тускнели, прятались в зарослях садов, где город уже становился не городом, а городком. Она постояла, ежась под порывами ветра – здесь, наверху, он всегда задувал свирепее, хотя холм был не высокий, так, небольшая возвышенность. Ветер прогонял глупые мысли, и Ксения постаралась представить как можно четче, что он развеивает темное облако ее усталости, накопившейся за время работы в больнице, уносит противный привкус обреченности и бессмысленности, представлявшийся ей похожим на вкус вареной луковицы.

Из дома ее окликнул отец, и она вздрогнула.

«Я становлюсь слишком нервной. Дергаюсь непонятно от чего весь вечер».

Среди облаков, стремительно мчавшихся по ночному небу, проглянула луна, которая сегодня была совсем не похожа на кошачий глаз, скорее – на желтый бутон цветка кубышки, который они в детстве ошибочно звали кувшинкой: с темными прожилками, бегущими от основания бутона к верхушкам крепко сложенных толстых лепестков. Ксении показалось, что за кустами на склоне скользнула какая-то тень, но она убедила себя, что это лишь игра ее воображения.

Все же, возвращаясь домой, она дважды обернулась, чтобы удостовериться, что все спокойно и тихо. Чувство тревоги так и не отпустило ее, и на крыльце она негромко позвала, непонятно почему испугавшись звука собственного голоса:

– Эй, есть здесь кто-нибудь?

В доме негромко мяукнул кот, а следом отец удивленно спросил:

– Что там, Ксения?

– Ничего, – поколебавшись, ответила она. – Показалось, наверное.

Ксения плотно закрыла за собой дверь. Спустя минуту из кустов на склоне холма поднялся человек и застыл, внимательно изучая дом, в котором скрылась девушка.

Макар допоздна читал книгу, пока наконец не почувствовал, что засыпает. Он выключил ночник, уронил голову на подушку и почти сразу услышал звук, донесшийся непонятно откуда. Сев на кровати, Илюшин прислушался, но вокруг было тихо.

Он все-таки встал, подошел к окну, осторожно отодвинул штору, быстро оглядел улицу. Никого. Сытая луна висела низко над темными

домами, и по отсутствию отблесков Макар видел, что и в гостинице Эльвиры Леоновны никто не полуночничает. Он бросил взгляд на часы – стрелки показывали начало второго.

Звук раздался снова – на этот раз внутри, определенно на его этаже: тоненький, высокий, повторяющийся со странной монотонностью. Макар торопливо натянул джинсы и подошел к двери. Пару секунд он колебался, прислушиваясь, затем бесшумно отодвинул щеколду и потянул дверь на себя. В приоткрывшуюся щель упала полоса тусклого света: в коридоре горела бледно-желтая лампочка, больше напоминавшая свечу.

Ступая босыми ногами по дощатому полу, Илюшин вышел в коридор и остановился. Дальнее окно в конце коридора, выходящее в сад, было завешено в точности такой же зеленой шторой, как и в его комнате. И штора эта шевелилась.

Волна начиналась сверху, пробежала до середины и вдруг исчезала, словно кто-то сердито встряхивал зеленую материю, а затем прижимал ее рукой. Несколько секунд спокойствия – и ожившая штора начинала подергиваться снизу, выплясывая зелеными кистями на полу неразборчивый слабый танец.

Приблизившись, Макар резко отдернул портьеру и тут же отошел на шаг, опасаясь увидеть рассерженную кошку. Но никакой кошки за шторой не оказалось, а оказалось, как и следовало ожидать, окно, одна створка которого приоткрылась. Макар закрыл окно и, помедлив, пошел обратно, но на полпути его остановил все тот же звук. Теперь он совершенно определенно доносился из самой первой комнаты. Тоненький и жалобный, звук тянулся на высокой ноте, заканчиваясь чем-то вроде вздоха.

«Похоже на всхлип...»

Снова наступило молчание. Сосредоточиваясь, Макар на несколько секунд прикрыл глаза, и им овладело странное чувство – будто он один в этом доме. Он представил, как поздней ночью хозяева безмолвно уходят, гасят лампы, забывая выключить свет в коридоре, и постояльцы остаются один на один с затаившимся домом и теми его обитателями, которые никогда не появляются днем.

«Заря Ростиславовна заразила меня своими фантазиями», – усмехнувшись, подумал Илюшин и направился к комнате за темно-коричневой дверью с длинными кривыми царапинами внизу – казалось, здесь точила когти огромная кошка. Он прошел мимо лестницы, стараясь ступать тихо и мысленно благодаря хозяйку за постеленный по длине всего коридора ковролин...

И вдруг за его спиной выразительно скрипнула ступенька.

Илюшин тотчас обернулся, готовясь увидеть перед собой бледное тонкое лицо с прищуренными голубыми глазами, но на лестнице никого не было. Раздался скрип еще одной ступеньки, за ней – третьей... Макар вернулся назад и недоверчиво уставился на пустую лестницу, едва освещенную единственным светильником.

Илюшин спустился до середины лестницы, перегнулся через перила, и тут же негромко скрипнула верхняя ступенька; он поднял голову, и скрип раздался на нижней. На лестнице не было ни одной живой души.

Макар уже ничему не удивлялся.

Говоря себе о том, что каких только фокусов не выделяет старое дерево, он вернулся к загадочной двери, взялся за ручку и осторожно потянул ее на себя, ожидая, что дверь окажется закрытой. Но та подалась так же легко, как и дверь в его собственную комнату, и Макар шагнул внутрь, напрягшись, не зная, чего ожидать и что сказать тому, кто плакал внутри.

Все-таки ему пришлось удивиться еще раз.

Он стоял в пустой комнате, в которой возле стены лежал опрокинутый набок стул, а на стуле – небрежно брошенная выцветшая тряпка, бывшая когда-то шелковым женским платьем.

Глава 2

Эля накрывала на стол, с нетерпением ожидая появления гостя. Постоялец явился накануне, ни с кем не успел познакомиться, лишь помылся и, как пренебрежительно сказал Эдуард, «завалился спать». Она даже хотела пройти поздно вечером мимо его комнаты – просто так, посмотреть, как из щели выползает узенькая полоска света, – но вовремя вспомнила, что с той поры, как мать поменяла двери в доме, все полоски света остались плотно заперты в своих комнатах.

Она провела рукой по белой скатерти, вдыхая приятный запах свежесглаженной ткани, и наклонилась, чтобы украдкой принюхать. Ей нравились запахи, но не парфюмерии и даже не цветов – нет, Эля любила запахи домашние и чуточку смешные, вроде щекочущего нос запаха крышки от старого чайника со свистком, который она отстояла, не дала выкинуть, или уютного запаха глиняного горшка, в котором когда-то росла герань, но засохла, а горшок с землей так и остался стоять на подоконнике в ее комнате. Мать сердилась, требовала выкинуть «гадость», а для Эли это была вовсе не гадость.

Ей показалось, что она слышит шаги в коридоре, и Эля немедленно выпрямилась, чтобы никто не заподозрил ее в таком глупом занятии, как обнюхивание скатерти. Леня с Ларисой безжалостно высмеяли бы ее, с них станется и поупражняться в остроумии при госте, а Эля отдавала себе отчет в том, что состязаться с ними она не может. Не умеет. Иногда ей удавалось взглянуть на себя и на брата с сестрой отстраненно, и в таких случаях она всегда восхищалась тем, как быстро они соображают, как легко перебрасываются колкими репликами, которые, казалось, им не нужно было даже придумывать – те возникали будто из воздуха. А у нее, Эли, слова никогда не возникали из воздуха – нет, они давались с трудом, иной раз приходилось вымучивать их, и все равно получалось не то, что хотелось сказать. Так что она в очередной раз убеждалась в справедливости слов матери, после каждой неудачной фразы дочери сочувственно прибавлявшей: «Опять кто-то напрасно не промолчал».

Дверь в столовую распахнулась, Эдуард просунул внутрь прилизанную голову и оглядел комнату хитрыми глазами.

– *Этот* не приходил? – спросил он, не считая нужным поздороваться.

– Нет, не приходил. – Эля подчеркнуто медленно переставила чашки, повернулась к плите, на одной конфорке которой жарилась яичница, на

другой – ветчина, а на третьей – омлет. – Будешь завтракать?

– А как ты думаешь? Или ты надеялась все утро провести здесь одна?

Эля испуганно взглянула на него, пораженная тем, что брат так легко разгадал ее мысли, и Эдик довольно рассмеялся.

– Дурочка ты у нас, – почти ласково сказал он, проходя в столовую и усаживаясь в кресло возле окна, – все у тебя на лице написано.

Эля сделала два шага к подвесному шкафчику, в котором хранились специи, и замерла, рассматривая свое лицо в помутневшем стекле. Заурядное, круглое, ничем не примечательное лицо. Нос мелкой картофелиной, надо лбом завивается глупая челка. Щеки крепкие, да... Хорошие такие щеки, как у плюшевых котов британской породы. На то, что ниже лица, Эля смотреть не стала, чтобы не расстраиваться с самого утра. Тем более что день начинался так интригующе...

Раздались голоса, и в комнату вошли мать и Леня с Ларой.

– С добрым утром! – пропела Эльвира Леоновна, подойдя к Эдику с Элей и целуя их. – Как спалось, мои дорогие? И где наш уважаемый Макар Андреевич, которому, между прочим, с утра нужно ехать в санаторий? Ларочка, разбуди гостя.

Лариса взглянула на брата. Тот равнодушно вертел вилку, ловя солнечный луч и пуская блики по стене. Девушка вздохнула и направилась к двери, но тут на лестнице раздались быстрые шаги.

– Можешь не торопиться, – посоветовал Эдик. – Полчаса назад я постучал ему в дверь, и вот он уже летит на запах ветчины. Между прочим, Эля, у тебя бекон подгорает.

Эля дернулась по направлению к плите, а потому пропустила момент, когда гость вошел в комнату. Он как-то быстро оказался в столовой: только что звучали шаги на ступеньках – и вот уже Макар Андреевич стоит возле стола, знакомится с теми, с кем не успел познакомиться вчера, и извиняется за свое отсутствие на ужине. Минута – и уже сидит за столом, перебрасывается шутками с заинтересовавшейся Ларисой, расспрашивает Леню о его работе и отвечает комплименты Эльвире Леоновне.

Эля рассматривала Макара Андреевича исподтишка, больше беспокоясь не о том, что может показаться ему невоспитанной, а о том, чтобы мама не заметила ее интереса, иначе не миновать нравоучений. Эля перед самой собой было неудобно, но со своим любопытством она ничего не могла поделать: не так много в ее жизни появлялось объектов для исследования.

Гость был чуть выше среднего роста, светловолос, худощав и симпатичен. Лицо умное, из тех, что называют располагающими. Серые

прищуренные глаза поглядывали на сидящих вокруг стола чуть насмешливо, но Эля внутренним чутьем поняла: это не оттого, что именно они ему смешны, а оттого, что он всегда надо всеми посмеивается, в том числе и над собой. Она уже видела похожего человека, говорившего так, что не понять было: шутит он или всерьез. Новый постоялец был из той же породы.

Она попыталась определить его возраст и не смогла. Эдик накануне сказал – студент, и первое впечатление ее было именно таково, но, приглядевшись, Эля решила, что Макар Андреевич старше, чем кажется. «Клетчатая рубашка сбивает с толку. Он в ней какой-то несолидный», – подумала она.

За утренней беседой семья Шестаковых узнала, что Макар приехал на две недели подлечить больную спину в местный санаторий, славящийся своими врачами и процедурами, но, увидев номера в «Залежном», испугался и поспешно бежал. Илюшин в комическом ключе описал прелести номера, представшего его глазам, и все с удовольствием посмеялись: прибывшие в Тихогорск одинаковыми словами рассказывали об ужасах проживания в санатории.

– К сожалению, – признала Эльвира Леоновна, помешивая ложечкой кофе, – за последние несколько лет ничего, совершенно ничего не изменилось. Невозможно понять, отчего лечебный комплекс с такими возможностями не превратят в большой центр, куда люди могли бы селиться без опаски, что ночью их покусает клопы. Поймите меня правильно, Макар Андреевич, мне, как и прочим держателям частных гостиниц, от нынешней ситуации с санаторием одна лишь выгода: люди едут лечиться, жить в санатории им не хочется, и волей-неволей они вынуждены искать приют в городе. Но ведь дело не только и не столько в деньгах. Хотелось бы, простите за громкие слова, гордиться тем, что есть в Тихогорске...

Макар заверил Эльвиру Леоновну, что он прекрасно ее понимает, и разговор закрутился вокруг приезжих, состояния местного санатория и российской медицины вообще.

Непринужденно болтая, Илюшин впитывал в себя утренние впечатления от дома и людей. Комната, которую хозяйева называли столовой, находилась на первом этаже – к ней сделали пристройку, в которой разместилась кухня. Здесь, как и везде, соблюдался стиль мещанского уюта: большая лампа под абажуром над круглым столом, добротные стулья – такие же стояли в комнате Макара, – шкафчики с посудой за толстым стеклом, а в дальнем углу – шкаф-«горка», в котором на

фанерных полках красуются праздничные фарфоровые сервизы. Все вокруг не новодел, притворяющийся антиквариатом, а самые что ни на есть настоящие вещи, выдержавшие проверку временем. Только плита и мойка были новые, поблескивающие хромированной сталью.

Рассматривая хозяйку, Макар снова поразился тому, как прекрасно она выглядит. Он знал, что ей чуть больше пятидесяти, да и наличие четверых взрослых детей говорило само за себя, но госпожа Шестакова больше напоминала актрису, чем хозяйку маленькой провинциальной гостиницы. Снова длинное вязаное платье, на этот раз цвета топленого молока, и то же самое украшение на шее. Очень доброжелательна, очень спокойна и приветлива, и трудно поверить, что...

«Стоп, – сказал себе Макар, – об этом пока рано думать».

Эльвира Леоновна протянула руку за чайником, и даже этот простой жест вышел у нее изящным, как будто она специально училась чайной церемонии.

И дети у Шестаковой оказались необычными. Илюшин разглядывал их, составляя свое мнение.

Высокие, белокурые, очень похожие на мать брат с сестрой – это Лариса с Леонидом, которых остальные члены семьи называют Ларой и Леней. Сразу привлекают внимание к себе – и потому, что красивы, а главное – потому что близнецы. Сходство явное, очень бросающееся в глаза, несмотря на то что обоим уже по двадцать пять лет. «Они и в шестьдесят будут похожи», – подумал Макар, ловя на себе внимательный взгляд сидевшей напротив Ларисы.

На ней было светлое трикотажное платье – короткое, вызывающее. Бретелька то и дело падала с одного плеча, и Лариса недовольно поправляла ее, проводя быстрым ласкающим движением по белой коже. Типаж красотики, но не красавицы, подумал Илюшин, решив, что она должна пользоваться большим успехом у мужчин. Глаза серо-голубые, широко расставленные, и ни намека на мешки или синеву под ними, нос такой же маленький и аккуратный, как у матери, а вот губы тонковаты и бледны. Справа возле нижней губы – крупная родинка: выпуклая, как жучок, некрасивая и наверняка доставляющая девушке массу хлопот.

Леонид сидел молча, иногда вставляя короткие фразы не к месту, сонно тер глаза и украдкой зевал. Сильный и гладкий, как тюлень, с чисто выбритой кожей, почти такой же нежной, как у сестры, он искоса поглядывал на Илюшина, но особого интереса к нему не проявлял. Крупный нос ничуть не портил его лицо, а глаза так и вовсе были хороши, и выразителен был рот: уголки четко очерченных губ загибались книзу, и

это придавало лицу Лени выражение чуть усталое, как у много повидавшего в жизни человека. Очень светлые длинные волосы он собирал в хвост, и Лариса шутя подергивала его за этот хвост, а брат в шутку рычал на нее и отмахивался рукой, как тигр лапой.

Эдуард, он же Эдинька и Эдик, встретивший Макара накануне, сегодня держался дружелюбно, как и мать: шутил, выпрашивал впечатления Макара о пансионате, рассказал пару забавных историй о своих знакомых и вообще производил впечатление человека если не обаятельного, то приятного и непосредственного. Несмотря на то что был он самым младшим, держался Эдуард как старший и пару раз сделал замечание Ларисе. Та, к удивлению Макара, и не подумала огрызнуться.

В ответ на вопрос Илюшина о профессии Эдуарда Эльвира Леоновна с гордостью поведала, что в своем относительно юном возрасте Эдик уже стал помощником депутата.

– В двадцать два года Эдик устроился к Анатолию Ивановичу, – сказала она, разрезая на кусочки омлет. – Да, Эдинька? Сколько ты уже работаешь у Рыжова? Год, правильно?

– Чуть больше, – ответил Эдуард, сосредоточенно жуя бекон. – Кстати, Макар Андреевич, вам должно быть интересно: мы в нашем городе боремся с проблемами...

Макар надел на лицо вежливую улыбку сосредоточенного слушателя – и отключил слух. Он научился этому несколько лет назад, и его способность не раз пригождалась Илюшину: достаточно было начать в уме декламировать первые строки выбранного стихотворения, входя в определенное состояние «глухоты», и спустя пару минут можно было смотреть на собеседника, не слыша его. Илюшин раз и навсегда остановился на «Мцыри», и как только младший сын Эльвиры Леоновны стал рассказывать о важном социальном проекте, Макар неспешно начал про себя: «Немного лет тому назад, там, где, сливаясь, шумят, обнявшись, будто две сестры, струи Арагвы и Куры, был монастырь»... Этот прием он давно отработал, и уже на слове «монастырь» голос Эдуарда стал доноситься словно бы издалека. Можно было беспрепятственно наблюдать за всеми членами семьи.

«Итак, Лариса, Леонид и Эдуард... Все трое самоуверенны, хватки, напористы. Однако куда интереснее, чем они, хозяйка дома и ее старшая дочь».

Толстушка с грустными глазами, украдкой изучавшая его – Элла, для домашних – Эля, самая старшая и самая тихая из детей Эльвиры Леоновны, – суетилась, накладывала ему омлет и бекон, порывалась

положить в тарелку еще и яичницу, но Макар пресек эту инициативу. Наконец она села и стала рассматривать его, но как только Илюшин поднял на нее глаза, смутилась, покраснела и быстро нашла себе занятие: принялась собирать со стола грязные тарелки. На поясе ее юбки болтался тканый мешочек, в котором позвякивали ключи, – вероятно, решил Макар, улыбнувшись про себя такому способу их хранения, именно Эля является ответственной за все двери в этом доме.

Была она тихая, уютная, с короткими полными ручками – закатанные рукава рубашки открывали взгляду розовую незагорелую кожу в россыпи веснушек. И лицо у нее было нежно-розовое, в отличие от «фарфоровых» лиц родных, а глаза непонятного цвета: то ли карие, то ли зеленые. Пухлые щеки, милая улыбка, быстро появляющаяся и тут же исчезающая, такой же быстрый, как улыбка, немного испуганный и грустный взгляд. Она хлопотала вокруг своих родных и Макара, и все воспринимали это как должное. Пару раз Илюшин поймал недовольный взгляд Эльвиры Леоновны – дочь явно сделала что-то неправильно, но он так и не смог понять, что именно.

Девушка казалась удивительно чужеродным элементом в этой семье светловолосых, стройных, красивых людей: даже Эдуард, несмотря на щедедушное телосложение и прищуренные глаза, производил впечатление смазливового парня. Она явно стеснялась себя, своего большого полного тела, прикрытого мужской рубашкой на два размера больше, чем нужно, пышной низкой груди, и руки, садясь, прятала на колени.

Позавтракав и поблагодарив хозяев, Илюшин заторопился в свою комнату. Однако, поднявшись по лестнице, вспомнил, что не узнал о транспорте, которым ему предстояло добираться до санатория, и вернулся в столовую, чтобы расспросить Элю. Приоткрыв дверь, Макар увидел двух женщин, стоявших к нему спиной: Эльвира Леоновна облокотилась на плиту, Эля мыла посуду.

– ...так сложно сделать маникюр? – закончила старшая Шестакова начатую фразу. – Посмотри на себя!

Девушка возле раковины сжалась. Макар стоял и смотрел на ее спину – широкую спину в бесформенной уродливой рубашке.

– Я прощаю тебе твою феноменальную лень, из-за которой ты стала похожа на беременную козу, – после долгой паузы сказала Эльвира Леоновна, и голос ее удивительно контрастировал со смыслом произносимых слов. – Я с пониманием отношусь к тому, что ты оказалась непригодна к профессиональной умственной деятельности и зарабатываешь на жизнь, откровенно говоря, ерундой. Бог с ним! – в конце

концов, ты действительно помогаешь мне по дому, и твоя помощь неоценима. Я это признаю, и мы все тебе благодарны. Но, Эля, неужели ты не можешь приложить хотя бы минимум усилий, чтобы выглядеть женственно! Боже мой, хотя бы аккуратно! Пользуйся моими кремами, запишись на маникюр, раз уж к двадцати семи годам ты так и не научилась ухаживать за руками самостоятельно, – но только делай что-нибудь! И не смотри на меня, как будто ты Золушка, которую отчитывает злобная мачеха. Все, что ты сейчас имеешь, Эля, – это твой собственный выбор.

Эльвира Леоновна выпрямилась, и Макар успел прикрыть дверь прежде, чем она обернулась. Не колеблясь, он нырнул за штору, а пару секунд спустя женщина вышла в коридор. Макар услышал вздох, затем – шаги, приглушенные ковром, скрип ступенек на лестнице, и только тогда решился выглянуть.

Никого.

Подумав, Илюшин вернулся к столовой, постоял возле неплотно прикрытой двери, прислушиваясь к звукам в комнате. Затем потянул ручку на себя и увидел в приоткрывшуюся щель, что Эля по-прежнему стоит к нему спиной, моя посуду в раковине.

– Элла, простите...

Она вздрогнула и резко обернулась, чуть не уронив тарелку и подхватив ее в последнюю секунду. Лицо у нее покраснело, на щеках расцвели два ярких пятна и посреди лба тоже было пятно, будто она ударилась.

– Я хотел спросить вас, как мне лучше добраться до санатория, – спокойно сказал Илюшин, делая вид, что не замечает ни красных пятен, ни слез в глазах. – Мое лечение должно начаться с завтрашнего дня, но я хочу разведать дорогу.

– Вам нужно на остановку восемнадцатого автобуса, – с готовностью отозвалась девушка. – Это сразу за поворотом, на Печенежской. А еще там ходит маршрутка, на ней добираться быстрее и удобнее, хотя и немножко дороже. Ехать около двадцати минут, и водитель всегда объявляет, что доехали до санатория. Да вы и не проедете мимо – он же большой...

Она покрутила тарелку в руках.

– Надеюсь, вам понравился завтрак, – неожиданно добавила Эля и попыталась улыбнуться.

– Очень понравился.

Илюшин кивнул, прощаясь, и направился к двери.

– Между прочим, – заметил он, останавливаясь на полпути, словно вспомнив что-то, – я вчера слышал странные звуки из комнаты на втором

этаже. Как будто кто-то плакал...

Бац! Тарелка упала на пол, но не разбилась, а лишь треснула пополам. Некоторое время Эля и Макар стояли молча, не сводя глаз с волнистой трещины, пробежавшей по цветочному рисунку. Словно под воздействием их взглядов трещина вдруг сделалась широкой, в следующий миг от тарелки со звонким хрустом отвалился один кусок, а затем и второй. Эля присела на корточки, посмотрела на Илюшина снизу вверх, и лицо у нее стало странное: как будто она прислушалась к чему-то, чего не слышал Макар, и испугалась.

– Вам показалось, – торопливо проговорила она, – там ничего нет. Наверное, кошка мяукала. Знаете, у нашего соседа, Валентина Ованесовича, живут две кошки и один кот, и они иногда заходят к нам. Забираются через крышу, бродят по дому и мяукают. И на втором этаже гуляют, и даже на чердак заходят...Мы их прогоняем, потому что у Эдика аллергия на шерсть.

Она поднялась, сжимая в руках осколки разбившейся тарелки. Светлые волосы выбились из прически, неопрятно рассыпались по плечам.

– Не обрежьте, – сказал Илюшин и вышел из столовой.

Ксения шла по улице, вдыхая сумасшедший запах молодых тополиных листьев, сирени и земли, нагретой ранним солнцем. На асфальте после ночного дождя сверкали лужи, и она обходила их, сдерживая в себе желание наступить каблучком со всего размаха в середину воды – так, чтобы брызги взлетели вверх, замерли на долю секунды, а затем рассыпались по асфальту.

Апрель в этом году выдался ранний, а вот май задерживался. Сирень зацвела всего пару дней назад, да и не совсем зацвела – скорее приготовилась: набухли и потяжелели кисти, окутались сиренево-зеленоватым. Тихогорск утопал в сирени, кусты ее росли везде: и перед зданием администрации, и возле большого супермаркета, построенного несколько лет назад – цивилизация добиралась до Тихогорска небыстро, – и рядом с гимназией... Что уж говорить о частных домиках и пятиэтажках, которыми был застроен небольшой и, откровенно говоря, скучноватый городок. Сирень от чернильно-фиолетовой до светло-голубой, нежнейших оттенков, непередаваемого аромата, который хотелось пить, как родниковую воду, – вся готовилась расцвести, ждала тайного майского знака.

Ксения легко перемахнула через широкую коварную лужу, притворившуюся мелкой и невинной, провела, не удержавшись, рукой по

влажным листьям куста, развесившего ветки над тротуаром, и побежала дальше, на ходу стряхивая с пальцев крупные капли.

Улица, по которой она шла, не закончилась, как подобает приличным маленьким улочкам, а оборвалась: исчезла сирень и вообще вся зелень, а дома сменились угрюмым массивом гаражей. Над ними протянулся длинный пешеходный мост, который и должен был привести Ксению к остановке: отсюда отходил рейсовый автобус – на нем она собиралась ехать к подруге.

Она взбежала по громыхающим черным железным ступенькам, вспухшим по краям буквами и непонятными знаками, и зацокала каблуками по мосту, поглядывая вниз. Разноцветные лоскуты крыш гаражей летом заполнялись буйной зеленью в швах между ними, но сейчас швы были серыми и грязными. Ксения не любила этот район. И мост, в народе называемый «перекладиной», тоже не любила. Он соединял два района – центральный и тихий окраинный, разделенные гаражным массивом, появившимся здесь в незапамятные времена. Отец рассказывал, что раньше на этом месте был пруд и даже принято было на выходные устраивать катания на лодках, а на берегу стояли беседки и летние кафе, в которых продавали хрустящие стаканчики с пломбиром. Может, оно и в самом деле так, но поверить в то, что под мостом когда-то была вода, Ксения решительно не могла. Гаражи росли из серой безжизненной каменистой земли и, казалось, готовились встретить старость, а затем уйти в ту же землю, чтобы дать силы новым росткам гаражей.

Все здесь было злобное, насупленное, и собаки ходили злые, свирепые, подкармливаемые такими же свирепыми местными сторожами.

На середине моста Ксения остановилась и посмотрела вниз, стараясь не подходить к мокрым перилам вплотную: во-первых, опасалась испачкаться, а во-вторых, по непонятной прихоти конструкторов их сделали низкими, так что перила едва доставали девушке до пояса. На дороге между гаражами пытались разъехаться две машины, вокруг которых бесновались четыре рыжих пса.

Позади нее загрохотали шаги – кто-то вслед за Ксенией срезал путь по мосту. Большинство жителей по непонятной причине все-таки избегали этого места, предпочитая куда более длинный, но и более приятный обходной маршрут по дугообразной аллее Гагарина, обсаженной кленами и липами.

Ксения ускорила шаг. «Перекладина» выводила не к самой остановке, а к пяточку метра в сорока от нее, и эти сорок метров ей предстояло пройти по узкому тротуару, на котором всегда толпились люди. Они сновали туда-

сюда, огибая основание лестницы, и пустой мост смотрелся странно и зловеще – черный, безлюдный, длинный, как хребет доисторического чудовища.

Негромкие шаги позади раздалась ближе – человек почти догнал ее. «Торопитесь на маршрутку, наверное», – подумала Ксения, на секунду останавливаясь перед ступеньками вниз, прежде чем поставить ногу на первую из них: сегодня она надела новые ботинки на каблуках, а сидящий в ней с детства страх упасть и разбиться на крутой лестнице заставлял ее примеряться к любому спуску.

Внизу потоком шли машины – оживленная трасса соединяла центр Тихогорска с фабричными районами, люди торопились на работу. Внезапно резко просигналил автобус – так громко, что девушка вздрогнула, и нога, почти поставленная на ступеньку, предательски скользнула по ее краю. Ксения изо всех сил схватилась за невысокий поручень и, конечно, удержалась, но руки сразу задрожали, и ей пришлось так и спускаться вниз, крепко держась за холодные мокрые перила, не просохшие после ночного дождя, провожая взглядом серую спину обогнавшего ее единственного «попутчика».

Оказавшись на асфальте, она вытерла руки платком, перевела дух и заспешила к остановке. Людской поток прижимал ее к дороге, и в конце концов Ксения вскочила на бордюр, пошла по нему, балансируя, – здесь она чувствовала себя уверенно. Черная «Волга» с ревом пронеслась по крайней полосе, и Ксению окатило брызгами из-под колес. Она успела лишь подумать о том, что, не дай бог, попадетса водитель, который не справится с управлением на мокрой дороге, и вдруг спиной почувствовала что-то нехорошее.

Ксения ничего не успела сделать.

Человек, поравнявшийся с ней, поправил на голове капюшон и в следующую секунду рассчитанным безжалостным движением столкнул ее с бордюра на проезжую часть, под колеса автомашин. Раздался крик, глухой удар, а после странной, на миг воцарившейся вокруг тишины – словно все люди разом замолчали – новый крик, хриплый и быстро оборвавшийся. Кто-то пораженно выругался, кто-то ахнул, но человек в капюшоне этого уже не услышал: не оборачиваясь, не прибавляя шагу, он переместился вслед за каким-то толстяком в глубь толпы, а затем растворился на одной из узких улочек Тихогорска.

После завтрака Илюшин неторопливо собрался и вышел из дома, накинув куртку – майское утро было солнечным, но прохладным. Пройдя

по улице, он свернул в проулок, следуя указаниям Эли, и пять минут спустя оказался на небольшой площади, откуда регулярно уходили автобусы: и в центр, и на швейную фабрику, снабжавшую город рабочими местами.

Людей на площади оказалось неожиданно много. Помня тихий вечер накануне, Макар ожидал, что увидит типичную картину провинциального городка: одинокие редкие пешеходы, чаще всего – пенсионерки с собачонками либо же молодые мамы, гуляющие с колясками по своему району или сидящие во дворах. Однако город жил, оживленно переговаривался сам с собою, куда-то бежал, волок увесистые сумки и битком набитые пухлые портфели... Возле остановки Илюшин оказался в водовороте: то и дело подъезжали автобусы, волна пассажиров закручивала Макара, а затем выплескивала в сторону, оставляя отдышаться. Машины неслись, громко сигналив, автобусы гудели, водители внутри объявляли в микрофон следующую остановку и требовали освободить двери. Утренний весенний воздух был пропитан выхлопами машин и тем вечным непонятным запахом, что образуется в местах большого скопления людей.

«Ничего себе, – подумал Илюшин, пытаясь разглядеть номер подъехавшего автобуса. – Кто-то, кажется, говорил, что это окраина. Интересно, что же тогда творится в центре?»

Над дорогой нависал мост, уходивший куда-то за гаражи, теснившиеся на другой стороне улицы. Назначение моста, тяжело поднимавшегося на широких черных опорах, заинтересовало Илюшина, поскольку, несмотря на столпотворение возле остановки и вдоль дороги, на нем почти не было пешеходов. Только женская фигурка в чем-то черном виднелась вдалеке.

Макар перевел взгляд на подъезжающие автобусы и стал ждать, когда появится нужный. Он стоял в стороне, засунув руки в карманы куртки, и во всех деталях восстанавливал в памяти утреннюю болтовню за столом и последующий разговор с Элей. Необъяснимый плач, который он слышал накануне, занимал его не меньше, но объяснения этому явлению Макар пока не находил.

Автобус, отправлявшийся к санаторию, все не шел, и Макар снова взглянул на мост. Увиденное заинтересовало его. Женщина дошла до конца моста и остановилась перед ступеньками, словно готовясь шагнуть в воду и обдумывая, насколько там глубоко. Только сейчас Илюшин заметил позади нее второго человека – высокого парня в серой куртке с капюшоном, нахлобученным на голову. Парень ускорил шаг и вдруг сделал резкое движение в сторону девушки, будто собираясь столкнуть ее с моста. Макар невольно шагнул вперед, но девушка, не оборачиваясь, за пару секунд до удара покачнулась и схватилась за перила. В тот же миг парень отшатнулся,

скользнул мимо нее и сбежал по ступенькам, не оборачиваясь.

– Эт-то что еще такое? – недоверчиво протянул Илюшин, и какая-то бабка с пакетом, подозрительно покосившись на него, отошла в сторону.

Не обратив на нее внимания, Макар прищурился, напряженно пытаясь рассмотреть женщину, уже спустившуюся с моста, однако потерял ее в толпе. Тогда он поискал глазами парня в капюшоне, но и тот исчез. К остановке подошел автобус, на лобовом стекле которого картонная табличка извещала о том, что конечный пункт назначения – санаторий «Залежный», и люди начали торопливо протискиваться в двери.

Вместо того чтобы сесть в автобус, Илюшин быстро пошел навстречу людскому потоку, ввинчиваясь в него и высматривая женщину с моста.

Он бы не увидел ее, если бы она неожиданно не забралась на бордюр и не пошла навстречу Илюшину, смешно расставив руки в стороны и явно опасаясь, как бы кого не задеть. Она шла легко и красиво, как акробат по натянутому канату, и полы короткого легкого плаща развевались, когда очередная машина проносилась мимо. Макару оставалось до женщины не больше десяти шагов, и тут за ее спиной возник парень в сером капюшоне.

Илюшина отличала способность к молниеносному принятию решений. Не раздумывая ни доли секунды, он рванул вперед – но не к женщине и не к парню, которого так и не смог толком разглядеть за спинами прохожих, – а на дорогу. Две машины, увидев человека на проезжей части, вильнули в сторону, водитель третьей – белой «пятерки», ехавшей по крайней полосе, – затормозил, но машину занесло на мокром асфальте, и Макар увидел, как она медленно – словно плывя в воде – движется вправо и ударяется о бордюр, совсем чуть-чуть не доехав до фигурки в черном плаще, лежавшей на дороге.

На тротуаре споткнулась, упала и вскрикнула женщина, люди шарахнулись в сторону от места аварии, и громко заревел испуганный шумом ребенок. Сзади засигналили. Водитель «Жигулей», сидевший с ошеломленным лицом, отстегнул ремень безопасности, на подкашивающихся ногах вылез из машины и, увидев поднимающуюся с асфальта девушку, громко и грязно выругался.

Макар подошел к ней, подхватил под локоть и помог подняться, выискивая глазами парня в толпе. По логике вещей, тот должен был проследить, чем все закончится, но среди любопытных и испуганных людей Илюшин не увидел человека в капюшоне. Он исчез.

Люди громко заговорили, и на Макара, который во время своей короткой пробежки не слышал ничего, кроме резких сигналов машин, обрушились голоса и звуки: кто-то возмущался, кто-то спрашивал, что

произошло... Подъехавшие к остановке автобусы пытались обогнуть место аварии, и из-за этого на дороге образовался затор.

Водитель обошел машину и снова выругался.

– Меня... меня толкнули, – сглотнув, вдруг проговорила девушка, вцепившись Илюшину в рукав, но обращаясь к водителю – низенькому лысому мужчине с несчастным потным лицом. – Господи, вы же меня чуть не сбили!

– Я бы тебя, дуру эдакую, точно сбил, если бы это чучело на дорогу не выскочило! – заорал тот в ответ, тыча пальцем в Макара. – Совсем спятила – под машину бросаться?! Хочешь с собой покончить – заберись на любую высотку и оттуда сигай!

Трясущимися руками он порылся в кармане, выудил пачку «Мальборо» и, достав сигарету, жадно закурил.

– Меня толкнули, – повторила девушка и попыталась снова сесть на асфальт, но Илюшин ее удержал. – Кто-то шел и случайно меня задел...

Она закашлялась от дыма.

– Не случайно, – сказал Макар, все еще пытаясь отдышаться и про себя добрым словом поминая Бабкина, силком вытаскивавшего его в спортзал. – Первый раз вас хотели столкнуть с моста, второй раз – сейчас, под машину. Подумайте, кто вас так сильно не любит. И больше не ходите по бордюрам.

Он мельком оглядел зевак и быстро пошел прочь, размышляя на ходу, удастся ли ему избежать расспросов местной милиции. Люди расступились, когда он подошел к тротуару, Макар скользнул в образовавшийся коридор и, чувствуя на себе любопытные взгляды, направился к одной из узких улочек, веером расходившихся от площади с мостом.

Он шагал очень быстро, не переходя на бег, но и не желая, чтобы его догнал кто-нибудь из любопытствующих. «Сергея был бы в восторге, – думал Илюшин, поднимаясь по улочке вверх к желтым двухэтажным домикам старой застройки, с деревянными сараями во дворах. – Не успев приехать, ввязался непонятно во что. С другой стороны, еще не совсем ввязался, и хочется надеяться, что не ввяжусь».

Быстрый перестук каблуков за спиной заставил Макара оглянуться. Его догоняла та самая девица, которую толкнули с бордюра, – запыхавшаяся, взъерошенная как воробей.

– Пойдите! – позвала она, будто испугавшись, что он убежит. – Стойте, мне нужно с вами поговорить!

Илюшин нехотя остановился. «Разумеется, ей нужны свидетельские

показания. Похоже, я все-таки влип. Черт, нужно было сразу заскакивать в автобус и ехать в санаторий, а не уходить с остановки».

– Я хотела сказать вам спасибо. Я не сразу поняла, что вы сделали, а потом мне объяснили, что вы специально выскочили на дорогу. Спасибо вам большое!

По девушке было видно, что она очень волнуется, но старается говорить спокойно.

– Я на мосту что-то неладное почувствовала... Надо было подождать, но я торопилась к подруге...

Она махнула рукой и опустилась на корточки, прислонившись спиной к стене дома, возле которого они стояли. Глядя на нее сверху вниз, Макар заметил сырые расплзающиеся пятна на ее легком плащике.

– Вам нужно выяснить, кто вас толкнул.

– Нет, выяснять ничего не нужно, – сказала она, и Макар удивленно вскинул брови. – Я знаю, кто это сделал.

Озадаченный и заинтригованный Илюшин присел напротив нее и внимательно посмотрел в лицо девице, проверяя, не разыгрывает ли она его.

– Кстати, меня зовут Ксения Ильинична, – добавила она, – но вы можете называть меня просто Ксеньей.

– Макар. Если вам удобнее с отчеством – Макар Андреевич.

Девушка замолчала, приложила пальцы к вискам и несколько раз с силой провела по ним снизу вверх, отчего кожа на висках покраснела. Затем встала – вернее, распрямилась как пружинка, словно для нее это не составило никакого труда, – и сделала несколько шагов: до ближайшего дома – и обратно. Вытянула перед собой ладони и пару раз согнула и разогнула пальцы – похожее движение Илюшин видел у потягивающихся кошек, переминающихся лапами на подушке.

– Не обращайтесь внимания, я пытаюсь прийти в себя, – вдруг сказала она, отвечая на незаданный им вопрос. – Это... такой набор движений, для релаксации. Противное слово – релаксация, но ничего лучше не придумывается.

Макар ожидал, что теперь она начнет говорить, говорить непрерывно, несвязно, как ей было страшно, когда она вылетела на дорогу, по многу раз возвращаясь к одному и тому же... Но девица снова удивила его: молча, сосредоточенно соединила кончики пальцев на руках – поочередно от мизинца до большого – и постояла, закрыв глаза и напряженно сдавливая пальцы.

– Это тоже для релаксации, – объяснила она, хотя Макар ни о чем ее не

спрашивал. – Чтобы ничего не бояться.

И улыбнулась, будто сказала что-то забавное.

Только теперь он рассмотрел ее как следует. Ей было около тридцати лет, но язык не поворачивался назвать ее женщиной: она была из породы девчонок, длинноногих и легких, играющих с мальчишками на равных, забирающихся на деревья и расцарапывающих ноги в лесу, – лучшие из таких, вырастая, нисколько не теряют этой легкости. Лицо с ярким румянцем на высоких скулах, заостренный подбородок и прищуренные карие глаза под растрепанной шапочкой коротких вьющихся темно-русых волос. Большой рот под вздернутым, каким-то детским носом; уголки губ чуть-чуть загибались кверху. Ее нельзя было назвать красивой – слишком много неправильностей было в этом живом подвижном лице, слишком непохоже оно было на гладкие невыразительные лица с рекламных плакатов – прекрасные и бесстрастные. Но она была очаровательна.

Девушка открыла глаза, расцепила руки и присела на корточки – так же свободно, как и встала. Лицо ее стало спокойным, краснота исчезла, и больше она не производила впечатления человека, которого меньше десяти минут назад пытались убить и он об этом знает.

Сидя на корточках напротив Илюшина, Ксения откровенно рассматривала его, по-прежнему щуря глаза, и Макар представил, как они выглядят со стороны: парень в синей спортивной куртке и девушка в черном плаще, присевшие в довольно нелепой позе на тротуаре и изучающие друг друга.

Она окунула тонкие пальцы в волосы, провела по голове, словно пытаюсь уложить взлохмаченные пряди.

– Почему вы это сделали? – В ее голосе звучало эхо пережитого страха, приправленное неподдельным любопытством. – Вы же рисковали ради незнакомого человека.

– Не преувеличивайте, ничем я не рисковал, – возразил Илюшин. – Против вас действовал фактор неожиданности, а против меня он не работал. Так что не стоит обманываться и видеть во мне героя.

– Хорошо. Я не буду обманываться и видеть в вас героя. Но быть благодарной вам я могу, правда?

Она смотрела на него вопросительно, но выражение ее лица было серьезным, и Макар нехотя признался, что да, быть благодарной ему она может.

– Слава богу! – с облегчением сказала Ксения. – Я боялась, что вы мне это запретите. Нет, правда, вы очень облегчили мне жизнь!

Секунду Илюшин смотрел на нее, а затем от души рассмеялся.

– Давайте закрепим успех, – по-прежнему серьезно предложила девушка, вставая с корточек, и он поднялся следом за ней. – Если я начну вам совать деньги, то получится неловко, правда? К тому же глупо, учитывая, что у меня с собой всего двести рублей. Зато я могу предложить вам прекрасный рассольник, сваренный мастером рассольника. А также невероятно вкусную долму.

– Ее готовил мастер долмы?

– Увы, нет. Ее готовил тот же мастер рассольника, но его мастерство, можете мне поверить, распространяется и на долму. Если вам не жалко потратить двадцать минут на дорогу и полтора часа на обед....

Она осеклась, взгляделась в серые глаза, выражения которых не могла разобрать.

– Если у вас нет времени или вы просто не хотите, скажите об этом прямо, – совсем другим тоном попросила она. – Я не хочу навязываться и выглядеть назойливой идиоткой в ваших глазах. Я всего лишь хочу накормить вас хорошим обедом, потому что это самое меньшее, что я могу для вас сделать.

– Это единственная причина?

– Вообще-то нет, – неожиданно призналась Ксения. – Во-первых, я захотела есть после этого ужаса, а здесь нет ни одного приличного кафе. Во-вторых, к подруге я, конечно, не поеду, сейчас позвоню и отменю визит, а возвращаться домой одной мне страшно. Я понимаю, что больше со мной ничего не случится, но мне все равно хотелось бы провести ближайшее время не одной, а с кем-нибудь в компании.

– Идет, – согласился Макар. – С одним условием.

– С каким угодно! – обрадовалась она.

– Вы рассказываете мне, кто пытался столкнуть вас под колеса машины. И почему вы избежали встречи с нашей доблестной милицией, хотя она, очевидно, должна была приехать на место неудавшегося покушения.

Девушка пристально посмотрела на него, и Илюшину вдруг пришло в голову, что она старше, чем кажется.

– Сколько вам лет? – подозрительно спросил он.

– Тридцать. – Она все же немного растерялась. – Почти. Исполнится через две недели, если доживу. А что, мой возраст имеет какое-то отношение к вашему согласию отведать нашего семейного рассольника?

– Никакого. Обычное любопытство.

– Тогда, если вы удовлетворили свое любопытство, предлагаю подняться вверх – там за углом остановка, откуда можно доехать до моего

дома.

Лариса тысячу раз пожалела, что решила надеть платье: погода не баловала теплом, и она с завистью поглядывала на девушек, благоразумно накинувших куртки, плащи или весенние пальто. К тому же Толик опаздывал – от этого она особенно злилась, но старалась сдерживать злость: если она сядет в машину раздраженная, то наверняка не сможет удержаться от того, чтобы высказать ему накипевшее. А высказывать было нельзя, особенно сегодня. В другой раз, быть может...

Собственно, и платье было одной из составных частей плана: тонкое, облегающее ее красивую фигуру. Самой Ларисе не нравилось, что она широковата в плечах, – и Ленька не давал ей забыть об этом, в шутку дразня ее пловчихой, – но со временем она научилась обыгрывать этот недостаток, превращая его в достоинство. У всех ее платьев и блузок плечи были сильно открыты, иной раз асимметричность покроя даже подчеркивала разворот и ширину плеч, но кожа у Ларисы была такой нежной, такой молочно-белой, что смотревший мигом забывал о некрасиво выступающих косточках и прочих недостатках, о которых она прекрасно знала.

Вот и у этого трикотажного платья, которым она надеялась утром поразить приехавшего гостя, одна бретелька все время продуманно спадала. Но если за завтраком она с удовольствием ловила на себе внимательный взгляд (а гость, Лариса честно призналась себе, был хорош – не красавец, да и не ее типаж, но чертовски интересен), то теперь кляла на чем свет стоит и бретельку, и погоду, и Толика, для которого не существовало понятия «пунктуальность».

К тому моменту, когда представительная «Ауди» Анатолия подъехала к кинотеатру, Лариса успела промерзнуть до костей. Однако в машину она села с достоинством, неторопливо, и милостиво разрешила Толе себя поцеловать.

– Что-то у тебя руки ледяные, – небрежно бросил он, разворачиваясь на узкой дороге. – Замерзла? Давно стоишь?

– Только что подошла, – лениво ответила девушка, потягиваясь. – У матушки новый клиент, требовалось его развлечь.

Анатолий бросил на нее искоса быстрый взгляд.

– Я тоже хочу, чтобы меня развлекали, – с обиженной интонацией протянул он, и Ларису позабавила капризность, которую она услышала в его голосе.

– Толенька, разве я против?

Он притормозил у обочины, окинул подругу оценивающим взглядом (наконец-то!).

– Хороша ты, Ларка, – весело сказал он и потянулся поцеловать ее, но девушка строго помахала пальцем у него перед носом. – Не понял – откуда такие запреты?

– Ты бы еще на главной площади встал! Хочешь, чтобы твоя Виктория нас увидела?

Упоминание имени жены подействовало: Толик нахмурился, газанул с места и быстро свернул в проулок.

– Едем ко мне, – предложил он, как будто у них имелись другие варианты. – Сколько у тебя времени?

– Я вся твоя... – промурлыкала Лариса, поворачиваясь к нему выгодным ракурсом – в профиль. Впрочем, ракурса Анатолий не оценил, поскольку смотрел на дорогу. Тогда она уселась поудобнее и стала смотреть на него.

Толику было сорок три года. Депутат Законодательного собрания области, он и выглядел как положено депутату: полноватый, представительный, в костюме, который скрадывал его полноту. Однако, раздевшись, он менялся так разительно, что Ларисе каждый раз стоило большого труда не расчихикаться. Мягкотелый, белый, как очищенный кальмар, большеголовый, с плотными безволосыми руками, Толик казался ей выросшим пупсом, а не мужчиной. Правда, несколько раз у нее была возможность выяснить, что «пупса» лучше не злить, и Лара хорошо усвоила урок. Анатолий не переносил ее насмешек, и все, что позволялось девушке, – это легкое подшучивание. Более того, когда она попыталась установить между ними отношения «прекрасная принцесса – уродливый нищий, которому невероятно повезло», Анатолий быстро расставил все по своим местам. Ларису он не держал, не собирался унижаться перед ней, выпрашивая ее благосклонность, и искренне полагал, что платит ей вполне достаточно, чтобы она была покладистой любовницей – не капризной, не скандальной, а главное – не претендующей на роль жены.

Лариса давно бы уехала из Тихогорска, если бы не любовник. Год назад неожиданно для себя самой она обнаружила, что вложила слишком много в их четырехлетнюю связь, чтобы взять и просто так ее разорвать. Она поймала себя на пугающей мысли о том, что неплохо было бы выйти за Анатолия замуж и зажить спокойно и сыто, как его жена, четыре раза в год подолгу отдохавшая на курортах.

Однако Анатолий, которому жена родила двоих детей, не торопился менять «старое мясо на новое», по злему выражению Лени, который один

из всей семьи был в курсе Ларисиной связи. От брата девушка ничего не скрывала, да это и не имело смысла: он сразу узнавал о любом ее новом увлечении. Именно Ленька подал ей идею выжать из Толика как можно больше, но сделать это аккуратно, постепенно. «Не пугая клиента» – так сказал Леня.

Четыре года назад, познакомившись с Толиком в единственном приличном ночном клубе Тихогорска, Лариса решила, что поиграет с ним недолго – и бросит. Когда только он успел привязать ее к себе дорогими подарками и карманными деньгами, которые, казалось не считая, подбрасывал ей во время каждой встречи? «Это он меня развратил, – зло думала Лариса, поглядывая на довольного самоуверенного мужчину за рулем. – Если бы не Толик, я бы давно устроилась на работу!»

Однако горькая правда жизни состояла в том, что на работу Ларисе было устроиться крайне сложно. Вместе с Ленией она окончила институт легкой промышленности в областном центре – Анненске, находившемся всего в пятидесяти километрах от Тихогорска, и мать их была сильно удивлена, когда по окончании учебы близнецы вернулись домой: Эльвира Леоновна предполагала, что оба не захотят жить в такой глубокой провинции, какой представлялся ей Тихогорск. Однако брат и сестра решили по-своему. «Большой разницы между городами нет, – пояснил Леонид, – а жить лучше в своем доме, чем в съемной квартире».

В чем-то он был прав. Сам Леня быстро устроился представителем крупной торговой фирмы, чьими шоколадными батончиками в яркой красно-синей блестящей обертке были завалены прилавки супермаркетов, купил в кредит машинку марки «Хундай», выплатил его как-то незаметно и удивительно быстро и теперь работал по свободному графику. «Крутиться», по выражению Лени, ему приходилось много лишь в первый год, а затем все наладилось, и Леонид даже нанял молодого амбициозного юношу, которому делегировал часть своих полномочий.

Лариса в его дела не лезла, но года три назад, помыкавшись в поисках работы, обратилась к Лене в надежде, что он пристроит ее к себе. Выпускницу института легкой промышленности не хотели брать никуда, кроме швейной фабрики, для которой, собственно, этих выпускниц и готовили. Работать на швейной фабрике Лариса не собиралась. Что она будет делать у брата, Лариса представляла смутно, но ей казалось, что ничего сложного в Ленькиной деятельности нет.

К себе Леня ее не взял, но предложил выход: он говорит матери, да и всем остальным, что сестра подрабатывает его помощницей. Так Лариса получила статус работающей по свободному графику женщины,

объяснение деньгам и новым тряпкам и также возможность распоряжаться временем по своему усмотрению, не отчитываясь перед матерью. Однако за полтора года девушка не потеряла осторожности и каждый раз встречалась с Анатолием за квартал от своего дома. От него же тщательно скрывала отношения с другими мужчинами: хранить верность любовнику Лариса считала верхом глупости, а природный темперамент требовал выхода – встреч с ним раз в неделю ей не хватало. Мужчины появлялись в ее жизни ненадолго и служили лишь средством удовлетворения, в том числе морального: девушка доказывала себе, что она интересна не только Толику, и на время успокаивалась.

– Ты чего такая задумчивая? – прервал Анатолий ее мысли. – Что-нибудь случилось?

– С матерью поссорилась. Начали сегодня разговор: давай продадим дом, купим всем нормальные квартиры. А она ни в какую.

– А покупатель на дом найдется?

– Уже нашелся, и не один. Кстати, дом ведь неплохой, крепкий, к тому же его постоянно ремонтируют... Слепить из него особнячок, и будет загляденье!

– Будет, – согласился Анатолий, останавливаясь у подъезда. – А что мать?

– Упирается. Говорит, там ее детство прошло, память о сестре и все такое. А меня уже тошнит от этой памяти, потому что все вместе живем, как в коммуналке, и никуда не деться! Последнее время народу стало меньше приезжать... С одной стороны, это хорошо, потому что не топчемся перед ванной, как овцы. А с другой – деньги-то нужны, правда?

– Деньги всегда нужны, – философски заметил Толя.

– Вот-вот, и я о том же. Я говорю: мам, давай дом продадим, купим нам квартиры. А она боится в долг влезать. Детей родных оставить без жилья ей не страшно, а кредит брать – страшно!

Лариса вздохнула, бросила испытующий взгляд на Анатолия. Тот сидел, уставившись перед собой ничего не выражающим взглядом, и определить, насколько он проникся Ларисиными бедами, было совершенно невозможно.

– С тобой только и могу отдохнуть... – она подбавила в голос чувства, ласково погладила любовника по руке. – Если бы не ты...

– Ладно, пойдем, – он вылез из машины, помог выйти Ларисе и шутя дотронулся пальцем до родинки под губой. – Красотка ты моя!

Лариса терпеть не могла свою родинку и уж тем более не переносила, когда ее трогали. Однако, следуя наставлениям Лени и видя перед собой

цель, которая многого стоила, сдержалась и мило улыбнулась.

– Пойдем скорее, – прошептала она, наклонившись к его уху и нежно прикусывая мочку.

Анатолий довольно ухмыльнулся, обнял Ларису за талию и повлек ее в подъезд.

Она вернулась домой два часа спустя, прошла к себе в комнату и обнаружила там Леонида, валявшегося с книжкой на диване.

– Сколько раз тебе говорить – не ходи ко мне, – зло бросила она, стягивая платье за дверцей шкафа. – У тебя своя комната есть.

– А мне твоя нравится, – зевнул Леня, захлопывая книжку. – Второй этаж, в окна никто не заглядывает...

– Проваливай. Я переодеться хочу.

– Развела своего дурака на хату? – небрежно поинтересовался Леня, игнорируя требование сестры.

– Сам ты дурак, – огрызнулась Лара.

– Значит, не развела, – с пониманием констатировал Леонид. – Ладно, не дуйся. Это за один раз не делается, нужно постепенно, с тактом...

– Да не понимает он такта! – не сдержалась Лариса. – Морда каменная, отмалчивается, ни о чем не расспрашивает!

Она со злостью швырнула помятое платье, и оно, спланировав, накрыло Леонида. Тот отбросил его на спинку дивана, нехотя поднялся и прошелся по комнате.

– А чего ты ожидала? Что он сразу отправится тебе квартиру на Чеховском бульваре покупать? Двухкомнатную, улучшенной планировки? Так не бывает, Ларочка!

Близнецы встали друг напротив друга, злые, удивительно похожие: даже хмурились они одинаково.

– И что же, теперь мне до конца жизни с вами куковать в этой развалюхе? – Лариса широким жестом обвела комнату. Обстановка в ней до смешного противоречила ее словам: мебель здесь была новая, светлого дерева, а на комодe стояла дорогая стереосистема, подаренная все тем же Анатолием.

– Не надо драматизировать ситуацию! Ты хочешь свою квартиру, и я тебя понимаю. Но если ты и дальше будешь наезжать на всех, как танк, у тебя ничего не выйдет! Понятно?

– Ленечка, ну что же делать? – Сестра едва не захныкала. Быстрая вспышка злости и раздражения прошла, и теперь она ощущала лишь усталость и беспомощность. У Леонида «запас прочности» был больше, и в

изматывающих ситуациях Лариса всегда старалась опереться на него.

Леонид смягчился. Сестру он искренне жалел, понимал и чувствовал, чего ей не хватает. Он несильно щелкнул ее по носу и вернулся на облюбованное место на диване.

– Для начала не торопись, – рассудительно посоветовал он. – Погонишь лошадей со своим Толенькой – можешь все испортить, так что потом назад не отыграешь. Он у тебя мужик осторожный, себе на уме, так что постепенно капай ему на мозги, и результат не замедлит себя ждать. Во-вторых, мы с Эдиком матушку обрабатываем, и ты тоже присоединяйся.

– Я присоединяюсь...

– А ты присоединяйся активнее! Глядишь, что-нибудь из нашей затеи и получится.

Глава 3

Автобус остановился на самой вершине холма, куда он взбирался рывками, пыхтя, оставляя за собой клубы едкого дыма, которые Макар наблюдал в заднее пыльное стекло. Он спрыгнул на землю, подал руку Ксении Ильиничне.

Автобус, по-прежнему пыхтя, уехал. Они остались на остановке вдвоем.

– У этого района смешное название, – сказала Ксения: по дороге она успела узнать, что Илюшин – приезжий, и теперь рассказывала ему о городе. – Лежебяки. Когда-то давно были здесь дачные кооперативы, но постепенно они слились и стали одним из районов города. Далековато от центра, конечно, зато сам видишь...

Она не закончила, но Макар и в самом деле видел.

Лежебяки раскинулись на холме. Здесь были сплошь одно- и двухэтажные дома, утопавшие в зелени садов и сирени, которая в этой части города уже зацвела. Ближе к подножию, там, где пологий склон превращался в отвесный, красные и серые крыши выныривали из зарослей кубиками игрушечного конструктора, забытого в траве. Дорога – изношенное асфальтовое покрытие, которое не обновляли по меньшей мере лет пять, – петляла между домами, уходила вниз, раздваиваясь на серые изъезженные полосы, и на обочине ее поднималась свирепая поросль молодой крапивы.

По контрасту с Лежебяками город, лежавший под холмом, представился Макару едва ли не мегаполисом. Сверху Илюшин видел, как от главной площади, на которой белело что-то похожее на развалины крепости, отходят лучами дороги. Центр и близлежащие районы были застроены кирпичными и панельными пятиэтажками, но чем дальше бежал взгляд по «лучам», тем более провинциальный вид открывался взгляду. С утра Макар успел оценить, каким разным может быть Тихогорск, и пока они тряслись в автобусе, Ксения объяснила: площадь, с которой пытался уехать Илюшин, находилась на основной магистрали, соединявшей Тихогорск с другими населенными пунктами, а главное – со швейной фабрикой, обеспечивавшей горожан работой. Половина жителей стекалась по утрам к остановке – этим и объяснялась многолюдность окраинного района, удивившая Макара.

– Пойдем. – Ксения успела отойти, пока Илюшин изучал открывшийся

вид. – Родителям повезло, наш дом в пяти минутах ходьбы отсюда. А те, кто в глубине района живет, каждый год пишут жалобы администрации, чтобы пустили наконец дополнительную маршрутку – сейчас ходит одна-единственная, раз в час. Не успел на нее – жди следующую.

Пока они шли по дороге, Макар заметил, что его спутница слегка прихрамывает.

– Ксения Ильинична, что у вас с ногой?

– Разве мы не перешли на «ты»? – Она повернулась к нему, весело уставилась своими прищуренными глазищами, которые на ярком солнечном свете казались не карими, а рыжевато-желтыми. Перепачканный мокрый плащ Ксения сбросила и осталась в джинсах и тонкой черной водолазке.

– Перешли, – не стал спорить Илюшин, твердо решивший обращаться к ней на «вы» – отчего-то ему нравилось произносить ее имя в сочетании с отчеством: все вместе звучало так, словно имя было ей на вырост. – И все-таки, что с ногой?

– Ушибла, когда упала на дорогу. Ничего страшного, скоро пройдет, тем более что идти недалеко. Кстати, я не спросила, где ты остановился.

– В пансионате Шестаковой.

– А, знаю, там по соседству живет один из моих пациентов... Все, мы пришли.

Одноэтажный кирпичный дом пятью окнами смотрел на улицу, где остановились перед калиткой Макар и Ксения. За домом находился небольшой участок, резко уходящий вниз: в этом месте склон становился особенно крутым, превращаясь в ложбину, густо засаженную кустами и деревьями.

Девушка откинула щеколду и прошла по дорожке.

– Родители на работе, – сказала она, обернувшись к Илюшину. – Я тебя познакомлю с другими членами семьи.

– А есть и другие члены семьи? – Макар изучал странное сооружение слева от дома – похоже, перед ним была большая клетка. – Вы же говорили, что живете только с родителями.

– Проходи, – вместо ответа сказала Ксения, отпирая дверь и включая свет в темной прихожей, где возле порога в рядок выстроились разноцветные пары мохнатых тапочек: красные, зеленые, синие и желтые.

Макар зашел внутрь, нагнулся, чтобы снять кроссовки, и замер. Из комнаты навстречу ему бесшумно шагнул огромный черный кот, глянул недобрыми желтыми глазами, уселся на коврик в метре от Илюшина. Морду кота под левым глазом наискось перерезал белесый шрам, половины

правого уха не хватало – вместо нее топорщились вверх короткие черные волоски. Густые белые усы стрелами торчали из шерсти. Вид у кота был устрашающий.

– Лютик, это Макар. Макар, это Лютик, – сообщила Ксения, влезая в красные тапочки и подкидывая Макару зеленые. – Будьте знакомы.

– Лютик? Как цветок? – уточнил Илюшин.

– Если полностью, то Люцифер. Но он у нас ласковый, добрый...

– Ласковый и добрый... – эхом откликнулся Илюшин, не сводя глаз с насуспенной вытянутой морды, больше напоминавшей рысью, чем кошачью. О рыси заставляли вспомнить и выраженные кисточки на ушах, и широкие крепкие лапы. Кот смотрел на Макара высокомерно и с неприязнью.

– Ванная комната в конце коридора! – раздался голос Ксении откуда-то из дальних комнат. – Я пока разогрею рассольник, а ты мой руки и приходи на кухню!

– Мне разрешили помыть руки и пройти на кухню, – объяснил Илюшин коту, чувствуя непреодолимое желание отчитаться перед ним в своих передвижениях по дому. – Ничего, что я в чужих тапочках?

Кот мигнул одним глазом. Второй глаз так и смотрел на Макара не моргая, точно стеклянный. Затем Люцифер вытянул вперед черную как сажа лапу, за ней – вторую, изогнулся в спине и издал негромкий курлыкающий звук – то ли мяуканье, то ли мурлыканье.

Будто по сигналу, поданному предводителем, из той же комнаты беззвучно выскользнули три тени: Илюшин опомниться не успел, как вокруг него сидели, ходили и лежали три кошки, очень похожие на Люцифера строением морды и размерами. Только глаза у них были длинные и зеленые, как виноградины. Одна, полосатая, без стеснения поднырнула под руку Макара, присевшего на корточки, потерлась пушистым загривком о рукав его свитера. Вторая улеглась, развалясь, надменно поглядывая то на гостя, то на черного кота; третья, самая пушистая, грациозная и длинная, запрыгнула на полку, где лежали ключи и расчески: полка скрипнула и прогнулась под тяжестью зверя.

– А вот сейчас по ушам! – пригрозила Ксения, появляясь так же бесшумно, как кошки за минуту до нее. – Вилка, брысь!

Кошка, названная Вилкой, нехотя спрыгнула с полочки, независимо глянула на Макара и удалилась, покачивая хвостом.

– Виолетта фон Грамштальд, – пояснила девушка ей вслед. – Немецких кровей кошечка. Маленькая еще, котенок, вот и лазит где нельзя. Мой руки и пойдем на кухню, буду угощать тебя рассольником.

– Подожди, как – котенок? – От удивления Макар перешел на «ты», хотя не собирался этого делать. – Котята такими не бывают.

Ксения Ильинична усмехнулась.

– Это такая порода – мэйн-куны. Виолетте семь месяцев, остальные старше. Да, ты еще Гэндальфа не видел! Он у нас стеснительный, чужих побаивается.

– Сколько же в доме кошек? – вскинул брови Илюшин.

– Два кота и три кошечки. Это много для обычного дома, но у меня же не обычный...

– А какой?

– У меня – дом-питомник.

На кухне – небольшой, выходявшей окнами на склон – Илюшин с неожиданным для самого себя аппетитом съел отменный горячий рассольник и откинулся на спинку стула, наблюдая за девушкой, разогревавшей обещанную долму. Она вела себя без малейшего смущения, словно они были знакомы тысячу лет и знакомство их произошло при самых обычных обстоятельствах – скажем, они вместе учились в институте. У Макара не укладывалось в голове, как может быть так безмятежен человек, которого пытались убить меньше двух часов назад и попытка эта вполне могла увенчаться успехом, если бы не его вмешательство. Кошки расселись на стульях вокруг и внимательно наблюдали за хозяйкой, водя туда-сюда длинными насупленными мордами. Один раз заглянул на кухню Люцифер, зыркнул на Илюшина лунным глазом и исчез, убедившись, что все в порядке.

– Ксения Ильинична, кто на вас покушался? – спросил Макар, когда она поставила перед ним тарелку и сама села за стол.

– Алла Богданова, – без всяких сомнений ответила та. – Или она сама, или кто-то из ее приятелей.

– А поподробнее?

Ксения вздохнула и рассказала подробнее. История оказалась проста и незамысловата, и было в ней про девушку, выросшую в Тихогорске и уехавшую учиться и работать в соседний город, парня, влюбленного в девушку и готового ждать ее возвращения, и про несчастную третью сторону треугольника, надеявшуюся, что Ксения Ильинична Пестова больше никогда не вернется в родной Тихогорск.

Когда-то Ксения жила в районе-поселке, который называли Фабричным, – расположенном неподалеку от швейной фабрики. Маленькие квартирki, убогие дворики, вечно грязные подъезды и

дворничихи с испытанными лицами, яростно гоняющие подвальных котов; озлобленные работницы, возвращавшиеся с фабрики поздно вечером; крепко выпивающие красномордые мужики, орущие на собственных и чужих детей, – вот что такое был район Фабричный. При первом представившемся случае семья Пестовых уехала оттуда, но до этого радостного дня Ксения с родителями прожила в поселке восемнадцать лет.

С Никитой Борзых, высоким красивым парнем с черными цыганскими глазами, она училась в одном классе, и все знали, что наглый красавчик Борзых пасует только перед Ксенией Пестовой. Однако дразнить Борзых никто не решался: в поселке о нем и о компании, которой Никита предводительствовал, ходила дурная слава. Пятеро крепких, накачанных, спортивных ребят ходили лениво, смотрели пренебрежительно, дорогу никому не уступали. Илья Иванович, Ксенин папа, говорил о Никите – «харизматичный парень», а мама каждый раз морщилась так, что Ксене сразу становилось понятно: харизматичность Никиты маме глаза не застит, и к Борзых она относится точно так же, как и сама Ксения, – насмешливо-пренебрежительно.

Свое отношение к однокласснику девушка не скрывала, но, несмотря на это – а может быть, именно потому, – Борзых таскался за ней как хвост, пытался ухаживать сообразно своим представлениям о «красивом» и рьяно отваживал других ухажеров. В представления о красивом входили семь или тринадцать бордовых роз в блестящей целлофановой обертке по мало-мальски подходящим поводам в виде дней рождения и Восьмого марта, небрежные поигрывания мускулами при встрече, а также показательное избиение потенциальных соперников. Впрочем, последнее Ксения быстро пресекла.

– Ксюша, он даже в чем-то трогателен... – задумчиво говорил отец, изучая очередные бордовые розы, обернутые в пакет и перетянутые золотой бумажной ленточкой. – Ты к нему несправедлива.

Ксения не хотела соглашаться с папой. Борзых невероятно раздражал ее своей наглостью в сочетании с уверенностью, что весь мир принадлежит ему по праву сильного – во всяком случае, часть этого мира в виде поселка Фабричный.

Однако на школьном выпускном, хлебнув в женском туалете «Амаретто», Ксения с непривычки захмелела настолько, что позволила Борзых проводить себя до дома и даже поцеловать в подъезде. Неприятнее всего ее поразил не сам поцелуй – слюнявыми требовательными губами Никита раздвигал ее губы и прижимал девушку головой к шершавой стене так сильно, что у нее заболел затылок, – а то, что Борзых воспринял

происходящее как должное. Отстранившись от Ксении после первого поцелуя, он удовлетворенно спросил:

– Чего ломалась-то столько лет? Выпускного хотела дожидаться, чтобы все красиво получилось?

Первый поцелуй стал и последним. Когда ошеломление от слов Борзых прошло, Ксения изо всех сил оттолкнула его от себя, и парень слетел вниз по лестнице, чуть не упав, но в последний момент схватился за перила.

– Что я такого... – начал было он, но девушка уже не слушала – она стрелой взлетела на свой этаж, быстро отперла дверь тамбура и захлопнула ее перед носом подбежавшего Никиты, досадуя на саму себя. «В чем-то он даже трогателен, – передразнила она отца. – Трогателен, как же! Тьфу!»

Ксения уехала в Анненск, поступать в институт, а Борзых пошел в местный колледж. Она не интересовалась его судьбой, а после того случая избегала вспоминать о Никите – память сразу услужливо подсовывала боль в затылке и ощущение чужого липкого требовательного рта, прижимавшегося к ее губам, из которого несло дешевой водкой.

Как-то раз зимой, вернувшись на каникулы к родителям, к тому времени уже купившим дом в районе Лежебяки, Ксения шла по улице и нос к носу столкнулась с молодой женщиной, в которой не сразу узнала свою одноклассницу – Аллу Богданову. Аллу, которую отчего-то все звали Лялькой, Ксения не то чтобы не любила, но старалась не замечать. Не из-за высокомерия, которого в ее характере не было вовсе, а оттого, что Лялька была девчонкой странной и неприятной, обладавшей способностью цепляться как репей к кому ни попадя. Невысокая, грудастая, с плоским белым лицом, черты которого были ею унаследованы от бабушки-монголки, бойкая и вечно остервенелая Алла созрела раньше, чем все остальные девочки в классе Ксении, и сразу стала пользоваться успехом у мальчиков. Конкуренцию ей не мог составить никто, однако, несмотря на это, девчонок Лялька ненавидела искренне, от души, и не упускала случая эту ненависть показать. Подруг у нее не было, прятельствовала она исключительно с парнями, причем слухи об этой дружбе ходили нехорошие, гаденькие, пересказываемые шепотом в школьных коридорах.

Пожалуй, кроме Ксении, Богданова была единственным человеком во всей школе, ничуть не опасавшимся Никиту Борзых. Больше того – он и сам ее побаивался. Тому были причины. Лялька частенько впадала по пустякам в бешенство и в таком состоянии становилась страшна: темные глаза начинали неудержимо косить, и зрелище это было пугающее, а вовсе не забавное. Волосы Алла одним небрежным движением руки

перекручивала так, что они собирались в подобие хвоста, и вдоль лица оставались висеть две пряди, похожие на черную сгоревшую траву. Для устрашения она могла и зубы оскалить, а один раз завизжала – натурально завизжала на весь этаж, так что прибежали учителя и два завуча. К парням Алла была благосклонна, а вот девчонки ее нешуточно боялись – куда больше, чем того же Борзых.

Несмотря на это, наткнувшись на Аллу, Ксения почти обрадовалась. Часть ее одноклассниц разъехалась по другим городам, две и вовсе эмигрировали из страны, и, возвращаясь в любимый Тихогорск, девушка ловила себя на том, что скучает по тем, с кем вместе училась.

– Алла, привет! – Она радостно схватила руку в белой варежке и потрясла, по старой привычке здороваясь рукопожатием.

– Ты что здесь делаешь? – напористо спросила Лялька, не здороваясь и выдергивая руку. Она-то одноклассницу узнала моментально, и в глазах ее загорелась ненависть.

Ксения немного растерялась: в школе они почти не общались, и такой реакции она не ожидала.

– К родителям приехала.

– Надолго?

– На две недели.

– И сколько уже прошло?

Ксения замолчала, отстранилась от Ляльки, оглядывая ее. За прошедшие четыре года та сильно изменилась: черноволосая девчонка исчезла, ее место заняла молодая женщина с некрасивым, но интересным лицом. В школе Богданова не красилась, теперь же яркий макияж прибавлял ей возраста. Только выражение глаз осталось прежним – беспокойным и агрессивным.

– Приятно было пообщаться, – иронично сказала Ксения и развернулась, чтобы уйти.

– Нет, ты подожди!

Алла ловко ухватила ее за отворот дубленки и с силой притянула к себе, так что Ксения взмахнула руками в попытке удержаться на ногах и не упасть на обледеневший асфальт.

– Ты подожди, – повторила Алла, и в глазах ее появилась знакомая Ксене бесноватость. – Ты сначала послушай меня и запомни: четыре года мы тебя здесь не видели и еще десять лет не хотим видеть.

– Это ты о себе теперь так говоришь – «мы»? – поинтересовалась Ксения, скидывая руки Богдановой со своей дубленки. – Скромно, во множественном числе? Вот так, Ляля, с простого комплекса Наполеона и

начинается паранойя.

– Шуткуй-шуткуй, Пестова, – негромко, с нескрываемой угрозой в голосе проговорила Алла, и простонародное «шуткуй» резануло Ксене слух. – Дошutiшься, смотри... Увижу тебя рядом с Никитой – порежу сразу. Ты не думай, что я тебя пугаю. Я и правда порежу, – уже без угрозы, просто и как-то буднично добавила Богданова.

Ксения молча развернулась и пошла прочь, чувствуя, что Лялька провожает ее взглядом. Ощущение от встречи у нее осталось самое гадкое.

Спустя короткое время она услышала от общих знакомых, что Алла с Никитой начали встречаться почти сразу после того, как Ксения уехала в Анненск. Периодически Богданова говорила, что скоро свадьба, что Никита уже сделал ей предложение... Но Борзых женился на ней лишь спустя три года. Поговаривали, что на почве ревности Богданова совсем сошла с ума: незнакомой девчонке, которую заподозрила в том, что та строит глазки ее Никите, изрезала в клочья одежду, и Борзых пришлось заплатить немало денег, чтобы откупиться и от семьи девчонки, и от милиции. Говорили, что Лялька порвала все прежние связи, собралась начать новую жизнь с Никитой, а новая жизнь все не начиналась. Поговаривали и о том, что Лялька оказалась «бракованной» по женской части – и само словечко «бракованная» приписывали Никите, якобы бросившему его спяну в большой компании, – и никак не могла родить Борзых ребенка.

Кто-то рассказал, что, оказывается, Богданова уже в школе была влюблена в Никиту.

– Она его давно дожидалась, – убеждала Ксению знакомая. – Никита тогда, после школы, от безысходности к ней метнулся, и она его крепко к рукам прибрала. Я их несколько раз видела вместе – Богданова на него как собачонка смотрит. Все для него сделает, ей-богу. Ксень, держись ты от них обоих подальше.

Держаться подальше от Борзых и Богдановой Ксении было несложно: она закончила учебу и стала работать кардиологом в областной больнице Анненска. Жизнь шла своим чередом: родители обустроивали жилье и привыкали жить в новом доме, сама Ксения вышла замуж за местного стоматолога и обосновалась у мужа в однокомнатной квартирке, окнами выходящей на ту самую больницу, в которой она теперь работала.

А затем случились «обстоятельства». Так Ксения и сказала Илюшину, замаявшись на пару секунд: «Случились обстоятельства... В общем, мне пришлось вернуться в Тихогорск». – «А муж?» – спросил Илюшин. «Муж? – удивилась Ксения. – А, Максим... Мы к тому времени уже несколько лет как развелись».

Макар задал еще пару уточняющих вопросов, но девушка ответила на них уклончиво, и он не стал настаивать, решив, что все потом узнает. Ясно было одно – Ксения вернулась в родной город меньше года назад и стала жить с родителями, кардинально сменив сферу деятельности.

Когда Алла Богданова узнала о том, что Ксения Пестова приехала в Тихогорск «насовсем», с ней случилась истерика. Было это в большой компании, отмечавшей чей-то день рождения в ресторане, и пятнадцать человек рассказывали потом, прибавляя от себя разнообразные детали, что сначала Лялька не хотела верить в то, что ей говорили, а затем завизжала, как когда-то в школе, и выбежала из ресторана. Никиты с празднующими не было, и следом за ней побежали девчонки, но скоро вернулись обратно: выяснилось, что Богданова сидит на снегу и рыдает. Успокаивающих ее девушек она не слушала, да никто особенно и не старался – ее по-прежнему не любили.

Порыдав, Алла встала и, как была – с потекшей тушью и размазанной помадой, – вернулась к празднующим. Кто-то из мужчин заметил, что неплохо бы ей умыться, но Богданова посмотрела на него замороженными глазами, и больше никто ей замечаний не делал. Пытались веселиться по-прежнему, однако над столом повисло ощущение, будто среди них сидит покойник, и постепенно праздник стал затухать. Сам именинник, желая поддержать «температуру», произнес заплетающимся языком торжественную речь, но во время его выступления, после фразы о верных друзьях и красивых подругах, Алла встала, обвела взглядом сидящих за столом и негромко сказала, перебив говорившего на полуслове: «Значит, решила чужое прибрать...» И вышла, забыв на спинке стула накидку.

А на следующий вечер подстерегла Ксению возле дома и молча, без слов и криков, набросилась на нее. Ксения так растерялась, что не догадалась даже закричать и лишь попыталась закрыть руками лицо, в которое яростно метила кулаками Алла. После очередного удара Пестова поскользнулась и, падая, случайно попала острым каблуком Богдановой по коленке. Взыв, та свалилась рядом, и пока она пыталась подняться, Ксения вскочила и отошла на несколько шагов.

Сказать она ничего не могла, тяжело хватала ртом воздух. Богданова лежала на снегу и поскуливала, прижимая к груди согнутую коленку – как выяснилось позже, Ксения повредила ей мениск. Когда же Алла наконец поднялась, в глазах ее снова появились знакомые Ксении бешенство и ярость.

– За Никитой вернулась, – выдавила она. В драке с головы Аллы свалилась шапка, и черные волосы по-ведьмински разметались вокруг

плоского белого лица. – Не дожدهшься ты Никиту! Не получилось у тебя ничего с твоим мужиком, и ты решила на чужого позариться?! А-а-а?!

– Мне твой Борзых и в школе был не нужен, а сейчас и подавно, – сухо сказала Ксения, соображая, что же делать дальше. По лицу Богдановой она видела, что та не верит ей, и понимала, что теперь можно ожидать чего угодно. – Увижу тебя еще раз около моего дома... – она подумала и быстро изменила угрозу, – встречусь с Никитой и все ему расскажу.

Богданова бесстрастно смотрела на нее, и Ксения, поколебавшись, вошла во двор и плотно прикрыла за собой калитку.

Родители, узнав о произошедшем, отругали дочь за то, что она не вызвала милицию.

– Я твою Богданову помню! – приговаривала перепугавшаяся мама, обрабатывая у дочери на лице царапины. – Говори что хочешь, но она всегда была бесноватая, вся в мать. На родительских собраниях та всегда сидела молча, только глазами зыркала, как в прорези, вправо-влево. На нас смотрела презрительно и никогда ни с кем, кроме учительницы, не общалась.

– Почему в милицию не позвонила? – повторял отец. – Давай сейчас позвоним, пока не поздно. А если она в другой раз надумает тебе кислотой в лицо плеснуть?

– Я ей пригрозила, – морщась от боли, проговорила Ксения. – Она больше ко мне не сунется. Не надо в милицию заявлять – себя же на посмешище выставим...

Однако писать заявление в милицию пришлось всего три дня спустя. Ксения, попросив у отца его машину, поехала в центральный магазин, чтобы закупить продукты и еду для животных. Когда она, вернувшись, остановила «девятку» возле дома, откуда ни возьмись на капот, как обезьяна, вскочил парень в толстом дутом пуховике и шерстяной шапке с прорезями, спущенной на лицо. В руках у него была бейсбольная бита. От неожиданности Ксения закричала, и парень тут же обрушил битой на лобовое стекло машины. Оно пошло трещинами. Затем, соскочив, умчался в сторону остановки, впрыгнул в стоящую неподалеку машину и скрылся.

Свидетели, видевшие отъезжавший автомобиль, показали, что за рулем сидел парень, а в салоне был пассажир, но никого из них они не узнали бы и номера машины не запомнили. Ксения рассказала следователю о первом случае нападения Аллы: она была совершенно уверена, что парень с битой – из той компании, с которой Богданова дружила в юности.

– Ксения Ильинична, ну что вы придумываете, – протянул следователь, не глядя на нее. – Мужчину не поделили, это бывает. Машинка

у вашего отца застрахована, а хулигана мы найдем, не беспокойтесь.

Ксения хотела что-то сказать, объяснить, донести до этого человека, что Алла Богданова теперь не оставит ее в покое и ей нужна какая-то защита... Но взглянула на красное равнодушное лицо и промолчала.

На следующее утро она позвонила Никите Борзых и договорилась с ним встретиться в одном из тихих ресторанов.

Бывшего поклонника она не видела очень давно и теперь изумленно вглядывалась в лицо, сквозь которое едва проступали черты мальчика, с которым она целовалась после выпускного. Борзых заматерел и раздался, приобрел вальяжность. Яркие цыганские глаза заплыли, и весь он стал ленивый и разморенный. Странно было наблюдать в тридцатилетнем парне повадки пятидесятилетнего главы мафиозного клана – при том что Никита был совладельцем небольшой фирмы, привозившей в Тихогорск белорусскую мебель.

Первые десять минут их общения Борзых держался прохладно, говорил скупно и мало, всем своим видом демонстрируя бывшей однокласснице, как велика отныне пропасть между ними. Но затем опрокинул пару стопок водки «за встречу» и очень быстро опьянел, начал жаловаться на свою жизнь и отсыпая комплименты Ксении. Прежде чем она поняла, к чему все идет, Никита поднялся, вышел из-за стола, едва не опрокинув бокал, опустился перед ней на одно колено и с пафосом проговорил:

– Ксенька, выходи за меня замуж! Я ж тебя на руках носить буду! Ты женщина свободная, я тоже...

– Никита, я всего четыре года как развелась. Так часто замуж выходить вредно, – ответила Ксения, отодвигаясь в глубь диванчика от стоявшего перед ней мужчины, от которого – по иронии судьбы – так же пахло водкой, как и в тот вечер, в подъезде.

– Тебе все шутки... А я серьезно предлагаю, понимаешь? Серьезно!

Борзых продолжал стоять на одном колене, и вид у него был нелепый и в то же время пугающий. «Пугающий – это оттого, что глаза пьяные и назойливые, – поняла Ксения. – Черт меня понес с ним встречаться! Но кто же знал...»

– Послушай, – как можно мягче сказала она, – замуж я в ближайшее время выходить не собираюсь, поэтому предлагаю эту тему закрыть. Сядь за стол, прошу тебя.

– Ксенька, да ты не понимаешь, от чего отказываешься!

«Понеслось...» – мысленно вздохнула она, слушая, как Борзых расписывает преимущества жизни с ним. По всему выходило, что он

осчастливил Ксению своим предложением и она будет локти кусать, если сдуру откажется.

Не в силах больше его слушать, Ксения прервала Никиту на полуслове:

– А как же Алла?

– Лялька?

Борзых помрачнел, поднялся с колена. На штанине осталось мокрое пятно.

Он уселся за стол, повертел в пальцах пустую стопку.

– А Ляльке я ничего не обещал, – неожиданно жестко проговорил он. – Так что никаких прав на меня она не имеет. Как женился, так и разведусь.

Несмотря на все угрозы Богдановой и ее общепризнанную «ненормальность», Ксения не чувствовала страха перед Аллой: она от природы была не пугливой, а работа в больнице закалила характер, сделал ее одновременно мягче и бесстрашнее. После слов Никиты ей стало жалко Ляльку, которая так держалась за этого раскормленного, не очень умного мужчину и, наверное, искренне его любила.

– Попроси, пожалуйста, Аллу оставить меня в покое, – сказала Ксения, вставая.

– Подожди, ты куда?!

– Мне пора... Извини, нужно помочь отцу с машиной.

– С тех пор я видела Богданову несколько раз, – закончила девушка. – Она следила за мной и делала это довольно неумело.

– Вы встречались с Борзых? – спросил Макар.

– Нет, после того случая – не виделась. Правда, он пару раз мне звонил, но я видела номер на определителе и не брала трубку. Формально у Аллы нет повода мне мстить. Но я отлично понимаю, что таким, как Алла, повод не нужен.

– Правильно. Они всегда могут его выдумать. – Илюшин помолчал, обдумывая ее рассказ, затем добавил: – Ксения Ильинична, я все равно не понимаю, почему вы сегодня не остались ждать милицию, а ушли с места происшествия. Одно дело – разбить стекло машины, другое – толкнуть под машину человека. Вы хоть понимаете, что на вас покушались?

Она несколько раз с силой кивнула, отчего шапочка волнистых волос разлохматилась, а челка упала ей на лоб, и вытянула губы в трубочку. Лицо у нее стало таким забавным, что Илюшин едва не рассмеялся и спросил:

– Тогда в чем же дело?

Ксения встала, убрала тарелки в раковину, и Макар снова обратился

внимание, как легко она двигается – словно в ней живет ветер. Он никак не мог уловить, в чем заключается необычность ее жестов, самых простых и будничных – вроде сметания крошек со стола в тарелку, – и подумал, что в юности она, наверное, занималась танцами.

Девушка молчала, и он повторил:

– Так в чем же дело, Ксения Ильинична?

– Если ты думаешь, что меня это не заботит, то ошибаешься. Но я реалист. Я понимаю, что того парня никто не будет всерьез искать. А ушла я оттуда, потому что очень испугалась. – Она обернулась и посмотрела на Макара, широко раскрыв глаза.

Свет из окна падал на ее лицо, и теперь Илюшин видел, что глаза у нее не просто карие, а с медовым золотистым оттенком, словно пропитанные летним солнцем. Он даже почувствовал что-то похожее на смущение, потому что она все не отводила взгляда, и он не мог понять, на него ли она смотрит.

– Испугалась, – повторила Ксения и отвернулась. – Первый раз за все это время. Даже того парня с битой я не боялась, а теперь... – Она замолчала, поежилась. – Когда я боюсь, то сразу же стараюсь сделать вид, что ничего не случилось. Как будто страха не было. И от этого он действительно проходит. Я так саму себя гипнотизирую, понимаешь? Ну... и еще делаю кое-что, чему меня научил мой друг, когда я работала в больнице.

– Пальцы?..

– Да. В том числе. Это очень помогает, снимает... спазм страха.

В комнате повисло молчание, прерванное одной из кошек – она вдруг затарахтела, встопортив усы, словно радуясь наступившей тишине.

– Ксения Ильинична, нужно написать заявление в милицию, – мягко сказал Макар. – Вы же это понимаете, правда?

Илюшин хотел добавить, что ей нужно быть очень осторожной, ни в коем случае не ходить одной, и если она сочтет необходимым, он даст в милиции все необходимые показания... Но осекся на полуслове, вспомнив, что всего пару часов назад не собирался ей ничем помогать – достаточно было того, что он уже сделал. «Я слишком быстро и глубоко влез в это дело, – понял он. – Нужно было отказаться еще тогда, когда она меня пригласила».

Приняв решение, Макар всегда действовал быстро. Лишние сложности в чужом городе, сказал он себе, совершенно ни к чему: первоначально планировалось лишь пройти курс лечения, попутно удовлетворяя собственное любопытство. Этого плана и надо придерживаться. Точка.

Ничего больше. Никаких вмешательств в жизнь очаровательных молодых женщин. К тому же он дал ей хороший совет, и если Ксения Ильинична ему не последует, значит, она глупее, чем кажется.

– Простите, мне пора, – извиняющимся тоном сообщил Макар и поднялся. – Спасибо за обед, рассольник был потрясающим.

Ксения удивленно посмотрела на Илюшина. Только что он спросил ее о чем-то, а спустя всего минуту, не дожидаясь ответа, уже встал, чтобы уйти. Она растерялась, не понимая, что произошло, ответила что-то вежливое...

Илюшин уже не слушал, что именно говорит девушка. Он ощущал, что чем быстрее уйдет из этого дома, тем лучше будет для него, не говоря о том, что он потерял сегодня уйму времени. Поэтому Ксене пришлось повторить свой вопрос два раза.

– Что?

– Я говорю, ты пойдешь со мной в милицию? Не как свидетель, а просто... просто так.

Илюшин отрицательно покачал головой:

– Извини.

Она откровенно огорчилась.

– Жаль. Хотя... хорошо, что ты все-таки перестал мне «выкать». И спасибо тебе.

Пять минут спустя Макар прошел по дорожке, ведущей от дома до забора, и прикрыл за собой калитку.

– Мр-р-р, – раскатисто сказали сверху, и, переведя взгляд, Илюшин обнаружил сидящего на столбе Люцифера. Кот смотрел на него раскосыми желтыми глазами, и Макар готов был поклясться, что видит во взгляде зверя насмешку.

Он дождался автобуса и вскочил в него, решив доехать до центра, а там уже и добраться до дома Шестаковых. В санаторий ехать не хотелось, к тому же спина сейчас его не беспокоила, а вот настроение, непонятно отчего, испортилось, так что лучшим выходом ему представлялось возвращение в гостиницу.

Автобус высадил его на той самой остановке, с которой утром он пытался уехать. Сейчас она была почти безлюдной, об аварии напоминал только черный след от колеса на бордюре. Пройдя по переулку, Илюшин свернул на узкую тихую улочку и побрел мимо двухэтажных домов, во дворах которых сушилось белье, вывешенное сразу после дождя, а из земли под окнами лезли темно-зеленые заостренные стебли. Подоконники в домах были заставлены рассадой, сквозь которую иногда выглядывала

любопытная кошачья физиономия.

«Сплошные кошки повсюду. Тихогорск – город кошек».

Несмотря на прекрасный день, влажный, теплый, пахнущий пролившимся ранним утром дождем, листвой и – конечно же – сиренью, аромат которой Илюшин уже воспринимал как естественный запах города, настроение у него становилось все хуже с каждым шагом, приближавшим его к цели. В самом мрачном настроении он обходил ямы на дороге, на дне которых собралась вязкая глянцевая грязь, и размышлял над тем, что из всех людей, живущих в гостинице, ему нужно в первую очередь поговорить с Элей Шестаковой.

Не дойдя до их дома, Илюшин остановился.

Возле соседнего палисадника стояла красная «девятка», за рулем которой сидела Ксения Ильинична Пестова.

Завидев Макара, она вышла из машины и направилась к нему, перепрыгивая через ямы. Илюшин молча ждал.

– Окончание нашего ланча мне не понравилось, – подойдя, без предисловия сказала Ксения Ильинична. – Оно получилось каким-то скомканным. Чем был вызван ваш побег, уважаемый Макар?

– Побег?

– Именно.

Теперь она говорила ему «вы», смотрела рассерженно, словно успела приобрести на Илюшина какие-то права, и была так хороша собой, что намерения Макара отделаться вежливыми шаблонными фразами растаяли как туман.

– Мой побег, – честно сказал Макар Илюшин, признаваясь в первую очередь самому себе, а уж потом ей, – был вызван тем, уважаемая Ксения Ильинична, что вы мне понравились. И я не захотел для себя осложнений, которые могут быть вызваны продолжением нашего знакомства.

Она нахмурилась:

– Если перевести то, что вы сказали, на человеческий язык, получится, что вы меня испугались?

Вид у Ксении Ильиничны был требовательный, и Макару стало ясно, что она не отступит.

– Не вас. Возможного развития событий.

– Да что с вами?! – вспыхнула она. – Можете вы говорить по-человечески или нет? «Возможного развития событий»! Почему раньше вы разговаривали со мной нормальным языком, а теперь выбираете какие-то казенные обороты? Впрочем, неважно.

Она прикусила губу, глядя на него снизу вверх и стоя так близко, что

он чувствовал слабый запах от ее растрепанных волос – пахло горьковатой зеленью.

– Я хочу, чтобы вы пошли со мной и помогли написать заявление, – чуть спокойнее проговорила она, не отводя глаз от Макара.

– Зачем я вам, Ксения Ильинична? Заявление вы прекрасно напишете и без меня, и мы оба об этом знаем. Так зачем?

Она немного поколебалась, словно решаясь, говорить ему или нет.

– Затем, что вы мне помогли. Не люблю, знаете ли, оставаться в долгу, так что теперь моя очередь вам помогать.

– Помогать? – недоверчиво переспросил Илюшин и усмехнулся. – В чем же?

– Хотя бы в том, чтобы вы больше не опасались... как вы там выразились? А, возможного развития событий! Считайте это тренингом по преодолению страха.

Макар собрался что-то возразить и тут поймал себя на том, что возражать ему совершенно не хочется.

– С одним условием, – сказал он.

– Опять? Каким на этот раз?

– Вы все-таки станете говорить мне «ты».

Ксения прищурилась, сдерживая радостную улыбку, и кивнула.

– Мне нужно вернуть папину машину, – сказала она, кивнув в сторону «девятки». – У тебя есть дела? Мы могли бы сразу зайти в отделение...

– У меня нет дел, – сказал Илюшин, выкидывая из головы дом Шестаковых и все странности, происходившие в нем. – Во всяком случае, таких, которые нельзя было бы перенести. Поехали.

Эля Шестакова смотрела из окна своей комнаты, как гость, который должен был находиться в санатории, открывает дверцу старой «девятки» красивой молодой женщине с короткими темно-русыми волосами, а затем и сам садится на пассажирское сиденье. Машина уехала и увезла Макара Илюшина, улыбающегося неизвестно чему.

* * *

Москва, за две недели до описываемых событий.

Спина у Илюшина заболела неожиданно, и поначалу Макар не придал этому никакого значения. «Продуло», – отмахнулся он от Сергея, поднявшего брови при виде друга, державшегося за поясницу. Однако трехдневное самолечение не помогло, и когда Макар с трудом встал утром с

постели, он оправился к врачу.

Результат оказался неутешительным: пояснично-крестцовый остеохондроз. Врач сунул Илюшину список требуемых лекарств и предупредил, что неплохо бы пройти курс полноценного лечения, а не ограничиваться снятием симптомов.

Возвращаясь из клиники, Илюшин зашел в супермаркет за вареньем для своей соседки, Зари Ростиславовны, – та накануне вечером вернулась с отдыха, и Макар еще не успел с ней повидаться^[1]. С пятью аккуратно уложенными в пакет банками вишневого варенья он поднялся на двадцать пятый этаж и позвонил в квартиру соседки.

– Макар! – Лепицкая искренне обрадовалась ему. – Заходите, голубчик, заходите... Хотите чаю?

За чаем Илюшин выслушал рассказ о санатории, где старушка провела три недели, подлечивая радикулит. В голове его забрезжила идея, и он задал еще несколько наводящих вопросов, на которые Заря Ростиславовна охотно отвечала.

– Только останавливаться в самой санатории я бы не рекомендовала, – предупредила она. – Номера – в ужасном состоянии! В городе сдают квартиры для приезжих, и я этим воспользовалась. Правда, оказалось...

Она запнулась и замолчала.

– Что оказалось?

– Даже не знаю, как вам об этом рассказать... – Она встала, явно сильно смутившись, и достала из шкафа печенье. – Ей-богу, невероятная глупость... Дело в том, что я видела привидение.

– Оно гремело цепями? – с самым серьезным видом поинтересовался Макар, но Лепицкая обернулась, держа в руках коробку, и он увидел, какое огорченное у нее лицо.

– Что за привидение, Заря Ростиславовна? – спросил он уже без насмешки.

Старушка помолчала, поставила печенье на стол и осторожно присела.

– Я видела высокую женщину в длинном белом платье, – сказала она, посмотрев Макару прямо в глаза. – Она поднялась по лестнице на чердак. В доме два жилых этажа, хозяйка неоднократно сокрушалась при мне, что давно пора разобрать чердак – мол, там одна рухлядь, – поэтому мне стало любопытно, кто же мог туда подняться. Кроме того...

Она замолчала.

– Кроме того – что? – спросил Макар после паузы.

– Я была единственной дамой среди гостей, – с достоинством проговорила Лепицкая. – На первом этаже останавливался какой-то

молодой человек, который довольно быстро съехал, а в соседней со мной комнате жил очень любезный пожилой господин. И все.

– У хозяйки есть дочери?

– Да, но из них старшая – толстая дурнушка, а средняя – высокая, но в этот день отсутствовала дома. Впрочем, я в первую очередь о них подумала! Поймите, Макар, я поднялась наверх из любопытства, потому что была уверена: домой вернулась Лариса – это как раз та девушка, которая должна была уехать, якобы по делам. Каюсь, мне стало ужасно интересно, что же ей понадобилось на чердаке.

– И вы поднялись за ней следом, – догадался Макар.

– Да, – подтвердила Лепицкая. – Я поднялась за ней и успела увидеть, как она закрывает за собой дверь на чердак. Мне стыдно признаваться в этом, но я подкралась к двери, немножко приоткрыла ее и попробовала подглядеть в щелку. Но в комнате было так темно... я ничего не могла увидеть... и тогда я отворила дверь пошире. Мне показалось, что в дальнем углу раздался тихий стон, я испугалась и хотела позвать кого-нибудь, но потом сообразила, что сначала нужно посмотреть самой: вдруг я подниму шум по какому-нибудь пустяковому поводу! Вы меня понимаете?

Макар кивнул.

– Я позвала Ларису, но мне никто не ответил. Тогда я нашла выключатель и включила свет на чердаке.

Лепицкая замолчала, уставившись в пространство застывшим взглядом.

– Заря Ростиславовна! – позвал Илюшин. – И кто же там был?

Старушка вздрогнула и перевела взгляд на него.

– Там никого не было, Макар, – тихо сказала она. – Совершенно пустой чердак.

С минуту они молча смотрели друг на друга.

– Я понимаю, что вы мне не верите, – заторопилась Лепицкая, когда молчание затянулось. – Да что говорить о вас! Я сама не поверила собственным глазам! В конце концов я решила, что это чей-то розыгрыш, и ушла... Но мне было не по себе. Такое, знаете, неприятное ощущение, что за тобой наблюдают и оценивают каждый твой шаг. Вечером, вернувшись из санатория, я вошла в свою комнату, закрыла дверь и, простите тысячу раз за подробности, начала переодеваться к ужину. Когда я стояла, повернувшись лицом к окну, за моей спиной раздался тихий скрип, и дверь отворилась.

– Вы не заперли дверь?

– В том-то и дело, что заперла! Я точно помню, как поворачивала ключ

в замке! Но она приоткрылась – сама, словно от сквозняка, хотя никаких сквозняков в доме нет.

– Вы вышли в коридор?

– Разумеется! И там снова никого не было. И опять это невозможное ощущение, что рядом с тобой стоит человек, а ты его не видишь! Жутковатое чувство, и я постаралась избавиться от него: вернулась к себе и принялась читать. Пару раз мне показалось, что кто-то прошел мимо моей двери, и один раз я даже встала и послушала... очень аккуратно, чтобы никого не спугнуть. Но ничего не услышала.

Лепицкая нервно сцепила пальцы вместе и снова их разняла.

– Я плохо спала той ночью... – сокрушенно призналась она. – А утром, совершенно измучившись от бессонницы, решила, что проще всего обратить произошедшее в шутку. Скажу вам честно, Макар, мне было совсем не смешно. В моем возрасте уже вредно не спать ночи напролет, и если б вы знали, какой развалиной я выглядела, когда спустилась утром в столовую! Но кто мог подумать, что она воспримет все именно так!

– О ком вы, Заря Ростиславовна?

– Об этой женщине, хозяйке гостиницы! Утром в столовой никого не было, кроме нас двоих, и я, как могла, осторожно намекнула ей на то, что гости могут испугаться того, кто живет у них в доме. Я хотела, чтобы она переубедила меня, чтобы мы мило посмеялись вместе. Но она даже не улыбнулась. Она не поняла мои намеки! Ах, Макар, я так растерялась... И тогда я сказала одно-единственное слово... я постаралась сделать это как можно более игриво, но, боюсь, у меня не очень получилось. Я сказала ей: «Привидение». Но она молчала, и я добавила: «Привидение, которое живет в вашем доме».

Лепицкая судорожно сделала глоток воды из чашки и замолчала.

– Что же дальше? – нетерпеливо спросил Илюшин.

– Боже мой... я догадывалась, что Эльвира Леоновна может быть злой и язвительной, но я никак не ожидала, что это оружие будет обращено против меня. Не хочу повторять вам то, что она сказала... Но в выражениях Эльвира Леоновна не стеснялась, поверьте. Она высмеяла меня, едва ли не обвинила в старческом слабоумии! Мне пришлось фактически бежать из столовой, потому что эта женщина так разъярилась, что оставаться рядом с ней мне было попросту страшно.

Старушка покачала головой и добавила, вздохнув:

– И в самом деле, глупо, удивительно глупо с моей стороны было заикаться о привидениях...

Вернувшись домой после разговора с соседкой, Илюшин походил по квартире, рассматривая фотографии на стенах. Он любил свое жилище, и все здесь было сделано по его вкусу. Фотографии Макар обновлял по настроению, лишь одна оставалась неизменной: пейзаж с маяком на высоком морском обрыве – домик с красной черепичной крышей, россыпь желтых цветов вокруг него, бьющееся о камни ярко-синее море внизу.

История, рассказанная Лепицкой, не выходила у него из головы. От природы любопытный как кошка Макар с ходу придумал пять объяснений произошедшему и каждое отверг. Тогда он включил компьютер и пару минут спустя уже изучал сайт санатория «Залежный».

Узнав то, что требовалось, он позвонил Сергею Бабкину.

– Серега, я собираюсь подлечить спину и поэтому уезжаю завтра на пару недель. Дело о поиске Сахаровой остается на тебе. Справишься?

– Постараюсь. Далеко едешь?

– В санаторий неподалеку от Тихогорска. Скорее всего, жить буду не в нем, а в частном пансионате.

– Зачем? – удивился Бабкин.

– В санатории, говорят, не лучшие условия. – Илюшин подумал и прибавил: – К тому же мне хочется найти ответ на одну небольшую загадку.

Глава 4

Эля задернула тонкую шифоновую штору, которую сшила сама и очень любила: свет, пройдя через шифон, становился золотисто-розовым, и все в комнате окрашивалось золотисто-розовым цветом – даже зимой, при холодном тусклом солнце. Весной и летом к золотистому добавлялся нежно-зеленый – от листвы на ветках, достающих до второго этажа.

На первый взгляд вся обстановка комнаты состояла из полок – самодельных, неровных – и большого стола с выдвигаемыми ящиками. Стол в отличие от полок был добротный, сделанный по заказу умельцем Валентином Ованесовичем, и все в этом столе было подогнано под нужды владелицы, включая углубления по краям и отшлифованные выемки, в которые так удобно вставлять клубочки. Идею выемок Эля придумала сама и очень этим гордилась.

На полках сидели игрушки. Связанные крючком бараны и кудлатые овцы, яркие пятнистые жирафы и лошади с длинными цветными гривами, коты всех расцветок с пуговичными глазами и даже пара крокодилов – зеленых, как трава. Для крокодилов пригодилась металлизированная зеленая нить, которую Эля никак не могла никуда пристроить, и теперь два зубастых длинных хищника, похожих на глянцевые стручки гороха, угрожающе поблескивали с полки.

Но самой большой гордостью Эли были куклы. Они не задерживались долго в ее комнате, и потому она особенно тщательно их пристраивала, усаживала на самые удобные и хорошо освещенные полки: полосатых вязаных бабушек в передничках, милых пастушек в шляпках, с корзинками цветов в пухлых розовых ручках, крошечных младенцев в слюнявчиках и – любимых своих кукол – обычных мальчиков и девочек, которым Эля обязательно давала имена. Сейчас на полке сидели Андрюша, Мариша и Степа.

Вязать она научилась в семь лет, когда увидела, как тетя Роза быстро и ловко орудует палочкой с закорючкой, а из-под закорючки лезет что-то пушистое, желтое, живое и прекрасное, как маленький цыпленок. Правда, когда Эля заинтересовалась цыпленком, выяснилось, что получится вовсе не птичка, а скучный шарф, которым тетя Роза собирается греть горло. «Мохер очень теплый», – сказала тетя, как будто это что-то объясняло, а на вопрос племянницы ответила, что мохером называются нитки, из которых она вяжет.

«Мохер». Слово было грубоватым и звучало совсем неподходяще для клубка нежнейшего цвета, который хотелось баюкать и носить в ладонях. Эля подумала, поискала в памяти и назвала про себя пушистые ниточки «шеvron» – смысла слова она не знала, но ей казалось, что клубку подходит это название.

Крючок она освоила за две недели и заинтересовалась спицами. Из-под ее неловких детских пальчиков стали выходить какие-то клочки, кусочки вязания, которые распускались на глазах – девочка все время забывала, как нужно закрывать петли, или же сама снимала вязанье со спицы, бросала и принималась за новое, потому что ей хотелось поскорее взять в руки новый клубок, пощупать, проникнуться цветом и текстурой ниток. Таких слов, как «текстура», Эля, конечно же, не знала, но она быстро поняла, что из белого клубка, похожего на взбитый снег, получится белоснежная мягкая паутина, а из такого же белого, но похожего на крепко сбитый гладкий снежок, выйдет самая настоящая дорожка, плотная и скользкая.

Мать снисходительно смотрела на увлечение дочери, зато соседка с нижнего этажа, тетя Таня, которую Эля звала Танюшей, хвалила ее и с искренним восхищением рассматривала изделия, которые приносила ей девочка.

– Элька, у тебя золотые ручонки, – как-то раз сказала тетя Таня. – Через десять лет ты станешь такой мастерицей, что твои вещи будут продаваться на вес золота.

И ласково потрепала по макушке Эльку, подставлявшую голову, как котенок.

Эля любила Танюшу, потому что та не смеялась над ней в отличие от остальных взрослых, живших и бывавших в их большом доме. Как-то раз девочка услышала, что у Тани «вид как у голодной кошки». Так сказала тетя Роза, а мама отозвалась: «Все мы знаем, что той кошке надо», и голос у нее был презрительный.

Может, Таня и впрямь чем-то напоминала голодную кошку, поскольку была худая, почти тощая, с нездоровым блеском в глазах... Зато она научила Элю делать «маникюр» из лепестков цветов, и девочка оборвала всю календулу в саду мамы, слюнявя лепесточки и аккуратно выкладывая их на ноготки, подбирая по размеру, чтобы сидели ровно и прилипали накрепко. Пока лепестки не высохли, можно было хвастаться новым «маникюром» перед подружками, а потом Эля нашла в саду у соседа малюсенькие фиалки, и целых два дня у нее был изумительный фиолетовый маникюр. Правда, сосед пожаловался маме, и про фиалки

пришлось забыть.

Но следом за фиалками настала очередь вьюнка: его мыльной коробочкой хорошо было мыть руки, и Эля поочередно играла в больницу (она видела, как старательно мылит руки суровая громогласная медсестра, приходившая к ним домой лечить заболевших Лару и Ленечку), в повара и просто в чистюлю. Когда вьюнок надоел, Эля принялась варить варенье из апельсиновых и лимонных корочек и испортила две кастрюли, которые ей пришлось закопать в саду (тетя Роза так и не дозналась, куда они пропали). Став чуть постарше, девочка увлеклась духами и, прокравшись в комнату тети, подолгу сидела перед ее трельяжем, откупоривая толстые стеклянные флакончики и принюхиваясь к густой жидкости, а иногда и осторожно прикладывая к коже прохладный кончик пробки, смоченный капелькой парфюма.

Когда тетя Роза узнала о забавах с ее духами, Элю наказали, а флакончики спрятали в ящик, запиравшийся на ключ. Тогда Эля решила готовить духи сама: в старой фарфоровой чашке, раскопанной на помойке, настаивались лепестки роз, а в железной кружке – лепестки пионов, которые пахли сильнее, а значит, и духи должны были получиться более ароматными. Настоявшуюся водичку девочка переливала в бутылочки из-под детского кефира, которым поили близнецов, закупоривала комочками ваты и выстраивала под шкафом – в сухом темном месте, как и рекомендовал хранить духи польский изготовитель, добросовестно напечатавший это предупреждение на коробочке. Правда, когда мама нашла бутылочки, их вылили, но к тому моменту Эля уже и сама остыла к духам – все равно они пахли совсем не так, как настоящие.

Она росла задумчивой девочкой, тихой и пугливой, совсем не похожей на ту обаятельную, веселую, общительную хохотушку, которую нафантазировала себе Эльвира Леоновна, мечтая о дочери. Когда Эле было пятнадцать лет, она узнала, что мать назвала ее именем, похожим на свое, не случайно: маме хотелось, чтобы дочь стала ее продолжением, унаследовала от нее лучшие черты. Но этого почему-то не случилось. Выросла Эля некрасивой, толстой, с носом картошкой и тусклыми волосами. А самое главное – ни к чему не пригодной. Поначалу Эльвира Леоновна скрывала свое отношение, но чем старше становилась Эля, тем бесповоротнее разочаровывалась мать в своей старшей дочери.

Вещи Эли не продавались на вес золота. Она вязала быстро, но свитера, платья и юбки выходили обычными, скучными, а ей хотелось чего-то сказочного. На двадцать первый день рождения мама сделала ей подарок: компьютер, который сосед Валентин Ованесович помог

подключить к Интернету. Мать надеялась, что Эля станет самостоятельно осваивать разнообразные программы, но к освоению программ девушка оказалась совсем не пригодна: путалась, не понимала, что означает самая простая фраза в книжке «Компьютер для чайников», смотрела на Эльвиру Леоновну глупыми круглыми глазами, отчего та раздражалась еще больше. В конце концов Эльвира Леоновна махнула на старшую дочь рукой, решив, что природа на ней отдохнула, и мучение Элино закончилось.

А компьютер остался. Без строгого надзора Эльвиры Леоновны дочь потихоньку освоила Интернет и обнаружила, что существуют целые сообщества, которые только и делают, что вяжут, придумывают одежду для кукол, изучают новые узоры и делятся друг с другом идеями. Увидев принцесс в волшебных кружевных нарядах, связанных из простых ниток, Эля загорелась и принялась вязать без передышки.

И вот тут-то предсказание тети Тани сбылось, хоть и в искаженном виде. Связав наряды всем старым куклам, Эля сообразила, что можно вязать и самих кукол. Ей доставляло удовольствие подбирать яркие цвета, придумывать платья и костюмы, которые можно снимать, потому что они были «как настоящие», нашивать крошечные пуговички и скрупулезно вывязывать детали воротничков и манжет. Она одарила всех знакомых детей вязаными человечками, а затем принялась рукодельничать просто так, для своего удовольствия.

Образование у Эли было плохонькое – местный экономический колледж давно уже выпускал никому не нужных специалистов, которые уезжали «образовываться» в другие города либо же устраивались работать секретарями, помощниками юристов и кадровыми работниками. Эля тоже собиралась куда-то устроиться, но в один прекрасный день обнаружила еще один любопытный сайт, объединявший рукодельниц: мастерицы выставляли изделия на продажу. Система регистрации оказалась совсем несложной, и уже к вечеру Эля с опаской выложила фотографии двух кукол, которых она пока не успела подарить соседским ребятишкам. Над ценой она ломала голову недолго: написала «Ваня и Маша, 300 рублей» и удовлетворенно щелкнула по клавише.

Первое письмо пришло ей уже через два часа, а за ним и еще несколько. Подумав, Эля рискнула взять заказы и за три дня связала еще шестерых Вань и Маш, которые отправились в посылках к покупателям. За ними последовали новые вязаные человечки, а за человечками – целый зоопарк, который один из клиентов решил приобрести в подарок сыну.

С тех пор Эля зарабатывала деятельностью, которую Эльвира Леоновна открыто называла баловством и глупостью и не могла взять в

толк, за что платят деньги ее дочери. Однако яркие веселые игрушки раскупались почти сразу, как только оказывались на сайте рукодельниц. У Эли обнаружился свой узнаваемый стиль, копировать который на первый взгляд казалось легко, и этим немедленно воспользовались некоторые рукодельницы. Однако выяснилось, что у вязаных бабушек и дедушек, внуков и внучат, пастушек и Красных Шапочек Эли Шестаковой есть особенность, повторить которую невозможно: в каждой игрушке была индивидуальность. Радость, с которой девушка «сочиняла» своих кукол (она предпочитала называть работу именно так), волшебным образом отражалась в них.

Эля, носившая бесформенные майки и рубашки и плакавшая от вида своего пухлого отражения в зеркале, мечтала о прекрасных пышных платьях, о кружевных юбках, о роскошных накидках, которые можно элегантно перебрасывать через плечо... Для нее самой эти мечты были неосуществимы, и она отводила душу на куклах, придумывая для них наряды из сказок, давая волю воображению без страха, что над ней будут смеяться. В своей комнате она расцветала: здесь был ее маленький мир, в котором девочки носили юбки и сарафаны из цветов, шляпы из капустных листьев и сумочки из плетеной травы. Толстая неуклюжая Эля оставила одно-единственное небольшое зеркало в дверце шкафа, скромно прятавшегося за полками, а смотреться предпочитала в своих кукол, представляя себя в таких же, как у них, озорных полосатых гольфах, немислимых французских беретах – огромных, с помпоном на полголовы, и тончайших свитерках...

Она посмотрела на будильник и всплеснула руками: кружок по рукоделию начинался уже через сорок минут, а у нее даже юбка не отглажена. Эля нырнула в шкаф, достала длинную юбку и принялась торопливо гладить ее, напевая себе под нос и стараясь прогнать навеянное утренним разговором с матерью плохое настроение, чтобы не приходиться с ним к детям.

Макар ужинал с Эльвирой Леоновной и должен был признать, что Шестакова – превосходная собеседница, внимательная к слушателю и не утомлявшая его излишними подробностями своих историй. Илюшин, уже почти решивший, что старшая дочь Эльвиры Леоновны безжалостно эксплуатируется в качестве поварихи-домработницы, обнаружил, что хозяйка и сама прекрасно готовит, ухаживает за ним, и все это без малейшего подобострастия или навязчивости – так, словно он и впрямь был гостем, а не просто очередным платным клиентом. Глядя, как плавно

она двигается, Илюшин не удержался и спросил:

– Эльвира Леоновна, вы никогда не занимались танцами?

– Танцами? К сожалению, нет, хотя в юности я мечтала танцевать. – Улыбка счастливых воспоминаний пробежала по розовым губам. – Вот Роза – она и в самом деле танцевала, и танцевала хорошо, потому что была одарена от природы...

– Роза?

– Да, вы же не знаете... Роза – это моя сестра. Поверьте мне, когда она шла по улице, на нее оборачивались не потому, что она была очень красива, а потому, что она не шагала, а плыла.

– А где она сейчас? – бестактно спросил Макар.

Улыбка исчезла с губ Эльвиры Леоновны. Она торопливо встала, будто спохватившись.

– Роза... К сожалению, сестра уехала. Я еще не предложила вам десерт. Хотите мороженое?

Поздно вечером, сидя на стуле и вытянув длинные ноги, Макар читал Сименона, постоянно отвлекаясь и проваливаясь мыслями в события прошедшего дня. Он сам не заметил, как задремал, и в его полусне комиссар Мегрэ с удивительным проворством удирал от Чеширского кота, от которого на улицах сырого французского городка оставалась одна улыбка – хищная, совсем не кошачья, больше напоминавшая свирепый оскал. Комиссар метался между домами, а улыбка поднималась все выше, выше и наконец стала месяцем, перевернувшимся в черном небе рогами вверх. Повисев в небе, месяц стал стремительно падать вниз, увеличиваясь в размерах и снова превращаясь в улыбку, которая повисла над загнанным Мегрэ, тщетно пытавшимся спрятаться в старом доме, стены которого разваливались, будто картонные.

Когда улыбка клацнула зубами, Илюшин дернулся и проснулся.

«Чертовщина какая... Надо было еще час назад лечь спать, а не полуголодать».

Илюшин протер глаза, но сон не стряхивался. Тогда Макар подошел к окну. За окном сидела косматая непроглядная темнота, прислушиваясь к звукам и шорохам, и смотрела на Илюшина маленькими глазками далеких огоньков, трогала ветками сирени стены затаившегося старого дома. В этой темноте кто-то завозился совсем близко от Макара, и он на миг ощутил желание отскочить от окна. Но в следующую секунду взял себя в руки, вспомнив слова Эли Шестаковой о кошках соседа. «А на чердаке, должно быть, полно летучих мышей... Впрочем, Заря Ростиславовна ни словом о

них не обмолвилась. Нужно будет наведаться на чердак».

Илюшин плотно задернул шторы, подошел к ночнику и выключил его: ему хотелось, чтобы глаза привыкли к темноте. Постояв с полминуты неподвижно, он решил все же рассмотреть, что за огоньки светились снаружи, сделал шаг к окну и оцепенел.

В комнате кто-то был. Рядом с Макаром слышалось прерывистое дыхание, словно человек долго мчался сквозь ночь и вот наконец добежал до укрытия, но боится, что его обнаружат, и старается дышать как можно тише.

Илюшин, напрягшись, бесшумно сделал несколько шагов туда, где должен был находиться выключатель, и обшарил глазами комнату. Бесполезно. Даже если бы он не задернул шторы минутой раньше, в комнате все равно ничего не было видно.

Дыхание стало слышно явственнее, словно человек подошел ближе к Илюшину, хотя шагов Макар не уловил.

– Кто здесь? – резко спросил он, одновременно присев и отпрянув в сторону.

Однако кем бы ни был тот, кто стоял, запыхавшись, в темноте, он не собирался нападать, ориентируясь по звуку. И отвечать, похоже, тоже не собирался. Шаря перед собой руками, Илюшин очень медленно и осторожно пошел к двери, возле которой был выключатель. Нащупать клавишу ему удалось только с третьей попытки, и он, внутренне подбравшись, ударил по ней ладонью и быстро обернулся.

Лампа зажглась, и пораженный Макар увидел пустую комнату. В тишине прозвучал последний вздох – и затих.

– Какого... – начал было Илюшин, но оборвал ругательство и подошел к шкафу. Секунда заминки – и он распахнул дверцы, сдвинул в сторону вещи, осмотрел пространство внизу. Затем заглянул под кровать, изучил стену и окно за шторами и остановился посреди комнаты, оглядываясь вокруг и чувствуя себя до крайности глупо и нелепо.

– Попробуем поискать происходящему логическое объяснение, – пробормотал Макар, снова усаживаясь на стул, но готовый вскочить в любой момент. – Дверь закрыта. В комнате кто-то дышал. Сейчас в ней нет никого, кроме меня. Вопрос – чем это можно объяснить?

Подумав, он встал, выключил свет и замер, прислушиваясь. На этот раз тишина не прерывалась ничем, кроме сигнала далекой машины. Постояв несколько минут, Илюшин опять включил свет и вздохнул. Самое простое объяснение отпало.

Он прошелся по комнате, наклоняясь к столу, кровати, даже к стулу.

Остановился возле штор и покачал их, хотя был уверен, что неоткуда взяться такому сильному сквозняку, который мог бы раскачать тяжелую портьерную ткань. Постоял возле окна, ловя звуки улицы...

Ничего.

«Шумели в соседней комнате? – предположил Макар. – Ерунда. Даже если бы и шумели, я бы ничего не услышал».

Поколебавшись, он достал телефон, глянул на часы, поморщился и набрал номер. После четвертого гудка трубку взяли.

– Да, – буркнул сонный Сергей. – Макар, что случилось?

– Прости, что разбудил, – деловито сказал Илюшин без тени раскаяния в голосе. – Мне нужна твоя помощь. Представь, что ты ложишься спать, выключаешь свет и слышишь рядом с собой дыхание человека. Когда ты включаешь свет, наступает тишина, и никого нет. Чем бы ты мог это объяснить? И что бы ты стал делать?

Сергей помолчал.

– Для начала я бы проверил шкафы, под шкафами, кровати и под кроватями, – сказал он наконец. – А также другие комнаты.

– Других комнат нет, остальное я сделал. Еще варианты?

– Решу, что послышалось. Шум в ушах.

– Нет, не подходит. Процентов девяносто, что не послышалось.

– Решу, что попал в остальные десять, – упрямо пробубнил Бабкин.

– Серега!

– Ладно, подожди, нужно подумать. Значит, ты выключаешь свет и слышишь в комнате чье-то дыхание... Далеко?

– Не очень. В нескольких шагах от себя.

– Изобрази, – неожиданно сказал Сергей.

– Что?

– То самое. Дыхание. Изобразить можешь?

Илюшин послушно задышал в трубку.

– Как это волнующе... – издевательски протянул Сергей. – Кстати, у тебя прослушиваются хрипы в легких. По делу могу сказать вот что: иногда бывает, что звук раздается вдалеке, а кажется, будто источник его совсем рядом. То, что ты изобразил, при некоторой фантазии можно принять за шуршание шин по гравиию.

– Точно! – Илюшин обрадованно щелкнул пальцами. – Спасибо, Серега, ты мне очень помог.

Положив трубку, Макар попробовал повторить услышанный звук и окончательно убедился, что версия Бабкина все объясняет.

– Мог бы и сам догадаться, – вполголоса заметил Илюшин, – впрочем,

я шел в правильном направлении.

Не успел он закончить, как за дверью раздались приглушенные шаги.

– Уж шаги-то мне, наверное, не кажутся? – спросил Макар у ночника. – Или это тоже очередная слуховая иллюзия?

Он быстро подошел к двери, повернул ключ, приотворил ее и выглянул в коридор. Через одну комнату от него стояла Эля, готовая войти к себе.

– Добрый вечер, – поздоровался Илюшин.

– Добрый... – смущенно отозвалась она и добавила, словно оправдываясь: – Я думала, вы уже спите.

– Я действительно почти спал, – не соврал Макар. – Но мне показалось...

Он замолчал и увидел, как изменилось лицо девушки.

– Показалось – что? – переспросила она, и на лице ее отразилось что-то похожее на страх.

– Да так, ничего особенного, – протянул Илюшин. – Показалось, будто кто-то шуршит в моей комнате, а это была всего лишь машина за окном.

Эля покачала головой.

– Здесь все не так, как кажется, – тихо сказала она. – Пожалуйста, будьте осторожны.

Вошла в комнату и бесшумно прикрыла за собой дверь.

Утро выдалось и не пасмурным, и не солнечным, а так, серединка на половинку: облака тянулись по небу медленно, нерешительно, словно не зная, то ли остановиться и повисеть над городом, то ли плыть за лес, в сторону Анненска. И воздух в восемь утра был не прохладным, а холодным, и слабый весенний ветер завивался вокруг домов и просачивался в щели сквозняком.

Илюшин вышел из дома рано, решив прогуляться по старому району вокруг дома Шестаковых. Завтракать ему пришлось в компании Ларисы и Лени: оба собирались уезжать на работу, однако Лариса, по мнению Макара, была одета несколько легкомысленно для менеджера. Ели близнецы быстро, перебрасываясь им одним понятными шутками, почти не пытаясь подключить гостя к беседе. Лариса завила волосы и стала еще больше похожа на мать, что особенно бросилось в глаза, когда Эльвира Леоновна вошла в столовую – аккуратная, удивительно моложавая, с такими же, как у дочери, чудесными белокурыми локонами и гладкой, словно глянцево́й, кожей. Она, похоже, никак не ожидала застать вместе со своими детьми Макара и всплеснула руками, увидев его.

– Макар Андреевич, почему так рано! Я только собиралась готовить

вам завтрак... Вы ведь, кажется, сказали, что вам в санаторий к одиннадцати?

Илюшин объяснил, что хочет прогуляться по району, и хозяйка дома с пониманием кивнула.

– Пройдитесь, посмотрите... У нас здесь красиво. Обратите внимание, что наш сосед слева, Валя Корзун, выращивает сирень сорта «Сумерки», темно-фиолетовую, а вот другой сосед, Яков Матвеевич, – сиреневую, двух сортов: «Партизанку» и «Глорию». И оба они соревнуются между собой, у кого цветы получатся крупнее.

– Гуще, мама, – поправил ее Леонид. – Валентин Ованесович мне объяснял: ветка должна быть пушистой, вот что главное.

– И крупнее, и гуще, – не стала спорить она. – Сирень соседи завозили культурную, из садоводческого питомника, и смотреть на нее теперь одно удовольствие. Если вы, Макар Андреевич, хоть чуточку равнодушны к цветам, то думаю, что оцените.

– А у нас сирень тоже ничего, – буркнула Лариса, допив кофе и, вероятно, решив напоследок поддержать утреннюю беседу. – Правда, мам, мне наша дикая «Венгерка» очень нравится.

Эльвира Леоновна поставила перед Илюшиным чашку свежего кофе и мимоходом наклонилась к дочери, поцеловала ее в макушку.

– Бегите, на работу опоздаете, – сказала она, и Макар успел поймать быстрый взгляд, которым обменялись близнецы.

– Мам, тысячу раз тебе говорил, что опаздывать нам некуда, – протянул Леонид, вставая и делая знак сестре. – Этим-то и хорош ненормированный рабочий день.

Он провел по волосам небрежным жестом, повернулся к окну... Утренний свет упал на его лицо, и стало заметно, что в нем появилось что-то хищное: теперь Леонид был похож вовсе не на тюленя, а на белого медведя. «А ведь он и в самом деле довольно крупный, – сообразил Илюшин. – Для такого шею свернуть – как нечего делать».

Откуда взялась ничем не мотивированная мысль про шею («чью шею? почему именно шею?»), Макар не знал, но выплеск подсознания, спровоцированный ранним подъемом, решил не игнорировать и вечером за Леонидом понаблюдать.

Близнецы ушли. Эльвира Леоновна проводила их взглядом, а затем помахала в окно рукой.

– Я ужасно к ним привязана, – задумчиво сказала она, возвращаясь к Макару и садясь за стол. – Наверное, это неправильно, когда немолодая уже мать так привязана к взрослым детям. Как вы думаете?

– Я не знаю, Эльвира Леоновна, – честно сказал Макар.
– Наверное, неправильно. Им хочется свободы – всем, кроме Эли. Ей свобода вовсе не нужна.

– Отчего же?

Хозяйка невесело усмехнулась:

– Нехорошо так говорить о собственной дочери, но она, к сожалению, лишена тех черт, которые я хотела бы видеть в своем ребенке. Ей совершенно безразлично, где и как мы будем жить – лишь бы она имела возможность заниматься своим увлечением. Как ни странно, ее детское хобби приносит ей небольшой, но стабильный доход, хотя я бы предпочла, чтобы не приносило вовсе.

– Почему? – удивился Илюшин.

– Потому что в таком случае у нее был бы стимул устроиться на работу и заниматься стоящим делом. А сейчас Элю все устраивает. К сожалению, она не слишком умна и совсем не амбициозна. И в ней очень мало от настоящей женщины... В основном она напоминает незрелого подростка.

И Эльвира Леоновна тяжело вздохнула.

Выйдя из дома, Илюшин с сомнением посмотрел налево – туда, где начиналась нежная зелень непрорезанных кустов боярышника и еще какого-то растения с колючками на ветках. Неподалеку от боярышника качала ветками фиолетовая сирень, на которой еще не все бутоны раскрылись. «Значит, там у нас живет некто Валентин Ованесович...»

Поразмыслив, Макар решил, что в тупичок зайти он всегда успеет, и повернул в противоположную сторону, к светло-лиловым зарослям. Он не разрабатывал никакого плана, не придумывал, о чем будет спрашивать прохожих, а просто брел неторопливо, разглядывая дома на другой стороне улицы, и через полминуты очутился возле одноэтажного синего дома.

За забором стоял пожилой мужчина в ватнике, в котором Макар узнал старика, виденного им в первый вечер, когда он разыскивал дом Шестаковых. При ближайшем рассмотрении тот оказался не таким уж старым: на вид ему было лет шестьдесят пять, и выглядел он суховатым и подтянутым. Морщины на его лице располагались строго перпендикулярно друг другу: несколько продольных, глубоких, как борозды, прорезали высокий желтоватый лоб, и по одной вертикальной морщине было выделено на каждую щеку – длинные, резкие, похожие на застарелые шрамы от удара саблей. Однако больше всего старили мужчину не морщины, а седина. Темные, глубоко посаженные глаза смотрели на

Илюшина с недоверием.

– Доброе утро, – поздоровался Макар.

– И тебе не хворать, – негромко отозвался старик, собираясь уходить.

Илюшин перевел взгляд на сирень в палисаднике, вскинул брови.

– Это ведь, кажется, «Партизанка»... – протянул он, надеясь, что сорт окажется не «Глорией». – Красивый куст.

– Точно, она. – Хозяин остановился, обернулся к нему. – Откуда знаешь?

– Бабушка выращивала, – не моргнув глазом соврал Макар. – С детства люблю сирень. – Он сделал паузу и предположил: – А вы, наверное, Яков Матвеевич?

Старик нахмурился, и морщины на его лбу собрались в складки.

– Мне ваша соседка сказала, Эльвира Леоновна, – объяснил Илюшин, памятуя о том, что правильная рекомендация – лучшее начало для знакомства. – Я у нее комнату снимаю.

Несмотря на всю правильность рекомендации, по Якову Матвеевичу нельзя было сказать, что он проникся ею: лицо его, и без того мрачное, перекошилось, кулаки сжались.

– Скажи своей домоправительнице, – глухим от ярости голосом начал он, – чтобы лезть ко мне не смела! Ясно?! И шпионов пусть не подсылает, иначе...

Он запнулся, взмахнул сжатым кулаком и бессильно опустил его. Затем, ругаясь себе под нос, ушел за дом, и через некоторое время там громко хлопнула дверь.

– Даже так, значит, – сказал вслед ему Макар. – Занятно.

Он по привычке взлохматил русые волосы, прошелся вдоль забора в одну сторону, затем в другую, но старик больше не появлялся.

– Чем черт не шутит? – вслух спросил самого себя Илюшин и направился к дому, стоявшему в тупике, где, если верить рассказам Эльвиры Леоновны, жил другой садовод, Валентин Ованесович.

Валентин Ованесович и впрямь оказался садоводом. Подойдя вплотную к палисаднику, Илюшин рассмотрел, что белый каменный дом в глубине сада обсажен цветами – но не клумбами, а грядками. Бледно-желтые нарциссы с гофрированными чашечками росли рядами, выступали по линеечке, качая тугими бутонами, красные тюльпаны, мелкие анютины глазки разбавляли прямоугольник бурой земли желто-фиолетовым цветом.

Старый оштукатуренный дом неприветливо глядел на Макара узкими щелями из-за неплотно прикрытых занавесок. Подумав, Илюшин протянул

руку к сирени над палисадником и покачал веткой, словно собираясь ее отломать.

Шторы на окне зашевелились, как если бы от них кто-то быстро отошел, в следующую секунду дверь распахнулась, и на крыльце показался человек. Илюшин ожидал, что на него будут кричать и ругаться, однако хозяин неторопливо сошел со ступенек и подошел к своему драгоценному кусту.

– День добрый тебе, – усмехнувшись, сказал он. – Хочешь ветку сорвать для девушки, попроси по-человечески, а не ломай.

– И что, разрешите? – полубопытствовал Илюшин.

– Нет, конечно. Но совесть твоя будет чиста, – ответил хозяин дома.

Ему было около пятидесяти, но в отличие от своего соседа выглядел он мужиком в расцвете сил: широкоплечий, коренастый, крепко стоящий на своей земле. Лицо у него было загорелое и обветренное, в гладких черных волосах просматривались светло-серые, почти серебристые пряди. Умный взгляд, наблюдательный и цепкий... Илюшин решил, что Валентин Ованесович человек не простой, совсем не простой, хотя и хочет таковым казаться.

– Совесть моя будет чиста в любом случае, – улыбнулся Макар, – потому что ломать вашу сирень я не собирался. Хотел только посмотреть. Эльвира Леоновна рассказывала, что вы выращиваете какой-то редкий сорт.

На всякий случай он внутренне приготовился к такой же реакции, как у старика из синего дома. Но сосед Шестаковых по фамилии Корзун лишь кивнул в ответ.

– Точно, выращиваю. «Сумерки» называется. Впрочем, редкого в нем ничего нет – обычная окультуренная сирень. Люблю я цветы.

Он улыбнулся широко, обезоруживающе.

– А ты, значит, временный жилец нашей Эльвиры Леоновны. Ну что ж, давай знакомиться. Зовут меня Корзун, – фамилию он произнес так, словно она была именем. – Валентин Ованесович. А ты называй как тебе удобнее – можно и без выкрутасов, Валентином. Валеи только не надо, я этого не люблю.

– А я Макар, Макар Андреевич.

Корзун протянул было руку, но спохватился и отдернул.

– Через забор здороваюсь, совсем от людей отвык, – укорил он себя и, открыв калитку, пожал руку Макару. Рукопожатие у него оказалось крепким, под стать ему самому.

– А я опасался, что вы на меня собак спустите, – усмехнувшись, сказал Илюшин и пояснил: – Сосед ваш меня безрадостно принял. Я только

заикнулся, где живу, как он разбушевался, ругаться начал... Может, я что-нибудь не то сказал?

Валентин Ованесович хмыкнул и покачал головой.

– Да, есть такое дело. Ты тут ни при чем. Какая кошка между ним и Эльвирой пробежала – никто не знает, но не любят они друг друга крепко. И давно-о-о это идет, почитай, еще с того времени, как Шестаковы стали хозяевами всего дома. Может, Афанасьев подумывал долю себе каким-нибудь образом выцарапать, а Эльвира Леоновна ему дорогу перешла... Кто его знает? Оно, конечно, не очень на правду похоже, да и наследства ждать ему в шестаковском доме было, прямо скажем, не от кого. К тому же Яков наш Матвеевич – правильный такой мужик, порядочный.

– А что значит «стали хозяевами всего дома»? – удивленно спросил Макар.

Корзун взглянул на него.

– А ты разве не знаешь? Не рассказывали тебе, кто раньше в шестаковском доме жил?

Илюшин отрицательно покачал головой.

Валентин Ованесович помялся, и на лице его читалось, как хочется ему поболтать с новым человеком, не рискуя прослыть при этом сплетником. В конце концов, достав из кармана пачку сигарет, он показал ее Макару:

– Куришь?

Некурящий Илюшин с готовностью кивнул.

– Если время есть, пойдем подымим на скамейке.

Окуривая нарциссы дымом, Корзун рассказал внимательно слушающему Макару историю дома, который последние двадцать лет называли шестаковским.

Глава 5

Шестаковским он был всегда, даже тогда, когда семья Эльвиры Леоновны занимала в нем всего одно крыло – правое, на втором этаже. В левом недолгое время жила большая шумная семья, отчего-то совершенно никому не запомнившаяся: знали только, что глава семьи был военным и таскал за собой семейство по всем гарнизонам. Когда военный с семьей съехал, в одну из их комнат вселилась Роза Леоновна, а три другие после хитрых манипуляций Эльвиры и Сергея Осьмина отошли семейству Шестаковых.

На первом этаже, справа, надолго обосновались два престарелых голубка, Виктория и Тихон Коробковы, которых все называли престарелыми лет пятнадцать, а они все жили, ворковали в своих двух комнатах, данных им за какие-то невиданные заслуги на фабрике, сидели возле окошка, с осуждением во взорах наблюдая за детьми Шестаковых, а затем тихо скончались – почти одновременно. Никто после не мог вспомнить, кто же из них умер первым: Тихон или Виктория, да, в конце концов, это было не так уж важно. Умерли они незаметно, как и жили, и остались после них на удивление пустые комнаты, не заставленные всяким хламом, как это частенько бывает у стариков: ни книг, ни безделушек, ни старых альбомов с фотографиями... только граммофон и стопка пластинок, которые никто никогда не слышал.

Две смежные комнаты внизу, в левом крыле, постоянно меняли хозяев, пока туда не подселили учителя биологии из ближайшей школы. Учитель с Осьминым очень не любили друг друга – настолько, что при встрече разве что не раскланивались, выпуская невидимые щупальца холодной ненавидящей вежливости.

Осьмина звали Сергей Валентинович, и был он не кто иной, как муж Эльвиры Леоновны. Так про него все и говорили: муж Эльвиры Леоновны. Поженились они в восьмидесятом, когда Эльвире было двадцать пять, а в восемьдесят первом уже родилась Элла. За ней в восемьдесят третьем – близнецы, а еще два года спустя – Эдуард. Эльвира Леоновна рожала легко, восстанавливалась после родов очень быстро и уже подумывала, не родить ли ей в четвертый раз, как в восемьдесят седьмом году Осьмин неожиданно скончался от инфаркта.

Нельзя сказать, что Эльвира очень скорбела по мужу. Сергей Валентинович был типичным местечковым функционером высокого ранга,

с плоским лицом, потерявшим за годы брака всю выразительность, когда-то пленившую молодую Эльвиру Шестакову. Он был крайне полезен и ей, и Розе – в конце концов, кому, как не Сергею, они были обязаны тем, что постепенно расселились по всему дому, причем расселение их происходило так естественно, что ни у кого не вызывало возмущения. Эльвирой Леоновной восхищались, называли ее матерью-героиней, приводили в пример... Она могла позволить себе не работать в отличие от сестры, которая, так и не выйдя замуж, тщетно пыталась найти подходящего супруга в пыльных помещениях главной городской библиотеки.

Овдовев, Эльвира Леоновна отгоревала положенное время, а затем поняла, что жить теперь придется по-другому. К счастью, она никогда не упускала возможности завязать полезные знакомства, пользуясь положением мужа, и у нее не возникло сложностей с тем, чтобы устроиться на хорошую работу, – взяли Шестакову в городской департамент культуры. Решив вопрос с работой, Эльвира с присущим ей здравомыслием постановила, что в доме нужен мужчина, а для этого она должна выйти замуж.

На сестру полагаться было нельзя: легкомысленная Роза заводила один роман за другим, но мужчин выбирала неподходящих: во-первых, женатых, а во-вторых, из рода красивых прохиндеев. А Эльвире в мечтах виделся мужчина приличный, порядочный, с хорошим положением, способный взять на себя не очень легкий, но приятный груз ответственности за двух женщин и четверых детей. Выискивать такого на улицах было неразумно – слишком невелики шансы на успех. Еще меньше возможностей предоставляла работа обеих сестер. Кружки, «совместный досуг» и прочие мероприятия для тех, кому «за тридцать», были с негодованием Эльвирой отвергнуты.

И тогда в ее белокурую голову пришла отличная идея. Она придумала возродить в их доме традицию салонов.

В эту игру втянулись все, включая детей: рисовали приглашения, продумывали темы для бесед, предлагали игры, которые подошли бы и взрослым, и детям... Эльвира и Роза тщательно отбирали гостей: им вовсе не требовалась чисто мужская компания, но и терпеть конкуренток на своем поле они не собирались. Нет, в первую очередь вечера должны были быть *интересными* – это понимали обе, – чтобы привлечь к ним внимание. А там уже можно будет действовать по ситуации.

«В субботу у нас ожидается веселье, заходите!» – ненавязчиво приглашала одна сестра. «Мы устраиваем небольшие посиделки, нам будет приятно вас видеть», – очаровательно улыбалась вторая. Сестры были

красавицами, и люди охотно отзывались на приглашение. «Во сколько, вы говорите? В шесть? Почту за честь, дорогая Эльвира!»

Первый вечер прошел так удачно, что Роза сама не верила их успеху. Эльвира пожимала плечами и с торжествующей улыбкой на губах поясняла, что главное – продумать мелочи, а уж исполнение – дело второе. Мелочи и впрямь были продуманы. Никаких пошлых блюд вроде «мяса по-французски» – только запеченная рыба, овощной суп-пюре, мороженое и фрукты на десерт: все просто, недорого, но вкусно приготовлено. Никакого безобразного «свадебного стола» – гости сидели за круглым столом, играла негромкая музыка, в соседней комнате и в коридоре можно было танцевать. Никакого пьянства – боже упаси, ведь все культурные люди! – только игры, смешные фанты, танцы, конкурсы и даже – задумка Розы – «живые картины», персонажи которой норовили разбежаться в разные стороны под дружный смех присутствующих.

Возможно, расшевелить гостей с первого же вечера не удалось бы, если бы не дети. Они придавали всему сборищу характер легкий и неформальный: носились везде, смеялись, принимали живейшее участие во всех затеях, но в то же время были достаточно хорошо воспитаны, чтобы не лезть к гостям и не мешаться под ногами. Когда детей уложили, вечер приобрел более «взрослый» характер: беседовали о политике, и Эльвира Леоновна, как женщина умная, сама говорила мало, но по делу, а в основном провоцировала высказываться мужчин.

Да, первый вечер имел большой успех. Расходясь, сразу же договорились о следующей встрече – через две недели, и, нужно сказать, приглашенные ждали этого дня не меньше, чем сестры Шестаковы. Встреча прошла так же весело, как и предыдущая, и сестры твердо решили сделать «салоны» традицией.

Постепенно слово «салон» заменилось новым, придуманным Розой, – теперь их субботние вечера стали называться журфиксами. Хотя приходить на них без приглашения не стоило – Эльвира с сестрой тщательно отбирали гостей, и попасть в дом Шестаковых «на субботу» было почетно.

В конце концов сложился круг людей, которые могли приходить на журфиксы беспрепятственно. Две семейные пары: актриса с мужем, главным режиссером Тихогорского театра, и один из заместителей директора швейной фабрики с супругой – оба неожиданно оказались людьми интересными и компанейскими. Трое неприкаянных и вечно голодных художников, смотревших влюбленными глазами на сестер, – их Эльвира держала «для интересу»: они и в самом деле были весельчаками, готовыми поддержать любое смешное начинание, а заодно и повозиться с

детьми. Директор единственной в Тихогорске гимназии, всерьез приглядывавшийся к Розе. Руководитель хора мальчиков, находившийся в состоянии развода, а потому представлявший для сестер некоторый интерес, хоть и не очень значительный: Михаил Арнольдович был человек творческий в худшем смысле этого слова, а именно – беспомощный и наивный до умиления, однако при этом эрудит и умница во всем, кроме бытовой стороны существования.

Однако любимыми гостями Эльвиры и Розы были два приятеля, Борис Юрьевич Чудинов, терапевт областной больницы, и Антон Павлович Соколов, хирург этой же больницы, которого сестры, а за ними и все остальные, ласково звали Антоша.

Боря Чудинов был худощавым рыжеватым мужчиной с бородой, застенчивым и скромным. Однако, выпив, он становился раскованным и следил блестящими глазами за красавицами сестрами, громко шутил и заключал с художниками самые невероятные пари. Как все светлокожие, легко краснел, чем пользовался Антоша Соколов, то и дело поддевая приятеля.

В отличие от своего тихого рыжего друга Антоша был красавцем: высокий, с вьющимися темными волосами, с чеканным профилем и белозубой мальчишеской улыбкой... «У Антоши внешность героя», – говорила Роза Леоновна и была совершенно права, а Эльвира добавляла: «Соколову бы в фильмах сниматься!» Впрочем, он и хирургом был отличным.

Однако и красота, и профессионализм Антона Павловича меркли по сравнению с его обаянием. Сам он не понимал, какое впечатление производит, не упивался собою и от этого становился еще милее и симпатичнее. «Замечательный человек наш Антоша», – искренне говаривал Михаил Арнольдович, и с ним все соглашались. Антошу любили, и часть этой любви распространялась – совершенно заслуженно, надо сказать – на Борю Чудинова.

Все расчеты Эльвиры обернулись дымом, когда она поняла, что влюбилась в хирурга. Однако со свойственным ей практицизмом она сделала все, чтоб он не узнал об этом. Поэтому никто не мог с уверенностью сказать, соперничали ли сестры из-за Антона Павловича, – но то, что он нравился им обеим, казалось очевидным. Эльвире и Розе было по тридцать четыре года, Соколову с Чудиновым – чуть больше тридцати, и знакомые Шестаковых вполголоса судачили о том, как же сложатся две пары и сложатся ли вообще.

Дело несколько осложнялось тем, что при всем своем обаянии и

исключительной внешности Антоша был несколько мягковат и даже инфантилен. Собственно, уменьшительно-ласкательное его прозвище произошло именно из-за покровительственного отношения к нему сестер, да и всех остальных тоже. Там, где другой брал бы кавалерийским наскоком и добивался успеха, Антон Павлович терялся, колебался и в результате оставался ни с чем. В сложных ситуациях Антоша, не зная, что ему делать, приходил советоваться к сестрам, и они принимали в нем живейшее участие, наставляли со всей женской мудростью (здесь был в основном вклад Эльвиры).

Всеобщее мнение гласило, что именно эти инфантильность и нерешительность мешали Соколову определиться, кто из сестер ему нравится больше. Ничем иным невозможно было объяснить, что после года знакомства он еще не сделал предложения ни одной из них. В больнице у него ни с кем не закрутился роман, об этом знали точно, а больше Антон Павлович нигде не бывал. Кроме дома Шестаковых.

– Я как раз в то время поселился в Тихогорске, – проговорил Корзун, закуривая вторую сигарету. – Работа у меня была разъездная, и домой я возвращался нечасто. Но друзей Шестаковых помню очень хорошо, к тому же сестры приглашали меня в гости, и пару раз я бывал на этих самых журфиксах. Тогда, в конце восьмидесят девятого года, все стремительно менялось, и в воздухе было, знаете, ожидание огромных, невероятных перемен. Казалось, что вот-вот начнется новая жизнь и нужно жить как можно быстрее... Даже журфиксы устраивались уже не раз в две недели, а еженедельно, и мне казалось, что сестры все чаще впадают в состояние несколько нездоровой взвинченности. Одно время я наивно полагал, что причина – в событиях, происходивших в стране, однако в конце концов до меня, наивного, дошло, что все гораздо проще.

– Дело было в Антоне Соколове, так?

– Да. Думаю, исключительно в нем. Я однажды услышал, как Эльвира и Роза ссорились и в разговоре звучало его имя. И в их отношениях даже мне, человеку чужому, чувствовалось напряжение.

– Кто из сестер вам больше нравился? – неожиданно спросил Илюшин.

Валентин Ованесович сбил пепел с сигареты, который ветер сразу подхватил и рассыпал над цветочной грядкой.

– Роза, – сказал он наконец. – Она была... мягче, что ли. Сестры очень отличались по характеру: Эльвира – целеустремленная, собранная, с азартом в глазах. Роза – расслабленная, неторопливая. И обе были удивительные красавицы, из таких, от которых мужчинам сложно отвести

взгляд. Правда, Роза была несколько инфантильна, фактически – пятый ребенок при Эльвире. Они чувствовали себя как рыбы в воде в той обстановке восхищения, почитания, влюбленности, которая сложилась за время этих... журфиксов. Конец им положила та трагедия, что случилась в девяностом. Вы, наверное, знаете.

– Нет, не знаю, – отозвался Макар удивленно. – Какая трагедия?

– «Трагедия» – это я, пожалуй, громко сказал. Хотя по масштабам Тихогорска дело, конечно, получилось очень шумное и преступника искали, можно сказать, всем городом. Уровень преступности здесь очень низкий, город и сейчас спокойный, и тогда, в девяностом, был тихим. Это уж после началось... криминальные стычки, дележ собственности...

– Кого-то убили в девяностом году? – догадался Илюшин и покосился на Корзуна, опасаясь, что тот ударится в воспоминания о «бандитских девяностых».

– Бориса Юрьевича, – вздохнул Валентин Ованесович. – Чудинова, терапевта.

– Друга Соколова?

– Его самого. Про убийство я вам напрасно сказал, потому что так и не смогли узнать, случайно ли его та машина сбила или специально... Я думаю, что первое, потому как помню Борю и уверен: врагов у него быть не могло. Тогда, в самом начале девяностого года, мне исполнилось тридцать два, и с Борькой мы оказались ровесниками. Он нравился мне больше остальных. В нем, знаете ли, была какая-то внутренняя чистота и прямота, и человек он был, безусловно, порядочный. Он тоже, похоже, мне симпатизировал... К тому же мы оба сошлись на почве любви к рыбалке. Правда, разговоры наши имели характер чисто теоретический, но в любом случае приятно встретить единомышленника, согласитесь! И когда вечером третьего февраля нашли тело...

Корзун замолчал, старательно вмял окурок в жестяную банку, пристроенную возле ножки скамейки.

– Метель страшная мела в том феврале, – сказал он наконец. – Весь февраль. Конечно, все следы занесло.

* * *

Метель в феврале только наступившего тысяча девятьсот девяностого года мела страшная, начиная с самого первого числа, а точнее – с ночи тридцать первого января. Снегоуборочная техника работала не переставая,

и все равно к вечеру дороги утопали в снегу. Люди старались не выходить из квартир без серьезной надобности: под снегом подстерегал гололед, зима свирепела с каждым днем, бесилась, дико выла за стенами, обрушивала колючий снег на прохожих. Вслед за метелью ударил холод, державшийся сутки, а затем снова потеплело и завьюжило. Протекавшая через Тихогорск узкая река Суряжина из-за своего бурного течения не замерзала – сизая вода ее мелькала среди сугробов, возвышавшихся по берегам.

Неподалеку от дома Шестаковых был спуск к Суряжине – там выходил из земли родник, из которого местные жители брали воду. Городская администрация, несмотря на просьбы горожан, все никак не могла благоустроить площадку перед родником, и вода стекала на землю. В результате в сильные холода снег и расчищенная земля схватывались льдом, спускаться на который рисковали немногие – жутковатая Суряжина облизывала замерзший берег в десяти шагах от трубы родника, и упасть в нее никому не хотелось.

Днем третьего февраля по городу разнеслась страшная новость: Татьяна Любашина покончила с собой – утопилась в речке, как раз под родником. Ужаснее всего было не то, что утопилась – это как раз знающих людей не удивило, потому что характер у Таньки-шалавы был дикий, неуравновешенный, – а то, что оставила она после себя трехмесячную Сонечку. Правда, быстро разобрались, что в Анненске живет двоюродная сестра Таньки с мужем, и девочку отдали ей.

Дом Шестаковых притих после этого известия, потому что утопившаяся последние три года занимала комнаты на первом этаже – те самые, в которых когда-то жил учитель биологии.

Не везло сестрам Шестаковым с жильцами этой квартиры: сначала завистливый ехидный учитель, затем Татьяна... Пожалуй, доведись сестрам выбирать нижнего соседа, они бы остановились на учителе, а не на дворничихе Таньке, но выбирать им не дали.

По утрам Любашина мела улицы, а вечером строчила на старой швейной машинке, и даже была у нее кой-какая клиентура – из тех дамочек, которых не останавливала от общения с Танькой ее репутация. А репутация, надо сказать, была паршивая, потому что поведение Любашиной многие называли легкомысленным, а некоторые говорили прямо: развратная она девка, Танька из шестаковского дома.

Тощая, с выпирающими коленками, в бесстыже обтягивающем коротком полудетском платье, Танька казалась болезненной. Смотрела на всех странно – искоса, тревожными глазами, словно то ли боялась, что

ударят, то ли примерялась ударить сама. К понравившимся мужчинам подходила запросто, не разбирая, женат или нет, и уводила к себе в комнатку, не скрываясь, причем избранник обычно шел за Любашиной как заговоренный – было в ней что-то такое, что притягивало мужиков. Глаза удлиненные, приподнятые к вискам, бледная кожа и скулы проваленные, как у туберкулезной больной. Только губы у Любашиной были пухлые, но вечно искушенные и шелушащиеся.

Как-то раз на Таньку напала жена одного из «уведенных» с криком: «Я тебя без волос оставлю». Но тощая Любашина дала ей такой отпор, что несчастной супруге пришлось с позором бежать со двора. Танька в ярости еще и камнями вслед ей швырялась, к восторгу собравшихся детей.

Конечно, все это не могло нравиться сестрам Шестаковым.

Роза возмущенно нашептывала сестре, что нижняя соседка подает дурной пример детям своим поведением, но Эльвира, несмотря на антипатию к Таньке-шалаве, признавала, что с детьми та мягка, почти нежна, никогда при них не матерится и не эпатирует публику. Даже Элю, вечно надоедавшую со своими детскими выдумками, Любашина не прогоняла, а выслушивала и что-то ей рассказывала.

Принесла Любашина разве что не в подоле – носила ребенка так, что до седьмого месяца никто не знал, что она беременная. А потом вдруг, буквально за несколько дней, раздулась, стала как пузатая лодка и через два месяца родила. От кого – никто не знал, да особенно и не интересовались: пойдя там сообрази, с Танькиной-то неразборчивостью в связях. Хорошо еще, что ребенок родился здоровый – Танька быстро пихнула его в ясли, когда подошел срок, и снова вышла на работу.

Но после родов она изменилась: стала притихшая и смиренная, на глаза Шестаковым и их друзьям попадалась редко, по вечерам сидела безвылазно в своей комнате. Только тревожность в глазах осталась и скулы запали еще больше. Эльвира как-то, пожалев ее, спустилась к двери Любашиной и, постучав, предложила пирог собственного приготовления, но Танька высунулась на минуту, нагрубилась Эльвире и захлопнула дверь перед ее носом. Не нужна была ей ничья жалость.

Смерть Любашиной непременно стала бы в городе основной темой для пересудов, но случившаяся в тот же вечер трагедия ее затмила. Две смерти подряд в один день – такого в спокойном Тихогорске не помнили.

Вечером в милицию позвонили – возле подворотни нашли тело сбитого насмерть человека. Им оказался Борис Юрьевич Чудинов, терапевт местной больницы. Все следы замела метель, и не нашлось ни одного прохожего, который мог бы рассказать, кто же ехал по улице Галкина в тот

страшный вечер третьего февраля.

Несчастный, ошеломленный произошедшим, Антон Соколов рассказал, что они с Чудиновым весь день провели в больнице, а вечером отправились домой пешком – оба жили в одном районе. На полпути Антон вспомнил, что хотел зайти к Шестаковым, и повернул в другую сторону. Придя к Эльвире и Розе, он от них и узнал о самоубийстве Любашиной, а спустя несколько часов Соколову сообщили, что друг его мертв.

Убийцу, вольного или невольного, так и не нашли. Не оказалось никого, кто мог быть заинтересован в смерти тихого терапевта. Следователь пытался давить на Соколова, предполагая у того тайные мотивы, но обвинение было смехотворным: у Антона Павловича не имелось машины, не говоря уже о причинах желать смерти другу. Не нашлось и пациентов, недовольных лечением доктора Чудинова настолько, чтобы убить его. В конце концов остановились на том, что имела место трагическая случайность и убийца скрылся. Судя по силе удара, на капоте машины должны были остаться следы, и в городе следующие несколько недель останавливали и внимательно осматривали машины, ища на них повреждения, но безрезультатно.

Горе Антона Соколова было неподдельным. После смерти друга он сильно похудел, глаза у него запали, и на работе он появлялся в таком состоянии, что в конце концов главврач отправил его на неделю в отпуск. Кто-то цинично поговаривал, что сейчас-то его, горюющего, и приберет к рукам одна из сестер Шестаковых, но этого не случилось.

Из отпуска Соколов на работу не вернулся. Коллегам он признался, что не может каждое утро приходиться в больницу и понимать, что Боря больше здесь никогда не появится. И не может возвращаться домой той же дорогой, на которой погиб Чудинов. Как ни убеждали Антона Павловича, что его вины в случившемся нет, ничего не помогало. Подавленный, разбитый, Соколов оставил работу, а вскоре и вовсе уехал из Тихогорска в соседний Анненск, где его в конце концов взяли оперировать в областную больницу.

– Вот так и прекратились журфиксы у Шестаковых, – закончил Корзун. – А вскоре наступило такое время, что всем стало не до журфиксов – выжить бы. Тогда-то Эльвира и открыла «частный постоялый двор». К тому времени весь дом уже принадлежал ее семье, и Эльвира Леоновна как-то в порыве откровенности призналась, что ей стоило больших трудов добиться того, чтобы все комнаты перешли им. Но городок небольшой, Эльвира всех знала, и помогли ей те же чиновники, что работали когда-то с ее мужем. Без взяток, думаю, дело не обошлось... Правда, когда у нас

обходилось без взяток?

– А что случилось с семьей Шестаковых?

– Детей вы видели – выросли, работают... Эльвира так и не вышла замуж. Да и Роза тоже. С отъездом Соколова обе погрустнели, притихли, и вскоре Роза решила эмигрировать из страны. В девяносто первом она уехала в Израиль, и Эльвира осталась одна с четырьмя детьми в своем огромном доме. Никак не может расстаться с ним... с домом то есть. Я слышал краем уха, будто кто-то из наследников тех, кто раньше жил в шестаковском доме, собирался подать на Эльвиру в суд и отсудить часть своей жилплощади – ведь любому известно, что комнаты перешли в собственность Шестаковой не совсем законно, – но Эльвира откупила от него. А может, и не откупила, а договорилась по-доброму...

Валентин Ованесович откашлялся, привстал и бережно поправил нарцисс, почти сломанный порывом ветра. Макар с интересом наблюдал, как он прижимает широкой темной ладонью землю, комьями осевшую с края клумбы, утрамбовывает ее, отряхивает листья растения.

– Есть у нас в городке крупный бизнесмен из приезжих – Роман Давыдович, – продолжил Корзун, возвращаясь на скамейку и отряхивая руки. – Злой, как цепной пес... Фамилия у него – Парамонов. Вздумал он купить у Эльвиры дом и, говорят, очень хорошие деньги за него предлагал – втемяшилось Ромке в голову сделать из него родовой особняк, в котором будут его дети и внуки расти, и чтобы была у этого особняка какая-никакая история. Проще было бы построить новый дом, но у нового какая история? Правильно, никакой. Только Эльвира Парамонову отказала. Уж он и давил на нее, и уговаривал, но с места ее не сдвинул. Хотя справляться с такой площадью, думаю, ей нелегко. Долгое время у Эльвиры работала нанятая женщина (кажется, их было двое, сменявших друг друга), а затем подросли дети, Эля стала помощницей по дому, и теперь они справляются своими силами.

– Про отъезд Розы вы как-то скомканно рассказали, – заметил Илюшин.

– А я о нем ничего и не знаю, – развел руками Корзун, оправдываясь. – Меня тогда в городе не было. Уезжал – жила по соседству красавица Роза Шестакова, приехал – нет красавицы! Где, спрашиваю? Уехала в Израиль – вот и весь разговор. Я, признаюсь, удивился – никогда не думал, что можно так быстро взять и уехать. Потом подумал и понял, что не за один день все это делалось и не за один месяц... А то, что я ничего не знал, – так ведь я им не сват, не брат и не жених.

– А хотели бы?

– Что – хотел бы?

– Хотели быть женихом? – совершенно серьезно спросил Илюшин.

Корзун покосился на него и усмехнулся.

– Экой ты, парень, любопытный. Ну, раз уж я сам разговор завел, то скажу тебе: нет, не хотел бы. Бабы они красивые, но не в моем вкусе. Правда, я всегда ими восхищался, особенно Эльвирой – четверых детей родила, а не расплозлась, фигуру не потеряла. Порода такая!

Хозяин положил руку на скамью, и Макар обратил внимание, что у него утонченные ровные пальцы, длинные, как у пианиста.

– Вы музыкант? – заинтересованно спросил он, кивая на ладонь Валентина.

Тот бросил взгляд на руку, отрицательно покачал головой.

– Нет, не музыкант. Впрочем, раньше у меня и в самом деле была довольно интересная профессия, которую можно смело назвать творческой, но об этом как-нибудь в другой раз. Я давно уже на пенсии, и вся моя жизнь – это дом и сад.

Он встал, и Макар понял, что пора прощаться.

– А на старика Афанасьева вы не сердитесь, – посоветовал Валентин Ованесович, провожая его до калитки. – Просто очень уж он нашу Эльвиру не любит, прямо трясет его всего, когда слышит о ней. Так-то он человек хороший. Даст бог – познакомитесь, он вам про жизнь свою расскажет. И вот еще что...

Он остановился, наполовину вытащил из пачки очередную сигарету, но, поколебавшись, вбил ее обратно.

– Эльвире-то не говорите, что мы с вами беседовали. В Антошу Соколова она была не на шутку влюблена, и вспоминать о том времени ей, должно быть, неприятно. Человек она мягкий, расстраивается легко... Не хочу ее обижать. Да и чтобы она на меня обижалась не хочу, по совести говоря.

– Мягкий? – переспросил Илюшин. – Подождите, вы же говорили, что Эльвира – собранная и жесткая. Или не так?

– Говорил... Так это раньше было. Возраст – он всех меняет, вы еще на себе это прочувствуете.

Корзун подмигнул Макару и ушел в дом.

Около семи вечера Ксения закончила писать письмо в бельгийский питомник мэйн-кунов, отправила его и облегченно откинулась на спинку стула, поглаживая Гэндальфа по гладкой голове. Расцветки кот был редкой: черный, с серой маской на морде и серебристой манишкой. Письмо

касалось именно его: Ксения Ильинична благодарила хозяйку питомника за то, что та год назад согласилась продать ей кота, и посылала фотографии Гэндальфа, превратившегося из худого котенка с непропорционально длинными лапами в мощное красивое животное с хорошей посадкой головы и характерным для породы «суровым» выражением лица.

У кошек, конечно же, были именно лица, а не морды – Ксения никогда не сомневалась в этом. Кошачьи лица могли быть умными или не очень, добрыми или злыми, хитрыми и проказливыми, но почти всегда они были красивыми, если только не попадалась какая-нибудь особенно пакостная кошка, избалованная хозяевами. На таких животных страстная любовь Ксении Ильиничны не распространялась.

Вернувшись из Анненска в родной Тихогорск, Пестова знала точно: больше она не хочет работать в больнице. Небольшие накопления позволяли ей протянуть без работы около полугода, а родители двумя руками поддержали ее решение вернуться к ним: бывший Ксенин муж им не нравился, и без дочери они скучали.

Ксения потихоньку начала искать работу, сама не зная, чем же она сможет заниматься в Тихогорске. Определила род ее новой деятельности чистая случайность: состоятельная подруга попросила Пестову съездить за компанию в Москву – там она из чистой прихоти купила котенка редкой и дорогой породы, выбрав его по Интернету и списавшись с хозяйкой. Ксения согласилась и двумя днями позднее уже входила в большую квартиру на окраине Москвы, где на стульях, креслах, шкафах и диванах сидели коты и кошки – крупные, длинные, с широкими лапами и высоко поставленными ушами, заканчивающимися рысьими кисточками.

В первые несколько минут Ксения потеряла дар речи от такого количества кошек – и каких! Пока подруга разговаривала с хозяйкой и рассматривала котенка, она уселась на полу и следующие двадцать минут провела среди любопытных кошачьих лиц, длинных и умных, тихого мелодичного мурлыканья, осторожных прикосновений, выгнутых пушистых спин... Рыжий кот снисходительно наблюдал за ней со шкафа, щуря раскосые глаза, а кошки и подростки котят ходили вокруг ошеломленной и восхищенной Ксении, знакомились с ней, наперебой разговаривали, перебивая друг друга, и из их мурлыканья складывался удивительный кошачий разговор.

– Мря? – спрашивала дымчатая кошка с раскосыми серыми глазами.

– Мря! – соглашалась другая, полосатая, с короткими белыми усиками, смешными пучками торчавшими из бархатных щек.

– Мырр-р! – возражали со спинки дивана. – Пр-пр-бырр!

– Оуяу-йяу! – подавал высокий голос долго молчавший черный кот, не в силах больше слушать всеобщее пустословие. – Миу!

Из медитативной погруженности в кошачье общение Ксеню вывел голос подруги.

– Уезжаем, – рассерженно сказала она, не обращая внимания на обращенные к ней «рысьи» морды. – Пустая получилась поездка. Прости, что тебя вытащила.

– В чем дело?

– Не нравится мне этот котенок. Он у нее, – подруга кивнула в сторону хозяйки, – чем-то переболел, оказывается. И до сих пор еще не выздоровел. Что я, дура – тысячу евро платить за больное животное, которое у нас в поезде сдохнет?

Ксения еле оторвалась от созерцания котов и подошла к немолодой женщине, у которой на руках сидел худой черный котенок с заостренной мордочкой.

– У вас замечательные кошки, – искренне сказала она. – Очень приятно было с ними пообщаться.

– Замечательные, да, – кивнула та, ничуть не расстроенная отказом покупательницы. – И этот будет замечательный. Зря ваша подруга от него отказалась. Просто у него реакция на прививку, это скоро пройдет.

Котенок уставился на Ксению, и она увидела, что глаза у него ярко-желтые, как сердцевина ромашки. Над глазами котенка ежиными иглами торчали черные шерстинки, широкий бархатный нос поблескивал, словно смазанный вазелином.

– Как его зовут? – спросила Ксения, разглядывая зверька.

– Он пока без имени. Если возьмете – сами придумаете, как его назвать.

Девушка подумала, что она еще не настолько сошла с ума, чтобы отдавать за кота тысячу евро, в то время как в любой подворотне этих котят можно набрать бесплатно два мешка. Но хозяйка довольно бесцеремонно сунула ей котенка, и Ксения осторожно взяла его в руки.

Он был ужасно длинный, как трамвай, и казалось, что лап у него не четыре, а восемь – они торчали враспырку, и держать котенка было очень неудобно. Ксения провела пальцем по загривку, и звереныш немедленно откликнулся – он не замурлыкал, а запел, тоненько и нежно. Она провела еще раз – и маленький кот на ее руках блаженно зажмурил желтые глаза и даже задние лапы вытянул от удовольствия, подрагивая ими, отчего стал похож на черного длинноногого кролика. Он распевался, уткнувшись мордой ей в руку, и она ощущала, что нос его такой же мокрый и сопливый, как

шляпка молодого масленка.

– Ах ты кот... – шепотом сказала Ксения, почесывая поблескивающую спинку носа.

– Пр-р-р-р-р, – согласился котенок и вдруг добавил совершенно по-человечески, с вопросительной интонацией: – Ау-мр?

– Что – «ау-мр»? – повторила Ксения, рассмеявшись.

И тогда он разразился серией звуков, больше похожих на птичье щебетанье, чем на кошачье мурлыканье. Он пел серенаду кошачьей нежности, песню о двери в лето и о любящих хозяевах, о которых приличный кот всегда позаботится. Затем открыл глаза, поднял черную усатую морду к Ксене и вопросительно уставился на нее.

– Вика, – осторожно позвала она подругу, ужасаясь собственному решению. – Вика, у меня к тебе разговор...

Когда Ксения Ильинична, вернувшись домой, осторожно выгрузила свое приобретение и рассказала родителям о породе, ее отец, услышав, сколько дочь заняла у подруги, присвистнул и бесцеремонно подтащил к себе котенка.

– Ты с ума сошла, что ли? – возмущенно спросил он, разглядывая тархтящего кота. – Мать, она свихнулась!

– Быстрее работу найдет, – невозмутимо отозвалась та, довязывая рукав свитера. – Деньги-то отдавать надо...

– Мам, – собравшись с духом, сказала Ксения, – я хотела у вас с папой еще столько же взять в долг. На второго такого же.

Так она занялась разведением мэйн-кунов. С первым котом – самым любимым, названным ею Люцифером, Ксене невероятно повезло: из непропорционального котенка вырос прекрасный зверь, занимавший призовые места на выставках, куда Ксения Ильинична регулярно его возила. Кот был смел, благороден и ласков и быстро стал любимцем всей семьи. После того как через невысокий забор на участок Пестовых перемахнул ротвейлер и чуть не загрыз Люцифера, Ксенин отец смастерил вольер. Теперь кот не мог участвовать в выставках, но Ксения любила его ничуть не меньше и корила себя за то, что не защитила своего зверя.

Попытка купить второго кота в русских питомниках не увенчалась успехом: честная Ксения говорила, что кот нужен ей для разведения, и хозяева немедленно отказывались вести переговоры.

– Ксюша, а что ты хочешь? – сказала ей по телефону хозяйка того самого питомника, в котором она купила Люцифера. – Они не хотят плодить конкурентов. И я их понимаю! Я тоже продаю котов с условием,

что новый хозяин их кастрирует.

– А как же ты мне продала Лютика?

– Ну, сглупила, – неохотно призналась женщина. – Да кто ж знал, что он такой красавец вырастет! Думала, обычный средний кот, у него и фенотип-то не очень хороший...

Она вздохнула, вспомнив, как на последней выставке Люцифер взял первое место, обогнав ее собственного мэйн-куна. Надо же, Тихогорск! Да кто знает о том Тихогорске?!

Поняв, что от русских производителей можно получить кота только обманом, Ксения поехала в Бельгию – смотреть местных кошек. Но до этого она узнала о мэйн-кунах все, что только можно было узнать в теории. Она научилась разбираться в окрасах: акромеланические, агути, тэбби, шиншиллы, черепаховые, «камео» и «дымы»; знала, чем отличается экстремальный тип от классического и почему «восточнобережные» американские кошки имеют не такой костяк, как «западнобережные»; выучила наизусть первые признаки заболеваний животных и нашла в Тихогорске ветеринара-энтузиаста, готового с ней работать. Она перелопатила Интернет в поисках интересных форумов, узнала, в каких направлениях ведется селекционная работа, с какими трудностями ей предстоит столкнуться, готовилась показывать фотографии своего дома, где кошкам будет так хорошо житься... Она была энергична, полна сил и идей, и отец с матерью, увлеченные ее энтузиазмом, помогали ей обустроить дом, придумывая кошачьи гамаки и сооружая домики для кошек.

Ксенины старания увенчались успехом, и восемь месяцев спустя она получила первый помет в своем питомнике: шесть здоровеньких крепеньких котят – все, как один, полосатые, в маму.

Однако Ксения плохо просчитала финансовую сторону вопроса. Когда она продала котят, выяснилось, что полученная сумма, если из нее вычесть затраты Ксении на корм, поездки, лечение и рекламу питомника, довольно невелика. Сидеть на шее у родителей девушка не собиралась и потому встала перед выбором.

Первая возможность заключалась в том, чтобы превратить питомник в конвейер мэйн-кунов, заполнив его котами и кошками, постоянно приносящими котят. В этом случае питомник не просто окупал бы себя, но и приносил бы очень неплохой доход. В среде заводчиков такие хозяева презрительно назывались «разведенцами», и отношение к ним было соответствующим – разведенцы интересовались не породой, а лишь собственной прибылью, скрещивая между собой любых мэйн-кунов и не заботясь о судьбе котят.

Вторая возможность, стоявшая перед Ксенией, была очевидна: продолжать заниматься мэйн-кунами для души, но одновременно – и в этом заключалась главная сложность – найти род деятельности, который позволил бы зарабатывать.

Первый путь девушка отвергла не раздумывая: она искренне любила животных и не собиралась делать на них деньги. И стоило ей принять такое решение, как вдруг неожиданно легко решился вопрос с деятельностью, приносящей доход: в медицинскую фирму, оказывающую пациентам услуги на дому, потребовался массажист, и кто-то из знакомых порекомендовал Ксению – у нее было медицинское образование и опыт, а также свободное время и желание работать. Несколько месяцев спустя фирма приказала долго жить, но за это время у Ксении Ильиничны появились свои клиенты. Теперь по понедельникам она составляла график поездок на неделю, работала с удовольствием и подумывала о том, чтобы освоить в дополнение к взрослому и детский массаж.

Гэндальф, забывшись, выпустил когти, и Ксения шикнула на него. Кот тут же фыркнул и спрыгнул с коленей, убежал в другую комнату. Она осталась одна, глядя в окно, за которым синели сумерки.

Родители возвращались с работы поздно, и обычно Ксения наслаждалась этими вечерними часами, проведенными в одиночестве. Она старалась составить график так, чтобы выезжать с утра и возвращаться не позже пяти, и радовалась, когда у нее это получалось. Когда Ксения смотрела из окна, как незаметно расплываются в сумерках очертания изгороди, засаженной кустами малины, ее охватывало тихое умиротворение и вся жизнь в Анненске с больницей и бывшим мужем казалась ушедшей далеко в прошлое, хотя с момента ее возвращения прошло не так много времени. «Все это ушло и никогда не вернется. Я не позволю этому вернуться».

Но сегодня она не испытывала привычного удовольствия человека, который может позволить себе петь во весь голос без опасения, что от его пения окружающие станут затыкать уши. Смеркалось очень быстро, и отчего-то у нее возникло желание отойти от окна, а еще лучше – закрыть его ставнями.

Ставней на окнах не было. Запев, чтобы прогнать неприятное ощущение, Ксения встала, зажгла лампу и начала разбирать бумаги на столе, но быстро замолчала: ей показалось, что она похожа на рыбку в аквариуме, за которой снаружи наблюдают безмолвные существа, шевелящие губами. Пожав плечами, Ксения задернула занавески и только тогда обратила внимание на то, что ни одного мэйн-куна не видно.

Ее коты и кошки редко оставляли хозяйку одну: они любили сидеть рядом, смотреть, что она делает, просовывая любопытные морды ей под руку в самый неподходящий момент, певуче комментируя ее действия... Сейчас же в комнате было тихо.

– Гэндалф! – крикнула Ксения, ожидая услышать в ответ мурлыканье.

Но никто не отозвался.

– Вилка-Вилка-Вилка! Виолетта!

Никто не пробежал по ковру, топоча четыремя полосатыми лапками в белых носках.

Ксения насторожилась. Тяжелое, странное ощущение сгущалось, и казалось, что за окном стоит не майский вечер, а ночная зимняя чернота – стылая, страшная, откашливающаяся хриплым простуженным ветром. Возле лампы мельтешило какое-то полупрозрачное насекомое с длинными ломкими ногами и выпуклыми фасеточными глазами, и Ксения вдруг почувствовала отвращение. Она быстро подошла к окну, распахнула створки и махнула на насекомое рукой, как на кошку.

– Брысь!

Насекомое заметалось по комнате и в конце концов затаилось где-то за шкафом. Ксения представила, как оно смотрит на нее оттуда своими бледно-зелеными прозрачными глазами, и ей стало противно.

«Но где же кошки?»

Выключив свет, она вышла из комнаты и пошла по коридору, отчего-то стараясь ступать тихо. В спальню родителей она заглянула лишь на секунду – кошки редко заходили сюда, предпочитая кухню, Ксенину комнату и гостиную: в спальне сильно пахло духами матери и ароматическими свечами с отдушкой апельсина, а звери его не переносили.

– Кис-кис-кис, – шепотом позвала Ксения, нащупывая на стене выключатель, потому что темнота накрыла дом, словно сачком.

И вдруг увидела Люцифера.

Точнее, сначала она увидела два фосфоресцирующих зеленоватых огонька в конце коридора. И лишь затем – силуэт зверя, сидевшего в сумерках перед дверью в чулан.

– Лютик, где ты был? – негромко спросила Ксения, подходя ближе.

В ответ кот повернулся к ней, открыл пасть и зашипел.

От удивления Ксения замерла. Кот *не мог* на нее шипеть. Люцифер ее обожал, готов был таскаться за ней по всему дому, терпел любые процедуры, если их проводила хозяйка... Но сейчас он шипел, и глаза его, казавшиеся в темноте зелеными, горели злобой и яростью.

Присмотревшись, она увидела, что шерсть на его затылке стоит

дыбом, и перевела взгляд на дверь чулана. Ксения помнила, что закрывала ее, когда в последний раз заходила за наполнителем для кошачьих лотков. Сейчас дверь была приоткрыта, и в щели что-то белело.

Быстро и бесшумно, как только могла, Ксения метнулась на кухню, дрожащей рукой открыла ящик и схватила длинный тесак, которым отец разделявал мясо. Обхватив покрепче деревянную ручку, она вернулась обратно – к Люциферу, сторожившему возле двери.

– Отойди, – шепотом приказала она. – Лютик, отойди!

Люцифер встал, но никуда не пошел, а остался стоять на месте, выгнув спину и вздыбив шерсть. В эту секунду он был страшен – огромный черный кот, изуродованный ротвейлером, ощеривший пасть, как собака. Ксения коротко глянула на него, затем включила свет в коридоре, одновременно ударив ногой по двери в чулан.

Дверь стукнулась о стену, прямоугольник света упал на пол, и Ксения выставила перед собой нож, защищаясь. Однако на нее никто не напал.

Чулан оказался пуст. Пирамида из банок с кошачьим кормом, стоявшая у стены, развалилась, и весь пол был усыпан банками и коробками. На одном крючке висела сорванная шторка, прикрывавшая полки...

И качалась створка распахнутого окна, ведущего в сад.

Вернувшись вечером из санатория, Илюшин зашел в столовую и обнаружил, что в ней никого нет. Подумав, он решил, что вполне может сам разогреть себе еду, тем более что еще утром хозяйка любезно сообщила ему, что на ужин его ждет рыба. Сковородка, как и ожидал Макар, обнаружилась в холодильнике, а на ней – три ровных куска розовой горбуши, возле которых горкой лежали разноцветные кубики тушеных овощей.

Илюшин поужинал без особого аппетита, отметив, что в доме стоит удивительная тишина. За приоткрытым окном, затянутым тонкой белой сеткой, разговаривал теплый майский вечер: шелестел зеленеющими ветвями, чирикал воробьиными голосами в палисаднике, гавкал бодрим собачьим лаем на проезжающую по дороге машину... Май приникал к сетке и дышал сквозь нее нежным весенним дыханием, пытаясь согреть дом и живущих в нем. В комнату же доносились лишь отголоски радостного гомона, словно белая сетка была защитой не от комаров и мух, а от звуков, которые могли нарушить дремоту дома.

Впрочем, дремота была притворной. Макару казалось, что за ним все время наблюдают – незаметно, вполглаза. Сняв сковородку с плиты, он даже обернулся к окну, но, как и ожидалось, никого там не увидел. В

истории с привидениями Илюшин не верил и потому, задумчиво жуя рыбу, пытался найти убедительное объяснение происходящему в доме. Ничего не придумав, он решил, что нужно сегодня же подняться на чердак – посмотреть, куда могла скрыться женщина, которую видела Заря Ростиславовна.

Заварив чай, Макар обнаружил, что ложечки для сахара на сушилке нет, и выдвинул ближайший к мойке ящик, в котором лежали бледно-голубые и зеленые салфетки. В следующем ящике Илюшин увидел все столовые приборы, кроме чайных ложечек. Усмехнувшись, он открыл третий, но сразу понял, что и здесь нет того, что ему нужно: в ящик свалили консервные ножи, крышки от баночек, две скалки для теста, рулоны прозрачных пакетов... Он уже собирался задвинуть ящик, как вдруг увидел между скалкой и консервным ножом серебристый край рамки от фотографии.

Макар немедленно вытащил фотографию и поднес к свету снимок, на котором две сестры Шестаковы кокетливо улыбались фотографу, прильнув друг к другу, как на старых открытках. Сходство с дореволюционными открытками усугублялось искусственным состариванием черно-белого снимка и еще тем, что на обеих девушках были надеты длинные несовременные платья, очень им шедшие. Белокурые локоны выются, в широко распахнутых глазах – смех и лукавство, а линии прекрасных губ очерчены так, словно снимок ретушировали.

– Занятно... – протянул Илюшин, ощущая себя человеком, узнавшим давно известную всем новость. Но его «занятно» относилось не к ретуши, которой баловался фотограф, и не к красоте сестер.

Отчего-то никто, включая Валентина Корзуна, не сказал ему, что Роза и Эльвира Шестаковы были близнецами – похожими как две капли воды.

Глава 6

Яков Матвеевич вернулся домой со встречи с бывшими коллегами в отличном настроении, покормил уличную собаку – она прибилась к этим домам и не собиралась никуда уходить, делая вид, будто охраняет территорию от кошек, – и даже погладил ее по теплой бугристой голове, после чего собака оторвалась от миски и удивленно посмотрела на него: прежде этот сухой старый человек избегал ее трогать, а сама собака не навязывалась.

– Ешь, дура, – строго приказал Яков Матвеевич. – Доедай кашу.

И ушел в дом.

Однако долго там не смог оставаться – его переполняли впечатления вечера, и Афанасьев, выключив раздражающий телевизор, молотивший всякую чепуху, вышел на крыльцо. Он даже стал что-то напевать себе под нос, вспоминая, с каким уважением встретили его коллеги, собиравшиеся раз в пять лет, как нашли ему лучшее место за столом ресторана и первый тост подняли, само собой, за встречу, второй – за то, чтобы и через пять лет собраться в таком же составе, а третий – за него, старика Афанасьева.

Сам Яков Матвеевич никогда не придавал значения тому, какое впечатление производит на людей. Жил он по простым правилам: не ври, не завидуй, не делай гадостей окружающим – в общем, живи по совести. Сам он вряд ли смог бы объяснить, что значит «жить по совести», но любой приятель Якова Матвеевича, попавший в беду, знал: на этого немногословного человека можно рассчитывать, он не подведет и не обманет.

Афанасьев был человеком семейным, потому что в его представления о правильном существовании укладывалась только жизнь с женой, детьми и внуками. Именно поэтому женился он не по любви, а «по надобности», но за годы брака так сросся с женой, что никогда и не вспоминал о причинах своей женитьбы. Для него было естественным в свое время найти пару, родить детей, вырастить их, обучить... И жену он подобрал себе под стать – тихую, спокойную, живущую «по совести»: никто другой не понимал, какое сокровище эта неприметная девушка со стеснительным взглядом, а вот он понял, разглядел. И оказался прав – матерью она стала прекрасной и детей вырастила всем на зависть.

Яков Матвеевич похоронил жену десять лет назад, старший сын переехал в другой город, но младшие сын и дочь остались в Тихогорске,

уже растили своих детей и очень радовали отца, раз в неделю привозя к нему кудрявых мальчика и девочку, очень похожих на его покойную Нину. Афанасьев мастерил с внуком корабли, внучке вытачивал детали для кукольного домика, играл с детьми в «поехали-лошадка», и те обожали деда. И сам он любил, когда внуки приезжали: раз в неделю, чаще и не нужно, иначе и им хлопоты, и ему неудобство.

Пару лет назад дочь Светлана вдруг заблажила на пустом месте: решила разводиться с мужем, объявив отцу, что не любит больше своего супруга, а потому не хочет быть с ним несчастной. Яков Матвеевич аккуратно расспросил ее и выяснил, что зять Светлану не бьет, как он опасался, не изменяет ей, а вот сама она влюбилась в нового коллегу на работе – или только собиралась влюбиться. Огорченно поцокав языком по поводу бабьей глупости, Афанасьев посадил перед собой дочь и доходчиво, как глупенькой, объяснил ей: если она вздумает сделать то, что решила, люди ее засмеют. И станет она посмешищем для всех знакомых.

Светлана тут же вскинулась, закричала: «Да о чем ты, папа, говоришь! Сейчас время другое, никого моя жизнь не касается, как хочу, так и живу»... И всякие другие глупости говорила – вроде того, что «пусть смеются, а я все равно сделаю по-своему».

Яков Матвеевич ее ерунду терпеливо выслушал, подождал, пока она успокоится, а затем сказал:

– Ты думаешь, люди стали другие? Может, и стали – спорить не буду. Но в одном они не меняются: им всегда любопытно за чужие заборы заглядывать. Ты думаешь, почему у меня палисадник низенький, а? Вот как раз поэтому – чтобы каждый, не вставая на цыпочки, мог посмотреть да и отвернуться: какой интерес подглядывать, если все тебе показали?

Светлана хотела что-то возразить, но отец не дал, погрозил ей костлявым желтым пальцем.

– Не перебивай, послушай. Тихогорск – город не очень большой, все быстро по нему разносится. Сказать, что о тебе люди будут говорить? Будут говорить, что Светка Игнатьева мужа бросила, детей оставила без отца, а все по дурасти да от неудовлетворенности. И твой сокол, что на работе, быстренько передумает с тобой романы крутить – испугается. Поверь мне: я мужицкую натуру знаю! Испугается, точно тебе говорю.

На лице Светланы отразилось колебание – Яков Матвеевич и не сомневался, что с этой стороны она свой план не обдумывала.

– Учительница в школе должна детей учить, так? – продолжал он размеренно. – Только у нее, у этой учительницы, тоже своя жизнь есть, и ей хочется сделать ее поинтереснее. Вот она и будет твоей дочери косточки

перемывать с другими такими же учительницами, на тебя с любопытством посматривать, когда ты на родительское собрание придешь: «Как, мол, вы, Светлана Яковлевна? Окрутили нового мужика или так и ходите глупой разведенкой?»»

Светлана залилась краской, сидела, не смея поднять на отца глаза.

– А захочешь вернуться к мужу, перебесившись, – веско говорил Яков Матвеевич, – так во второй раз над тобой город будет смеяться. А у тебя от этого истерики начнутся, станешь на ребенке срываться. Или ты думаешь, это так просто вытерпеть? Нет, голубушка моя, для этого такая сила характера нужна, какой ни у меня, ни у тебя нету!

– У тебя-то как раз есть, – всхлипнув, возразила дочь. – Ты, отец, против любого общественного мнения мог бы пойти!

– А зачем против него идти, скажи на милость? Ты сама подумай, Света, ведь это важно – что о тебе другие люди подумают. Учительница та же, медсестра, начальница твоя... И не слушай дураков, которые будут тебе говорить, что ты, мол, сама по себе, живи своим умом! Ты в обществе живешь, так? Не на хуторе, не в чащобе... Значит, прислушивайся к другим людям, старайся жить так, чтобы они тебя уважали, а не смотрели, как на эту... Санта-Барбару, да.

Светлана не ушла от мужа, а через полгода у них и вовсе все наладилось. Правда, этому Яков Матвеевич еще раз поспособствовал: тайком от дочери вызвал к себе зятя и побеседовал с ним по душам. И ведь никакой великой мудрости не открыл, ничего нового не сказал – все тысячу раз говорено-переговорено: жене нужно ласку и любовь показывать (женщины – они по-другому чувствуют), для нее нужно стараться дома орлом выглядеть, но в то же время жена должна знать, что главный в доме всегда мужчина... Женщина, которая главной делается, становится как бешеная кобыла: куда понесет – сама не знает. И окружающих потопчет, и сама сдуру башку о ближайшее дерево размолотит.

Вроде все ясно и учить-то тут нечему, но зять слушал внимательно – с чем-то спорил, а где-то только головой кивал – и ушел от Якова Матвеевича с совсем другими мыслями в голове. Афанасьев посмотрел потом на их семью и порадовался: и Светка ходит счастливая, о втором ребенке поговаривает, и Кирилл ее доволен.

– Пообтешутся еще друг об друга, – проговорил Афанасьев, и собака, лежавшая за забором, вскинула лобастую башку и сонно взглянула на него – не зовут ли, не предлагают ли зайти в дом.

Яков Матвеевич усмехнулся и покачал головой: нечего собаке в доме делать, место собачье – на улице. Морозы если только зимой ударят... Да

когда они были в последний раз, те морозы?

Он закурил, опустил на ступеньку. Разморенное доброе его состояние вдруг куда-то исчезло, и накатило вместо него что-то черное, гнетущее. Словно кто-то злобный сказал в ухо Афанасьеву: мол, жить тебе осталось всего ничего, да и жизнь у тебя была так себе – жалкая да бестолковая. Яков Матвеевич аж передернулся и, чтобы избавиться от наваждения, снова заставил себя вызвать в памяти встречу в ресторане. Но воспоминание пришло и схлынуло, ничего не оставив за собой, кроме вязкой тоски. «Да что ж такое-то?»

Впору было думать, будто Якова Матвеевича за одну минуту кто-то сглазил. Хоть он и не особенно верил в эти глупости, но тут другое объяснение и придумать сложно: так хорошо он себя чувствовал, так душевно, и вдруг раз – и пропало. Афанасьев посмотрел на псину и сплюнул от злости на самого себя: старый дурак, какая только ерунда в голову не придет! Нечего в себе копать – чай, не грядка. Возраст уже подошел, никуда от него не денешься – может, какая-нибудь кишка заболела, и в голове тут же отозвалось таким вот странным и неприятным образом.

Успокоив себя, Яков Матвеевич встал, бросил последний взгляд на собаку, подумав, что непременно нужно будет ее к себе взять, если доживет до зимы... И вдруг понял, от какого подсознательного воспоминания исчезла вся радость, что принес он сегодня домой.

Последняя холодная зима – такая, чтобы с настоящими холодами, с метелями и вьюгами, выстужавшими все человеческое тепло, – случилась в том проклятом, проклятом, проклятом девяностом году.

В девять вечера Илюшин осторожно выглянул из своей комнаты, оглядел коридор, внимательно прислушиваясь. Он собирался подняться на чердак, и ему вовсе не нужны были соглядатаи в лице щуплого Эдика или неторопливого Леонида, до поры до времени притворяющегося ленивым и неповоротливым. Но в доме стояла тишина. «Последнее время я только и делаю, что прислушиваюсь», – подумал он, выключил звук у телефона и медленно пошел по плохо освещенному коридору в сторону лестницы, гадая, что мешает Эльвире Леоновне вкрутить яркие лампочки. «Чертов сумрак... И сквозняки, от которых колышутся шторы, а на стенах пляшут тени... Неудивительно, что бедной Заре Ростиславовне почудилось неизвестно что».

Но зеленая штора в конце коридора не колыхалась, висела неподвижно, словно окно занавесили не тканью, а бумажной декорацией,

имитирующей материю. «Что в этом доме декоративное, а что – настоящее, не так-то просто понять. Мебель, посуда, скатерти... Люди».

За спиной Макара раздался едва уловимый звук – словно кто-то глубоко вдохнул и надолго задержал дыхание, – но стремительно обернувшийся Илюшин ничего не увидел. «Сквозняки...»

Идя по коридору вдоль закрытых комнат, Макар начал ощущать в себе ненависть к дверям – во всяком случае, к дверям этого дома. Пустота, обнаруживающаяся за ними, была обманкой, ловким фокусом иллюзиониста, дурачившего наивную публику. Илюшина не покидало чувство, что в каждой двери, мимо которой он проходит, есть невидимый ему глазок и возле каждого глазка стоят бесплотные молчаливые люди. Кто-то по-прежнему наблюдал за ним, как и в столовой, – Илюшин ощущал это спиной и затылком. Ковры, по которым так легко идти бесшумно, скрипящие лестницы, много старых предметов – очень старых, старше большинства живущих в доме. «Почему Шестакова не хочет продать дом? Неужели он и в самом деле приносит ей такой доход, что она не может с ним расстаться?»

Эти двери, не пропускающие звуки, такие одинаковые, плотно притворенные... Пустые комнаты, в которых должны останавливаться постояльцы – но не останавливаются. «Эльвира Леоновна сказала, что не сезон. В санатории оборваны все объявления о комнатах, сдающихся в городе, а Шестакова говорит – не сезон. Почему здесь никто не поселился, кроме меня?»

Когда-то здесь жили люди... много людей. Семья военного, учитель биологии, несчастная гулящая девица с первого этажа, ее грудная дочь, два старика, ставшие еще при жизни невидимыми, как призраки. «От них не осталось почти никаких предметов. Разве так бывает – чтобы после двух стариков не осталось почти ничего?»

Против воли в голову Макара приходили странные, не свойственные ему мысли и впечатления: он живо представлял себе учителя биологии – сухого, с бородавкой под носом, ненавидевшего скользкого и почти всемогущего мужа Эльвиры Леоновны. «Почему она не вышла замуж второй раз? Неужели так сильно любила того хирурга, Соколова?» Макар представил, как веселились на втором этаже по субботам, как ставили музыку и, может быть, целовались по углам, как играли в фанты и два человека старательно делали вид, что веселятся ради самого веселья, а не потому, что отчаянно пытаются устроить свою судьбу. Впрочем, только ли два?

Терапевт Борис Чудинов, сбитый насмерть в феврале девяностого

года, – чего он ждал от этих встреч? В кого из двух сестер он был влюблен? Что они обсуждали с веселым красивым Антошей, возвращаясь домой, слегка подвыпившие, переполненные впечатлениями вечера? Тихогорск – такой скучный город, а Эльвира и Роза наверняка были обаятельны и интересны... Но у одной сестры четверо детей, а другая совершенно свободна и также прекрасна. «Почему же Роза уехала?»

Ступеньки негромко поскрипывали под его ногами, пока Макар поднимался по лестнице, и добравшись до верха, он обернулся – посмотреть, не вышел ли кто-нибудь на звук. Но внизу было тихо.

Вокруг Илюшина сгустился полумрак – на этом этаже не было окон и не горел свет. Маленькая квадратная площадка, короткая лесенка в пять ступенек – и последняя дверь, ведущая на чердак: обычная дверь, деревянная, крашенная темно-зеленой краской, облупившейся возле ручки. И ручка была самая что ни на есть обычная: тусклая, металлическая, а под ней – замочная скважина.

Илюшин постоял, прислушиваясь, но за дверью было тихо. Тогда он еще раз обернулся назад, проверяя, не крадется ли кто-нибудь за ним по лестнице. Подумал: «Обидно будет выяснить, что дверь заперли после визита Зари Ростиславовны», повернул ручку вниз и толкнул.

По всем правилам дверь должна была открыться со скрипом, и Макар приготовился услышать противный звук. Но створка открылась бесшумно, и он, усмехнувшись, шагнул внутрь.

Чердак оказался огромным. В двух окошках, расположенных почти в центре крыши, виднелось вечернее небо. Только намек на остатки света, будто сохранившегося от проникавшего сюда дневного солнца, таился по углам этого пустого помещения с очень низким скошенным потолком. Впрочем, это был не потолок, а крыша.

На стене можно было различить провода, и Макар вспомнил, как Заря Ростиславовна сказала: «Я нашла выключатель». Он пошел по чердаку, ведя рукой по дощатой поверхности, и вскоре нащупал его – как раз на высоте своего роста. На соседней стене глухо щелкнул и зажегся светильник, и Илюшин смог как следует рассмотреть окружавшее его пространство.

Многие годы сюда притаскивали ненужную мебель, разнообразный хлам, и он копился, зарастал пылью и грязью, пока хозяева дома не решили навести здесь порядок и не расставили мебель вдоль стен, а хлам не сложили в коробки. Теперь коробки громоздились друг на друге, почти доставая до крыши, а табуретки, стулья и разобранные столы прятались за ними. Макар прошел мимо этого склада и вдохнул запах пыли, древнего

картона и тот особенный аромат забытых вещей, который накапливается рано или поздно в любом старом доме.

Над головой Илюшина ходила по крыше какая-то птица, внизу уныло лаял пес. Под окошками в крыше вилась мошкара, напрасно пытавшаяся выбраться наружу через грязное, в разводах, маленькое стекло. В углу стоял стул, на котором комом лежало какое-то тряпье, и Макар подошел поближе, осторожно взял в руки тряпку, оказавшую женским платьем – длинным серым женским платьем в мелкий розовый цветочек. Затем Макар сделал то, что, случись кому-нибудь наблюдать за ним, показалось бы наблюдателю несколько странным: приложил платье к себе и посмотрел вниз, оценивая его длину.

– Чего-то в таком роде.... – начал он вполголоса, но тут же замолчал, настороженный каким-то звуком. Свет мигнул и погас, и в ту же секунду над окошками пронеслась тень как будто крупной птицы.

Бросив платье на стул, Илюшин, крадучись в темноте, добрался до выключателя и пощелкал тумблером. Свет не горел. Тогда он, повинаясь чутью, подошел к двери, приоткрыл ее – и успел увидеть на тускло освещенной лестнице высокую фигуру в белом, заворачивающую в коридор.

Одним прыжком Макар перепрыгнул пять ступенек и скатился кубарем на свой этаж, приготовившись схватить того, кто стоял за дверью, пока он ходил по чердаку. Но рассерженно выругался про себя – фигура в белом исчезла. Перед Илюшиным было восемь закрытых дверей, и ему снова показалось, что в какой-то из них – если не в каждой – спрятан глазок.

«Нет, дамы и господа, больше я шутить с вами не буду». Разозленный Макар подошел к ближней двери и подергал ее. Как и ожидалось, она оказалась заперта. Следующая тоже. За третьей была комната Эли, и секунду Макар колебался, а затем, как будто его кто-то позвал, медленно обернулся назад, посмотрел в конец коридора, где была комната, откуда ночью доносился плач.

Ему показалось, что дом вокруг него насторожился и все бесплотные тени, прятавшиеся за зелеными дверями, испуганно приникли к своим глазкам. Стало удивительно тихо, и только снизу, из столовой, доносился голос Эльвиры Леоновны и все так же лаял пес на улице.

Макар вернулся в конец коридора и испытал подобие дежавю – он уже стоял перед этой дверью в таком же тусклом свете коридорных ламп, рассматривая царапины на нижней панели. Он потянулся было к ручке, но тут в коридоре за его спиной кто-то вышел из своей комнаты, громко

хлопнула от сквозняка форточка, и знакомый голос протянул с плохо скрытой насмешкой:

– Макар Андреевич, вы забыли, где вас поселили?

Илюшин обернулся, успев стереть с лица досаду и надеть выражение «внезапная радость от встречи». Лариса, изогнувшись, как кошка, стояла, прислонившись к стене возле дверного проема. Зеленый кашемировый свитер стекал по ней вниз, к длинным ногам, которые облегла скромная юбочка. Волосы струились вдоль лица, и вся она была текучая, как русалка, и улыбалась так же загадочно и зовуще, и смотрела голубыми, как фаянсовая чашка, глазами.

– Ваша комната здесь, – сказала она, не спуская глаз с Макара Андреевича, который – можно уже было себе окончательно в этом признаться – очень ей нравился, очень... И его напускная небрежность ему шла – в отличие от прилизанного и застегнутого на все пуговицы Толика, который пытался изобразить эту самую небрежность, выбираясь куда-нибудь с Ларисой на выходные, но особых успехов в этом, увы, не достиг.

Илюшин с неохотой отошел от двери.

– Добрый вечер, Лариса. Мне показалось, что там кто-то скребется...

Она запрокинула голову и рассмеялась, показав белоснежные ровные зубки с крошечной щербинкой на переднем.

– Но в доме нет кошек! У Эдика на них аллергия. Не хотите же вы сказать, что какая-то заблудившаяся мышь скреблась так громко, что вы ее услышали?

– Наверное, почудилось, – признал Илюшин, делая попытку пройти мимо Ларисы к своей комнате. – Спокойной ночи.

Лариса сделала шаг вперед и преградила ему дорогу. Провела рукой по рукаву его рубашки, тонким пальчиком пересчитала на ней пуговицы, остановилась на верхней и нарисовала вокруг что-то вроде восьмерки. Илюшин с любопытством наблюдал за ней, не делая ни одного движения.

Она обиженно надула губки, взяла его за руку и положила ее себе на талию, словно собираясь танцевать с ним вальс в полумраке коридора. Тело – такое податливое, такое гибкое – изогнулось, прильнуло к нему, и Лариса, закусив губу, посмотрела на Илюшина снизу вверх. Она не произнесла ни слова – и не собиралась говорить, оставляя за ним первую реплику и ожидая таких знакомых – и каждый раз волнующе новых – действий. В том, что на этот раз они будут умелыми, она не сомневалась – к двадцати пяти годам ей хватало опыта, помноженного на женское чутье, чтобы распознать мужчину, с которым стоило поиграть в старую как мир игру.

Рука гостя скользнула вниз, едва коснувшись бедра, но только Лариса

собралась отпустить шуточку о его торопливости, как почувствовала, что ее берут за руку теплыми пальцами. Слегка оторопев, она смотрела, как Илюшин подносит ее руку к губам, целует, а затем поднимает на нее серые глаза и смотрит с такой издевательской вежливостью, что, ей-богу, не сдержалась бы, дала пощечину мерзавцу, не будь он постояльцем.

– Спокойной ночи, – мягко сказал Илюшин, отпуская пальцы Ларисы. – Приятных снов.

Не успел он скрыться в своей комнате, как вслед ему холодный тягучий голос напомнил:

– Не забудьте, Макар Андреевич, что мама ждет вас в столовой. Вы ведь еще не ужинали.

Он быстро обернулся и успел заметить в глазах Ларисы ненависть оскорбленной женщины.

«Я могу себя поздравить – у меня появился враг в этом доме, – сказал себе Макар, переодеваясь к ужину. – Не хватает еще троих. Вот этим и можно заняться в ближайшее время. Конечно, я поужинал, но ничто не мешает мне сделать это еще раз, если уж подворачивается такая отличная возможность подергать тигра за усы. Вопрос лишь в том, правильно ли я определил тигра...»

Эльвира Леоновна подняла глаза и увидела входившего в столовую гостя, одетого в белый джемпер, который неожиданно преобразил растрепанного студента во взрослого, весьма элегантного мужчину. В голове ее мелькнула мысль о том, что она ведь хотела узнать, сколько ему лет, но задать прямой вопрос не позволяло воспитание, а сам Макар Андреевич не проговаривался.

– Как прошел ваш день в санатории? – спросила она, улыбнувшись. – Надеюсь, вам все нравится?

Ведя светскую беседу и нахваливая непонятное сложносочиненное блюдо, которым угощала его хозяйка, Илюшин размышлял о том, каким способом можно быстрее вывести ее из себя. Тему старшей дочери, явной неудачницы в глазах матери, он решил не трогать, тем более что Эльвира Леоновна сама завела разговор об Эле. «По вечерам три раза в неделю она занимается с детьми в школьном кружке. Да-да, совершенно верно, учит их вязать. Конечно, платят за это копейки, но я считаю, что занятия идут ей на пользу – она хотя бы выбирается из дома! А иначе может просидеть целый день в комнате, занимаясь своими куклами...»

В конце концов Илюшин выбрал самый простой путь, который к тому же был проверен до него. Дослушав рассказ о том, что когда-то в этом доме

жили предки Эльвиры Леоновны и потому она относится к нему как к своему родовому гнезду, он вставил две-три ничего не значащие фразы, а затем спросил:

– Между прочим, Эльвира Леоновна, кто живет в угловой комнате на втором этаже?

Хозяйка поставила на стол поднос с выпечкой, неторопливым изящным жестом, красивым, как в кино, задернула штору, обернулась к Илюшину. Гладкое лицо осталось спокойным и невозмутимым.

– Там никто не живет. Эту комнату я собираюсь отремонтировать, и она станет одним из номеров для гостей – таким же, как ваш.

Макар задумчиво покивал в ответ, глядя, как Шестакова разливает красно-коричневый чай по чашкам – себе и ему. Он подождал, не зададут ли ему наводящего вопроса, но Эльвира Леоновна лишь молча улыбалась.

– А кто в ней жил раньше? – словно между прочим поинтересовался он, отпивая кисловатый чай. – Когда-то здесь жили разные семьи, так?

– Да, но это было давно, – суховати ответила Эльвира Леоновна.

– И все-таки, кто? – не отступал Макар.

Шестакова ничем не показала, что настойчивость гостя ей неприятна.

– Моя сестра Роза, – сказала она, отворачиваясь, чтобы взять сахарницу. – Ей нравилось, что окна комнаты выходят во двор, потому что когда-то по дороге ездили машины и их шум мешал ей спать. Сейчас Тихогорск стал совсем другим, и вы сами видели, что на нашей улице даже не удосужились проложить нормальную дорогу с тех пор, как старая пришла в негодность.

Она поставила на стол фарфоровую сахарницу и принялась непринужденно рассказывать о том, как много изменилось в их городе. Макар послушал о новостройках, о новой затее мэра, решившего сделать из Тихогорска культурную столицу области и тщетно пытающегося заманить туристов, о конкурсах цветоводов... А затем прервал монолог хозяйки на полуслове:

– Простите... Мне показалось, что я слышал плач в этой комнате.

Спокойствие исчезло в долю секунды, будто в лицо Эльвире Леоновне плеснули холодной водой. Скулы ее порозовели, а глаза внезапно блеснули яростью – точно так же, как полчаса назад у ее дочери. Шестакова крепко сжала ручку чашки, словно стараясь не расплескать чай, и поставила ее на блюдце.

– Вы что-то перепутали, – сдерживаясь, сказала она. – Уверяю, Макар Андреевич, вам показалось. Может быть, плакала Эля – у нее не очень крепкие нервы, она впечатлительна и ранима, к тому же ее комната

расположена неподалеку от вашей...

– Боюсь, Эльвира Леоновна, это никак не могла быть ваша дочь. Ее в тот вечер и дома-то не было... К тому же я не смог бы перепутать звук, доносившийся из комнаты Эли и из той, угловой.

– Вы говорите ерунду! – отчеканила Шестакова.

– Я лишь говорю о том, что слышал, – пожал плечами Макар, делая вид, что не замечает ни смены ее настроения, ни резкости тона. – А из той комнаты я два раза слышал плач. Вечером и ночью.

– Но там же везде двери!.. – почти отчаянно вскрикнула Эльвира Леоновна, как-то нелепо, жалко взмахнув руками, и Илюшин осекся.

– Что значит... – начал было он и вдруг понял: – Двери? Вы поставили звуконепропускаемые двери?

– Это... для гостей... – пролепетала Эльвира Леоновна, снова меняясь в лице – ярость уступила место растерянности. – Их нельзя назвать звуконепропускаемыми, просто они должны гасить шум. Там внутри какой-то слой... Я поставила их затем, чтобы гости не мешали друг другу!

Илюшин молчал, глядя на нее, и Шестакова встала, суетливо схватила и понесла к раковине чашку, из которой она не отпила ни глотка.

Когда она снова обернулась к Макару, лицо ее было почти безмятежным, и только два розовых пятна на скулах напоминали о недавней вспышке.

– У меня останавливались очень разные люди, – с достоинством проговорила Эльвира Леоновна, вновь превращаясь в прекрасную немолодую немецкую куклу. – Конечно, как хозяйка, я обязана позаботиться о всеобщем удобстве.

– О всеобщем удобстве... – повторил Макар.

– Именно так! А теперь, прошу меня простить, я оставляю вас одного.

Шестакова вышла, не глядя на Илюшина. Тот посидел некоторое время в задумчивости, прокручивая в голове только что случившуюся сцену, и покачал головой.

– Не уверен, Эльвира Леоновна, что хотел бы, чтобы вы заботились о моем удобстве, – вслух сказал он и вылил остатки кисловатого чая в раковину.

Яков Матвеевич спал в эту ночь плохо. Дурная уличная собака несколько раз принималась выть, и Афанасьев, проваливавшийся в смутный тяжелый сон, снова просыпался, кляня ее на чем свет стоит.

Утром он встал разбитый, долго чистил зубы и старался не смотреть на свое отражение в зеркале. «Старик, совсем старик». Желтоватая

нездоровая кожа, сморщенные мешки под глазами... Яков Матвеевич окатил лицо ледяной водой и вышел из дома – подышать свежим воздухом, проветрить голову. Чувствовал он себя препаршиво.

Пакостная собака куда-то убежала, и от этого он совершенно раскис, хотя не собирался ни ругать, ни приманивать ее. Просто хотелось прогуляться, чтобы псина встретила его и виновато виляла бы хвостом, извиняясь за ночное безобразие. Он бы снова назвал ее дурой и был бы с нею строг, но сварил бы им на двоих овсянку – вчера она съела целую миску овсянки, в которую он добавил кусочки курицы, выловленной из своего супа.

Яков Матвеевич прошелся до калитки и даже выглянул наружу в надежде, что собака окажется где-нибудь неподалеку. Но вместо собаки он увидел человека, и от одного взгляда на него настроение Афанасьева, и без того невеселое, испортилось окончательно.

От дома Шестаковых к нему быстро приближался постоялец Эльвиры, на которого Афанасьев сорвался совсем недавно без всякого видимого повода и после этого сам краснел, вспоминая, какую безобразную сцену устроил незнакомому человеку. Яков Матвеевич решил сбежать в дом от неловкости, но реализовать свое намерение не успел: худой сероглазый парень неопределенного возраста уже подходил к палисаднику, и на лице его была написана смутившая Афанасьева решительность. «Ох, скандалить бы не начал...» – невесело подумал старик, приготовившись извиняться.

Однако Илюшин и не думал скандалить. К Афанасьеву он шел с совсем другой целью.

Проснувшись утром, около шести, Макар уже не смог заснуть и лежал полтора часа, прокручивая в голове все происходящее в доме Шестаковых и пытаясь создать единую картину из кусочков рассказов и собственных впечатлений. Однако картина не складывалась, и это раздражало Макара.

Кое-какие догадки у Илюшина имелись, но что-то смущало его в собственных логических построениях, хотя в одну из придуманных им версий укладывались все или почти все странности, с которыми он столкнулся в этом доме. Возможно, что в долгой жизни дома и его обитателей оставалась неизвестной ему какая-то история. Историю нужно было вытащить на свет, но она пряталась по углам, скрывалась в глазах людей, вращаясь ему на каждом шагу, расплывалась и таяла, стоило Илюшину ощутить, что вот-вот – и он ухватит за кончик ниточки, ведущей к ней. Намеки и недоговоренности, почти незаметные паузы перед произнесением имени, отретушированная фотография и забытое платье... Терпеливый Макар, всегда готовый осторожно выуживать сведения из

омутов чужих воспоминаний, чувствовал, что больше всего сейчас ему хочется ударить кулаком, чтобы разбить ровную водяную поверхность, заставить отражения исчезнуть и разглядеть наконец – что же там, под толщей сонной прищуренной воды.

Что-то в этом роде он и попытался сделать накануне. Но Эльвира Леоновна быстро взяла себя в руки, бежала с поля боя для восстановления сил и второй раз, Илюшин чувствовал, не позволила бы ему так легко выбить себя из колеи. Следовало искать другие пути для выяснения правды, и, поразмыслив, Макар понял, что именно предпримет сегодня. Он натянул джинсы, тонкий свитер и, забыв про завтрак, вышел из дома.

Сбегая этим свежим утром по ступенькам провалившегося крыльца, Макар не ожидал, что Афанасьев окажется во дворе, – Илюшину хотелось только побродить вокруг дома старика, потому что бездействовать в своей комнате он был уже не в состоянии. «Я становлюсь похожим на Бабкина, – раздраженно думал Макар, вышагивая по разбитой изъезженной дороге мимо уже вовсю цветших сиреневых кустов. – Много бессмысленных действий – это в его стиле».

Увидев в саду старого соседа Шестаковых, Илюшин на миг замер, а затем рванул вперед, как охотничья собака, наконец-то взявшая след. Макар придавал совпадениям и случайностям весьма большое значение, а потому даже не сомневался, что Яков Матвеевич послан ему провидением, чтобы дать ответы на все его вопросы.

А вопросов у Илюшина было много.

Именно с этого он и начал, подойдя к палисаднику: не задумываясь, перегнулся через ограду и негромко сказал, запыхавшись от быстрой ходьбы:

– Здравствуйте, Яков Матвеевич. Вы меня помните? У меня к вам есть кое-какие вопросы. Мы можем поговорить?

Обычно Афанасьеву не составляло никакого труда поставить на место молодых и не очень нахалов. Откровенно говоря, молодые и не очень нахалы сами побаивались Якова Матвеевича и без веской причины к нему не лезли – чувствовали, что выйдет себе дороже. И будь Афанасьев этим утром в форме, он непременно осадил бы не в меру прыткого постояльца соседей – тот отчего-то решил, что может спрашивать Якова Матвеевича таким тоном, будто у него есть на это право.

Но бессонная ночь не прошла для старика бесследно, а чувство неловкости перед незнакомым человеком, на которого он накричал без видимой причины, не позволило отчитать его второй раз. Во всяком случае,

именно этот аргумент мысленно привел в свое оправдание Афанасьев, открывая калитку и пуская гостя во дворик. Внутренний голос подсказывал, что он совершает ошибку, и Якову Матвеевичу стоило бы прислушаться к голосу. Однако он этого не сделал. И оказался не готов к напору вошедшего, который, едва зайдя внутрь, обернулся к Афанасьеву и, пристально глядя на него пронизательными серыми глазами, сказал:

– Я хочу поговорить с вами о том, что случилось в этом городе восемнадцать лет назад.

Илюшин хотел добавить, что тогда в один день погибли два человека, но увидел по лицу старика, что этого не требуется – тот понял его без всяких пояснений. Яков Матвеевич посерел на глазах, морщины на его лице заострились. Отвернувшись от Макара, он одернул ворот телогрейки и принялся неловко застегивать пуговицы, хотя на улице теплело с каждой минутой.

– Что вам... – начал он наконец, справившись с верхней пуговицей. – Какое ваше дело? Зачем вы меня об этом спрашиваете?

– Затем, что вы знаете о том, что произошло, – наугад сказал Илюшин и по дернувшемуся пальцам старика понял, что угадал.

Не глядя на Макара, Афанасьев продолжал возиться с пуговицами, терзая одну за другой. Илюшин молча ждал, и его молчание было для Якова Матвеевича еще невыносимее, чем вопросы.

– Здесь все знают, что произошло, – выдавил он наконец. – У любого спросите.

– Вот я и спрашиваю у вас, – не собираясь отступать, сказал Макар. – Я не журналист, не буду писать статью, и мой интерес носит иной характер.

По лицу старика он тотчас увидел, что совершил ошибку, но было уже поздно. Слово «журналист» сделало свое дело – растерянность хозяина как рукой сняло: борзописцев он ненавидел лютой ненавистью, и эта ненависть помогла ему сконцентрироваться, хоть визитер и признался, что не относится к этой братии. Впрочем, на слово верить ему старик не собирался.

– А не надо! Не надо свое любопытство кормить чужими трагедиями! – Афанасьев повысил голос, делая шаг навстречу визитеру. Глаза его сузились, беспомощность исчезла, и Яков Матвеевич стал похож на заточенный кусок льда – острый, ледяной, к которому нельзя прикоснуться, чтобы не обжечь руку холодом. – С какой стати я вам должен что-то рассказывать? Идите, разговаривайте с другими, вынюхивайте что хотите! А меня оставьте в покое! Тоже мне, нашли тему... Если живущих не уважаете, так хоть мертвых уважьте, не лезьте к ним в могилы!

В другое время Макар ушел бы от разговора с таким противником, признав свое поражение, – старик оказался вовсе не прост и далеко не беззащитен. В другое – но не сейчас. В нем было живо воспоминание о растерянном и жалком лице Зари Ростиславовны, рассказывающей о высмеявшей ее Шестаковой.

– Любопытство здесь ни при чем, – холодным тоном сказал Илюшин и в эту минуту ничуть не грешил против истины. – Я – частный детектив. И у меня есть заказчик, который очень хочет выяснить все подробности этого дела. Вы же не будете отрицать, что «дело» есть, не так ли?

Яков Матвеевич почувствовал, что земля уходит у него из-под ног. «Частный детектив?!»

– Если вы не хотите со мной разговаривать, у меня нет никакой возможности вас заставить. – Голос Илюшина звучал угрожающе, в противовес смыслу произносимых слов. – Но у меня всегда остается возможность обратиться к другим людям.

Он развернулся, собираясь уйти.

– Нет-нет, постойте!

Сорока, испуганная вскриком, сорвалась с изгороди и пронеслась над головой Илюшина.

– Я могу изложить вам только факты, – хрипло проговорил старик и посмотрел на Макара так, что тот опешил: ярость во взгляде Якова Матвеевича сменилась мольбой. – Только факты! – умоляюще повторил он и, не дожидаясь ответа Илюшина, отвернулся и побрел в глубь двора, к закрытому сараю, перед которым стояли два ведра с землей и лопата. Остановился возле ведер, бессмысленно глядя на них и суетливо расстегивая пуговицы, которые сам же застегнул несколько минут назад.

– Факты, – одними губами повторил Яков Матвеевич и провел рукой по лбу, стирая пот. На лбу остались грязные разводы.

– Хорошо, расскажите факты, – осторожно согласился подошедший Илюшин, твердо решивший выяснить все, что только возможно.

– Факты в том, что она умерла, а за ней и Чудинов, – горько сказал Афанасьев. – Ее тело нашли в двух шагах от берега, она зацепилась шарфом за льдину. А врача почти засыпало снегом, пока он лежал мертвый. Такая метель мела... Никогда такой не было раньше, вы слышите?! Первый раз – в том году! Если бы все так не совпало! Все было бы по-другому, понимаете вы или нет?

– Боюсь, что нет. Что было бы по-другому?

– Все! Жизнь пошла бы по-другому...

Илюшин окончательно перестал понимать, о чем идет речь. Старик

говорил так, словно был не в себе, однако в его невменяемость Макар не верил.

– Чья жизнь, Яков Матвеевич?

– Всех, всех... И девочек этих...

– Каких девочек? Из дома Шестаковых? Но я разговаривал с Эльвирой Леоновной, и она сказала...

На последнем слове его прервало гроыхание ведра – Афанасьев яростно ударил по нему ногой, и ведро опрокинулось, загремело о соседнее и покатилося, рассыпая остатки земли, подпрыгивая на неровной почве.

– С Шестаковой?! С ней вы разговаривали? Да вы ничего не знаете! – закричал Яков Матвеевич, хватаясь за черенок лопаты. – Ничего! Никто ничего не может вам сказать!

Илюшин сделал шаг назад.

– Вы... это все... Ничего нельзя знать!

– Спокойно, Яков Матвеевич...

– Нет! Не знаете! И не лезьте, не вынюхивайте!

Афанасьев отпустил лопату, замахал руками на Илюшина, побагровел, и Макар испугался, что старика хватит удар.

– Уходите... – выдохнул тот, тяжело дыша. – Уходите отсюда!

– Яков Матвеевич, вам нужна помощь...

– Нет, не нужно! Ничего не нужно! Идите, идите!

Поколебавшись, Илюшин пошел к калитке. Возле забора он обернулся и увидел, что старик стоит, опершись на черенок лопаты, и смотрит в землю, словно видит на ней что-то. Краснота постепенно исчезала с его лица, и Макар решил, что может уйти, не беспокоясь за жизнь Якова Матвеевича.

«Второй раз я упоминаю имя Шестаковой, и второй раз его будто током бьет, – подумал Илюшин, выйдя из палисадника и отойдя за куст, чтобы своим видом не раздражать и без того словно взбесившегося старика. – Что же там было с этим делом в девяностом году? До чего не хочется лезть в архивы... Тем более что я здесь никого не знаю. Серега пригодился бы для налаживания связей с местной милицией, но не выдергивать же его ради этого из Москвы».

Зазвонил телефон. Макар глянул на определившийся номер – номер был местный – и сразу понял, кто это.

– Прости, пожалуйста, что я тебе так рано звоню... – сказал в трубку женский голос, хриловатый спросонья. – Вечером у тебя был отключен телефон. Макар, в наш дом вчера кто-то залез. Поговори со мной, пожалуйста. Мне страшно.

Глава 7

Поздний вечер окутал темнотой кирпичную пятиэтажку, называемую застройщиками элитной, а потому стоявшей в отдалении от других домов этого района, убогих панельных девятиэтажек. Кое-где в темноте желтели окна, но они постепенно гасли одно за другим, и на верхнем этаже к десяти часам вечера раздраженно горело лишь одно окно – на кухне квартиры, где сидела Алла Богданова.

Алла мрачно смотрела в зеркало, думая, что ей не хватает только приговаривать «Свет мой, зеркальце, скажи...». Хотя она и без этого догадывалась, что сказало бы ей зеркало.

– Лепешка ты монгольская, вот что оно бы сказало! – проговорила Богданова вслух и поднялась, отложив зеркало в сторону.

К тридцати годам она совершенно утратила свежесть юности и стала похожа на тех женщин, которых называют бабами. Лялька знала, что бабой может быть любая вне зависимости от комплекции и вовсе не обязательно выглядеть как дворничиха тетя Люба (баба из породы необъятных, фуфаечных). Вот сама Алла, к примеру, ощущала себя низкорослой тощеватой бабой. Большая грудь, на которую когда-то запал Никита, уже начала отвисать и без бюстгалтера напоминала две лепешки. Муж любил их мять своими лапищами, но сам намекал, что неплохо бы Ляльке что-нибудь придумать, чтобы стало «поупружистее».

В таких случаях Алла готова была вцепиться в его самодовольную морду, расцарапать наискось, оставить такие следы, чтоб неделю нигде не мог бы показаться! Знала она, знала, о ком думает ее муж, с умильными глазами говоривший «поупружистее». Об этой кобыле Пестовой, которую Алле еще в седьмом классе хотелось макнуть пушистой каштановой головой в унитаз и посмотреть, какое у той будет потом выражение лица.

Пестова вечно не ходила, а бежала или шла пританцовывая, так что волосы разлетались в стороны. А Лялька с утра еле ноги волочила и просыпалась только ко второму уроку. Ляльку в девятом классе обнесло прыщами так, что целый год она даже от магазинов отворачивалась – боялась увидеть в немывтых стеклах витрин свое неприглядное отражение. А у Пестовой на широких скулах постоянно горел румянец – небрежно, будто впопыхах мазками наложенный природой, а белая кожа прозрачно светилась, как осеннее яблоко. Алла надеялась, что бледная поганка Пестова как-нибудь обгорит на солнце и все увидят, какая она уродливая – с

облезавшим носом, лохмотьями драной красной кожи на лбу и щеках, противными поросычьими пятнами новой кожицы... Но «кобылка» уже в мае покрывалась золотистым загаром, смягчавшим розовый румянец, а к концу лета и вовсе становилась темно-золотистой. Не смуглой, как сама Лялька, не красно-коричневой, а светло-бронзовой. И снова в сентябре бежала вприпрыжку в школу, не заботясь о том, чтобы выглядеть серьезно и солидно, да и вообще, кажется, не думая о том, как она смотрится со стороны. Это больше всего бесило Ляльку. Сама она даже в самых спонтанных скандалах просчитывала, что о ней подумают, видела себя со стороны – и разинутый в визге рот, и взметнувшиеся волосы – и с каким-то въедливым удовольствием фиксировала собственные проявления гнева. Пестовой было все равно.

И эта внутренняя независимость, которую Лялька не могла обозначить словами, но интуитивно улавливала, казалась ей очень опасной. Пестова и с парнями дружила не потому, что хотела выделиться или была «парнем в юбке», а потому, что ей и в самом деле было с ними интересно. Только с Борзых, Лялька знала, она скучала.

В тот вечер, после выпускного, Алла прокралась за Никитой и Пестовой в подъезд и увидела, как они целуются на лестничной площадке. Ее ожгло ненавистью пополам с болью, и она попятилась, не дожидаясь, пока Борзых оторвется от подружки. Сунув в рот кулак, чтобы не взвыть и не привлечь их внимание, Богданова сбежала с лестницы, чуть не упав, выскочила на улицу и долго с ожесточенной яростью терла лицо ладонями, спрятавшись за дом. Когда она пришла в чувство, то поплелась домой, где ждала молчаливая, вечно взбешенная мать, лупившая Аллу за малейшую провинность, да и без оной...

– Где ж ты ходишь, мой Никита, мой Никита-пастушок... – пропела Алла с угрозой, глядя на фотографию мужа, висевшую в рамке на стене.

Снимками Никиты была увешана вся квартиры – так Алле было удобнее с ним разговаривать, когда его самого не оказывалось дома.

– Вот же сволочь, – произнесла она в лицо мужу на снимке, накручивая себя. – Где ты ходишь, а, сволочь? Ты с работы выехал полчаса назад, а езды тебе десять минут! Сво-о-ла-ачь!

Словно испуганно отзываясь на ее визгливый голос, слабо дзынькнул и затих звонок. Алла удовлетворенно усмехнулась и, предчувствуя скандал, пошла открывать. Но когда она толкнула дверь, не поглядев в глазок, любимое ругательство так и не сорвалось с губ.

На лестничной площадке покачивался как пьяный Никита. А возле Никиты стоял красивый худощавый мужчина лет тридцати пяти с

взъерошенными совершенно по-мальчишески короткими русыми волосами. Сначала Алла посмотрела ему в глаза и испугалась – такие светло-серые бесстрастные глаза могли бы принадлежать убийце. И только потом увидела черное матовое дуло, прижатое светловолосым к шее Никиты.

Глаза ее расширились, но готовый вырваться из горла крик превратился в подобие всхлипа, когда она посмотрела на лицо мужа – жалкое, некрасивое, каким Алла никогда его не видела.

– Не визжать, – тихо предупредил незнакомец. – Шаг назад, в квартиру.

Алла громко сглотнула, и немой ужас провалился из горла в желудок, стиснул спазмом. Как деревянная кукла, она шагнула назад, вытянув руки по швам, и Никита шагнул вслед за ней. Алла видела, что он приоткрывает и закрывает рот, словно пытается беззвучно что-то сказать, и подбородок его трясется крупной дрожью.

– Не убивай, – прошептал он, на секунду справившись с дрожью.

– Тихо!

Убийца ловко прикрыл дверь, не отворачиваясь от Аллы и Никиты. Ствол по-прежнему был прижат к шее его жертвы.

– Отойди еще на шаг, – приказал он Алле.

Та подчинилась. Никита дернулся за ней, но упершееся в артерию дуло заставило его вздрогнуть и остановиться.

– Вы слышите меня, о бандерлоги? – неожиданно спросил мужчина и усмехнулся. – Ответа от вас, полагаю, не будет, поэтому отвечу сам: «Мы слышим тебя, о Каа!»

– Что... вы... хотите? – слабо проговорила Алла, борясь с тошнотой, подступающей из желудка. Она физически не могла видеть пистолет возле шеи мужа. Толстая жилка, похожая на синего подкожного червя, билась возле кадыка, и она не могла отвести глаз от этой жилки. «Все, что угодно. Все, что угодно, только бы он не тронул Никиту».

– Кто вас прислал? – проблеял тот.

Уголки губ мужчины дернулись, словно ему стало смешно.

– Я вам больше заплачу, – шепотом предложил Борзых, сам не понимая, о чем говорит. Он вообще ничего не соображал с того момента, как вошедший следом за ним в лифт студент в какой-то неуловимый момент исчез, а вместо него образовался этот страшный человек с пистолетом, по глазам которого было видно, что он убьет Никиту с такой же легкостью, с какой сам Никита давил мух. И может быть, даже испытывая удовольствие – такое же, какое испытывал Борзых, глядя на темное пятно, оставшееся от безмозглого насекомого.

– Сколько... сколько вы хотите?

Алла уловила недовольство, мелькнувшее во взгляде мужчины с пистолетом, и торопливо сказала:

– Меня!

И замерла в страхе, что он спустит курок. Она не могла предсказать его реакцию – этот человек напоминал ей робота с заданной программой, послушно выполняющего ее – без страха, без каких бы то ни было чувств... Невозможно было догадаться, чего хотели те, кто послал его.

– Меня... – повторила она, стараясь, чтобы голос не срывался.

– Что – «меня»? – хмыкнул убийца.

– Меня убей. Его не трогай. Он ни при чем. Это все я.

Мужчина с пистолетом помолчал, разглядывая ее, затем спросил у Никиты:

– Это правда?

Побледневший Никита издал невнятный звук, сглотнул и так и застыл с открытым ртом, словно кто-то нажал на кнопку пульта и поставил на паузу Никиту Борзых. Верхняя губа его странно вздернулась. Алла видела краешек желтоватых зубов, и в голове ее вертелась назойливая, как навозная муха, мысль о том, что муж должен был сходить к стоматологу, жаловался, что зубы болят, и она уговаривала его пойти, ругалась, скандалила, а он все никак не мог собраться – панически боялся дантистов. И любой боли боялся. «Как же его можно убивать, если он боли боится», – подумала Алла и снова тупо повторила:

– Меня... – в надежде, что уговорит этого сероглазого убийцу обменять ее жизнь на Никитину.

– Это я уже слышал, – ровно сказал убийца. – И даже убедился, что ваш супруг не возражает.

Он подождал, бросил взгляд на свою жертву, но Борзых стоял, часто дыша открытым ртом и ничего не говоря.

– Отлично. Но убивать вас, сударыня, мне ни к чему. Поэтому поступим так...

Наступила пауза, в которой слышно было прерывистое дыхание полумертвого от страха Никиты и мерная приглушенная ругань из соседней квартиры.

– Если... – сказал наконец убийца, сжал зубы, и Алла вдруг увидела, что он живой человек – живой, из плоти и крови, а не та бесстрастная машина, что привиделась ей. – Если... кто-то из вас. Еще раз. Покусится на жизнь Ксении Ильиничны Пестовой... Тогда этот – умрет.

Он кивнул в сторону Никиты, чтобы у Аллы не было никаких

сомнений в том, кого именно назвали «этот».

– Вы понимаете меня?

Она судорожно закивала, понимая лишь, что ее мужа оставляют в живых.

– Легкой смерти ему я не обещаю. Хотите свести мужа в могилу – пожалуйста. Заберетесь еще раз в дом Ксении Ильиничны, останетесь вдовой.

Борзых попытался протестующе замычать, но мужчина сделал почти незаметное движение рукой, и Никита замолчал.

– То же самое, – добавил он, – относится к любым нанятым вами людям. Причинно-следственная связь будет прямая: нападение на Ксению Ильиничну – труп вашего мужа.

Теперь убийца говорил почти весело, но Алла чувствовала цену его веселости. В серых глазах на мгновение блеснула ярость, и она поняла, что он ненавидит их обоих. От этого ей почему-то стало легче.

А мужчина тем временем толкнул Никиту в спину. Короткий, почти без замаха удар оказался неожиданно сильным, и Борзых пробежал два шага вперед и налетел на жену. Оба упали, Алла ударилась локтем об угол шкафа и вскрикнула от резкой боли.

Убийца же хладнокровно повернул задвижку, вышел из квартиры и захлопнул за собой дверь. К тому моменту, когда Алла с Никитой подбежали к окну, чтобы увидеть его возле подъезда, он уже обогнул дом и исчез.

Этот же день, двенадцать часов назад.

Когда Макар зашел в сад на зеленом холме, залитый лучами, мокрый и сверкающий от утренней росы, он успел сделать несколько шагов по кирпичной дорожке – и дверь дома распахнулась. Три кошки, два кота, Ксения – лохматая, босоногая, в длинной фланелевой рубашке ниже колен, – все они бросились к нему, и кошки закрутились под ногами, а Ксения схватила Макара за руку, потащила за собой, и Илюшин чуть не наступил на лапу Вилке.

– Мы тебя так ждали! Как хорошо, что ты пришел!

Она втащила его в дом, захлопнула дверь и прислонилась к стене. Вид у нее был одновременно перепуганный и счастливый, и руку Макара она не выпускала, но страх постепенно уходил с ее лица, растворяясь в неподдельной радости от приезда Илюшина.

– Родители с раннего утра ушли на работу, – торопливо сказала Ксения. – А у меня ближайший пациент в два часа. Я хотела уехать из дома,

но не могу же я их, – она кивнула на котов, расположившихся полукругом, – одних оставить. Да и глупо... Уеду – а он снова к нам заберется.

Она замолчала, перевела дыхание и уже спокойнее добавила:

– Прости, что я тебя так выдернула...

– Расскажи, что случилось, – попросил Илюшин.

Пока Ксения рассказывала, он обошел дом, разве что не принохиваясь. Коты шли за ним, а за котами семенила девушка, шлепая босыми ногами по полу. Люцифер держался возле Макара, поглядывал на него снизу совиными желтыми глазами, подергивал усами. Возле кладовки все остановились.

– Милиция приезжала, – подала голос Ксения. – Посоветовали на будущее поставить решетки на окна и даже отпечатки пальцев искать не стали. Сказали, вор как залез – так и вылез и им здесь делать нечего.

– «Как залез, так и вылез»... – пробормотал Илюшин, входя в чулан. Ксения и кошки остались стоять снаружи – все, кроме Люцифера: кот шел рядом с Макаром, как собака, переступая широкими рысьими лапами.

В чулане был вымыт пол, коробки составлены в угол, полки задернуты шторкой... Чистота и порядок. Но Илюшин взглянул на кота и увидел, что единственное целое ухо у того прижато к голове, а кончик хвоста нервно подергивается. Обежав взглядом чулан, Макар обнаружил табуретку и тщательно осмотрел ее. Никаких следов.

– Кто здесь убрался?

– Мама... Вчера было очень грязно после тех, кто приехал по вызову.

Илюшин кивнул. «Если и были следы, их старательно затерли».

Он нутром ощущал опасность, которая притаилась здесь вчера. Развитая интуиция, невероятно обострившаяся в последние десять минут, пока он исследовал все, не просто подсказывала – она кричала о том, что в этом тихом спокойном доме был чужой человек и приходил он затем, чтобы убить Ксению Пестову.

– Мужчина... – вполголоса пробормотал Илюшин, прикрыв глаза. – Один.

– Что?

– Ничего. Значит, ты взяла нож...

– Да, и открыла дверь. Чулан был пустой, но я чувствовала... – Она запнулась, неуверенно посмотрела на него и продолжила: – Я чувствовала, что там кто-то был. Если бы ты видел Люцифера, ты бы понял. Он прогнал остальных, понимаешь? Прогнал! В комнате не было ни одной кошки, а они почти никогда не оставляют меня. И все было перевернуто, окно

раскрыто...

– Можешь меня не убеждать, я тебе верю. Пойдем.

Они вышли из чулана, Макар прикрыл за собой дверь. Ксения хотела что-то спросить, но посмотрела на его напряженное лицо и сдержалась.

Илюшин просчитывал варианты. С одной стороны, все говорило о том, что в дом забрался вор, плохо знакомый с привычками хозяев. Поняв, что его заметили, вор сбежал, оставив за собой разоренный чулан. С другой стороны, опыт Макара, помноженный на интуицию, уверял, что вовсе не вор стоял вчера за дверью чулана. «Хотел застать ее врасплох, боялся, что она окажет сопротивление или начнет кричать. Но помешал кот – то ли человек его испугался, то ли насторожился и не успел выйти из чулана, а потом уже стало поздно, и его план не удался».

Он наклонился и погладил изуродованную одноухую голову. Люцифер поднял на него глаза и мрякнул в ответ, потерся головой о ладонь Илюшина. Макар испытал странное чувство человека, обнаружившего, что ему рады те, от кого этого меньше всего можно было ожидать, и ласково почесал кота за целым ухом.

– Ксения Ильинична, послушайте, – начал он, определившись со своими дальнейшими действиями, и выпрямился. – Вам лучше отменить все визиты, запланированные на сегодня. Перенесите их на завтра, хорошо?

– А что завтра? – недоуменно спросила Ксения.

– А завтра видно будет. Из дома не выходить, двери и окна закрыть, и желательно, чтобы вечером к вам приехала какая-нибудь подруга, пока родителей нет дома. До пяти часов я побуду с вами, но потом мне придется уехать, и я не хочу, чтобы вы остались одна. И еще одно... Нет, даже не одно...

Договорить ему не удалось, потому что она вдруг оказалась очень близко от него, отодвинула ногой недовольно буркнувшего что-то кота и обхватила Илюшина, заглядывая ему в лицо своими солнечными карими глазами. Обняла его неловко, будто ей мешала небольшая разница в росте, переступила, путаясь в полах собственной рубашки, которая была велика ей размера на три, не меньше.

– И еще одно, – прошептала Ксения, – нет, даже не одно...

Губы прильнули к его губам, и через минуту в наступившей тишине раздалось возмущенное мяуканье Люцифера, крайне недовольного происходящим.

– Пошел к черту, – на секунду оторвавшись от Ксени, приказал коту Илюшин и подхватил ее на руки. Тонкие кисти взметнулись, пальцы с силой окунулись в его волосы, так что ему стало больно. Илюшин пронес

ее по коридору, крепко прижимая к себе, и успел захлопнуть дверь в спальню перед носом возмущенного животного, выразившего на доступном ему языке все негодование таким оборотом дела.

Час спустя дверь приотворилась. Кот зашел и уселся возле входа, а Ксения вернулась на кровать, искала в складках скомканного покрывала свою рубашку, но Макар перехватил ее, притянул к себе, закрыв одеялом с головой.

– Чему ты ухмыляешься? – с любопытством спросила она, выныривая наружу.

– Он смотрит на меня осуждающе!

Илюшин показал на Люцифера, сумрачно взиравшего на него.

– Давай я буду смотреть на тебя с восторгом, переходящим в немое обожание, – предложила Ксения и немедленно уставилась на Макара с восторгом, переходящим в обожание. Илюшин рассмеялся и попросил ее сейчас же перестать и постараться сделать умное лицо, а Ксения заметила, что готова сделать это только после него, если он сможет, конечно же, и они спорили в шутку еще минут пять, пока она не спохватилась, что не отменила сегодняшнюю встречу, назначенную на два часа.

Вскочив, она нашла телефон и принялась звонить, ничуть не смущаясь своей наготы. Илюшин наблюдал за ней, положив голову на подушку. Ксения ходила по комнате, встряхивала головой, и движения ее были свободны и естественны, как у грациозного животного или маленького ребенка. Договорившись о переносе сеанса массажа, она отложила телефонную трубку, улыбнулась Илюшину...

А затем поднялась на цыпочках, прикрыла глаза, покачнулась, вскинув руки... И вдруг начала танцевать какой-то странный танец без музыки, мелко переступая, наклоняясь, как гибкое дерево под порывами ветра, и снова распрямляясь, двигаясь раскованно и экспрессивно. Вслед за деревом наступила очередь шквала, дождя – и Ксению швыряло из стороны в сторону, закручивало на месте, выгибало – руки взлетали вверх и в стороны освобожденными птицами, улетающими прочь от грозы. Еще одна серия стремительных движений – и танец оборвался так же внезапно, как начался. Изумившийся Макар привстал с кровати, не сводя с нее глаз.

– Это... впечатляет! – уважительно признал он. – Где ты так научилась?

– Ходила на занятия пару лет назад.

Ксения небрежно махнула рукой и снова забралась к нему под одеяло, прижалась всем телом, согреваясь в его объятиях.

– Иногда так хочется танцевать, что невозможно удержаться. Сейчас был как раз такой случай. У тебя так не бывает?

Она перекатилась на живот, уставилась на Макара, откровенно посмеиваясь над ним. Илюшин отрицательно качнул головой.

– Это оттого, что ты очень закрытый, – объявила Ксения Ильинична.

– Закрытый?

Она чуть слышно рассмеялась.

– Ничего, это легко исправимо.

Ксения провела пальцем по щеке Макара. Лицо ее изменилось: насмешливость исчезла, и оно стало нежным, счастливым лицом женщины, которая только что любила и танцевала в свое удовольствие. Она подобралась к Илюшину поближе, уткнулась лбом ему в подбородок. Он вдохнул горьковатый запах ее волос, провел рукой по трогательно открытой шее и вспомнил – второй раз за сегодняшний день – об игрушке, подаренной ему Сергеем Бабкиным. Игрушка лежала в сумке, хорошо замаскированная в потайном кармане, и на вид была неотличима от настоящего револьвера.

– Ксения Ильинична, – негромко позвал Макар, и хотя голос его прозвучал почти мягко, Люцифер возле двери поднял голову и насторожился. – А расскажите-ка мне подробнее, Ксения Ильинична, про вашу бывшую одноклассницу и прекрасного принца, живущего с ней. Во всех деталях, какие вспомните.

Эля сбежала по лестнице, напевая себе под нос, взмахнула широкой расклешенной юбкой и чуть не налетела на сестру, стоящую возле входной двери.

– Куда собралась, если не секрет? – безразличным тоном осведомилась Лара. – Ой, откуда у тебя такие бусики?

Лариса протянула руку, потрогала вязаные желтые бусы, висевшие на Элиной шейке.

– Сама сделала, – сказала Эля. – Только вчера закончила. Лариска, пусти, меня дети ждут.

– А-а-а, твои рукодельнички! Во сколько занятия начинаются?

– В семь.

– Тогда у тебя еще целых двадцать минут, ты не опоздаешь...

Лариса наклонилась к сестре – она была выше почти на голову, – и Эля принялась к мускусному запаху ее духов. Прежние духи Лариски пахли лилией, и они нравились Эле куда больше, чем эти. Она наморщила нос и отодвинулась.

- Элька, у меня к тебе дело есть, – вкрадчиво проговорила Лариса.
- Лар, давай потом, после занятий, а? Не хочу опаздывать...
- А ты и не опоздаешь.

Она взяла Элю за пухлую ручку, доверительно посмотрела в глаза, и сестра, как зачарованная, уставилась в два сине-голубых озера.

– Поговори с гостем, – попросила Лариса и кивнула головой наверх – туда, где на втором этаже находилась комната Макара Андреевича, уехавшего рано утром и до сих пор не вернувшегося. – Он уже всех утомил. Мама от него устала, и Эдику он постоянно предъявляет претензии...

- Как?! – Эля удивилась не на шутку. – Претензии? Эдику?
- Или Эдик ему... Неважно! Пусть уедет.
- Кто?!

– Ну не Эдик же! – крикнула Лариса, но тут же понизила голос до шепота, опасливо покосившись в сторону лестницы. – Этот, белобрысый.

- Как... – растерялась Эля. – Почему? Пстой, Ларка, ты о чем?

Лариса скривила губы, отошла на шаг назад, пригляделась, словно собиралась фотографировать сестру.

– Ты притворяешься или в самом деле не понимаешь? – страдальчески спросила она, рассматривая глупую толстую Элю, испуганно ссутулившуюся возле двери. – Поговори с ним!

- А... почему ты сама не можешь? Почему я?

– Потому что ты славненькая хорошенькая Элечка, – просюсюкала Лара. – У тебя наверняка получится его уговорить!

- А если не получится? – окончательно растерялась та.

Лара зло сощурила глаза, процедила, мигом прекратив сюсюканье:

– А ты сделай так, чтобы получилось! Сообрази! Постарайся! Не все же тебе куколок своих вязать, можешь и головой немного поработать! Сделай так, чтобы он уехал, понятно?!

Она требовательно смотрела на сестру, и та кивнула против воли.

– Матери ничего не говори, – бросила на прощание Лариса и отошла от двери, освободив проход.

Эля медленно сошла со ступенек, обойдя среднюю, провалившуюся, и подумала, что Эдик днем в очередной раз обещал матери починить ее и снова нарушил обещание. Дверь в дом закрылась, и Эле показалось, что из-за нее раздался приглушенный голос Леонида.

Она посмотрела на часы, охнула и, не отрывая глаз от циферблата, побежала по тротуару, прикидывая, на сколько минут опоздает. Правда, ничего страшного в ее опоздании не было – совсем наоборот, никто не заставлял Элю приходиться к определенному часу, но она сама терпеть не

могла задерживаться, даже на десять минут. У нее было не так много времени.

Торопливо отсчитывая минуты, она не заметила возникшего перед ней силуэта и налетела на того самого человека, о котором шла речь несколько минут назад. Макар Андреевич Илюшин, собственной персоной, стоял на дороге. Он подхватил охнувшую и споткнувшуюся от неожиданности девушку и поднял упавший пакет, в котором просвечивали разноцветные яркие клубки.

Эля неловко поздоровалась, принялась извиняться и сбилась на полуслове, поглядев на Макара Андреевича. Лицо у того оказалось собранное и жесткое, почти жестокое, и видно было, что он совсем не слушает ее извинений. Последний раз произнес что-то невнятное в свое оправдание, Эля забрала наконец у Илюшина пакет с клубками, пожелала ему хорошего вечера и направилась к остановке, за которой находилась школа, раздумывая, чем же так недоволен их единственный гость.

Макар проводил взглядом ее пухленькую фигурку, отметив про себя, что старшая дочь Эльвиры Леоновны выглядит этим вечером на редкость привлекательно. И у Ксени, и у Эли общей чертой была неподдельная природная жизнерадостность, но в одной она была ключом, а в другой пряталась глубоко, прорываясь лишь изредка. Илюшин отметил краешком сознания, что в их минутной встрече его что-то зацепило, но не стал анализировать, что именно: времени оставалось в обрез, потому что обычно, как ему удалось разузнать, Никита Борзых уезжал с работы около восьми, а Макару предстояло еще добраться до его района...

...Он вернулся около одиннадцати. В доме горели два окна – одно на первом этаже, в столовой, второе – в комнате Эли, и сегодня дом был наполнен звуками – шуршанием, стрекотом насекомых под окнами, тихим разговором, доносившимся из приоткрытой двери внизу: говорили Эдуард и Леонид. «Тебе следовало сделать это раньше», – донеслось до Макара, и в ответ другой мужской голос что-то невнятно пробурчал. Илюшин сделал шаг к столовой, чтобы подслушать разговор, но тут же справедливо рассудил, что никаких серьезных бесед Шестаковы не будут вести при открытой двери, зная, что в доме находится посторонний человек.

Поэтому он стал не торопясь подниматься по ступенькам. Скрипнула первая, за ней вторая. Голоса в столовой затихли, а одна из лампочек в светильнике дрогнула и потухла, как свеча от сквозняка. Макар усмехнулся и покачал головой. «Экономит Шестакова на лампочках».

Третья ступенька, четвертая, пятая... Лампочка рядом с Илюшиным

вспыхнула ярким напряженным светом – и погасла. Макар приостановился, и тут же погасла следующая. Теперь лестницу освещал единственный светильник – самый верхний, расположенный над последней ступенькой.

Илюшину показалось, что на дом неожиданно навалилась глухая тишина, проглотив все шорохи, голоса и стрекотание сверчков. Где-то на улице, в других домах люди пели, смеялись, разговаривали, плакали, здесь же они сидели по своим комнатам, молчали, и их молчание накапливалось, впитывалось в стены и ковры, просачивалось через шторы, растекалось по стеклам, создавая непреодолимую преграду для звуков извне. Остался лишь один звук – неприятное дребезжание спирали лампочки в горящем светильнике.

«В этом доме уже в который раз не вовремя гаснет свет, – с раздражением подумал Макар. – Надеюсь, мне удастся дойти до комнаты не в крошечной тьме?»

Илюшин сделал еще шаг, и лампочка наверху мигнула. Шаг – и вновь светильник потух на секунду и зажегся. После третьего шага Илюшина лестница окончательно погрузилась в темноту.

И тогда тишину прервал тонкий всхлип – то ли детский, то ли женский. Макар выругался сквозь зубы, быстро преодолел последние ступеньки, держась за перила, и ступил на ковер, оглядывая темный коридор. После визита к Борзых нервы его были взвинчены, и он вздрогнул, когда ближняя к нему дверь открылась и из нее показалась женская фигура.

– Макар Андреевич? – спросила Эля, вглядываясь в темноту. – Это вы?

Она пошарила на стене, нашла выключатель, и из комнаты упала широкая полоса желтого света. Макар всмотрелся в круглое лицо, но не обнаружил на нем и следа слез.

– У вас лампочки на лестнице перегорели, – поведал ей Илюшин. – Причем все сразу.

Эля проигнорировала замечание о лампочках. Она выскользнула из комнаты, запахнув плотнее полы синего байкового халатика из тех, что носят старушки в больницах, и полностью открыла дверь, чтобы люстра осветила коридор.

– Я хотела вам кое-что сказать... – Голос у Эли был тихим, напряженным. – Уезжайте, Макар Андреевич. Пожалуйста, уезжайте!

– Почему?

Девушка покачала головой вместо ответа, испуганно огляделась вокруг, словно ожидала, что в пустом коридоре вот-вот материализуется кто-то из ее родных.

– В Тихогорске можно найти комнаты гораздо лучше, чем наши... И дешевле! Уверяю вас!

– А вы меня не уверяйте, – пожал плечами Макар, которому окончательно надоели эти игры. – Лучше скажите, кто у вас в доме плачет?

Эля широко раскрыла глаза.

– Да, плачет, и не смотрите на меня так, будто не знаете об этом. Ваша маменька не соизволила ответить мне на этот простой вопрос, так, может быть, вы ответите?

– Это... кто-то балуется... – пробормотала она, заикаясь. – Чья-то шутка...

– Женщина на чердаке – тоже шутка? – спросил Макар наугад. – Та, что ходит ночью по вашему дому?

Он ожидал, что Эля рассмеется, станет подшучивать над ним или просто не поймет, о чем речь. Но она изменилась в лице так сильно, что Илюшин, не ожидавший такой реакции, удивленно вскинул брови. Девушка отступила на шаг назад, умоляюще сжала руки на груди и попыталась что-то сказать, но у нее не получилось.

– Что с вами? – быстро спросил Макар. – Эля, вам плохо?

– Женщина? – выдохнула она. – Н-не может быть....

– Почему не может, если я ее видел?

– Видели?!

Эля разжала руки, схватилась за дверь.

– Вы не могли ее видеть! Не могли!

– Почему же не мог? – очень тихо спросил Илюшин, не отрывая глаз от ее лица. – Скажите мне, Эля, почему вы убеждаете меня в том, что я не мог видеть то, что видел?

Эля перевела застывший взгляд на тень Илюшина за его спиной и прошептала одними губами – так, что Макар скорее угадал, чем услышал:

– Она же умерла...

Внизу хлопнула дверь, и девушка вздрогнула, будто проснувшись, посмотрела на Илюшина перепуганными глазами и поспешно отступила назад, в комнату. Дверь закрылась – и Макар снова остался в темноте.

Рано утром Сергея Бабкина разбудил телефонный звонок. Не глядя на экран, он был уверен, что звонит Илюшин, и не ошибся.

– Только не говори, что у тебя для меня срочное дело, – сонным голосом пробурчал он. – Нет, лучше уж скажи. Если ты позвонил в половине седьмого только для того, чтобы пожелать мне доброго утра, месья моя будет страшна. Даже не знаю, что сделаю с тобой...

– Не переживай, тебе не придется ничего придумывать, – успокоил его Макар. – С твоей, скажем прямо, небогатой фантазией это было бы затруднительно. Ты прав – у меня срочное дело.

Сергей нащупал на тумбочке блокнот и ручку и, приоткрыв один глаз, приготовился записывать.

– Роза Леоновна Шестакова, – продиктовал Макар. – Мне нужны все сведения, какие ты сумеешь найти. Где она сейчас, как давно уехала из Тихогорска и так далее. Чуть позже я сообщу тебе дополнительные данные, а пока начинай работать с тем, что есть.

– А почему бы тебе не сообщить мне эти дополнительные данные прямо сейчас?

– Потому что прямо сейчас я уезжаю.

– Рано же у тебя начинаются процедуры, – удивился Бабкин. – Вот, помнится, когда я лежал в санатории...

Он сделал небольшую паузу, и Макар тут же ею воспользовался.

– Ты никогда в жизни не лежал в санатории, – заметил он. – Из всех мест, имеющих хотя бы отдаленное отношение к восстановлению организма, ты мог иметь дело в лучшем случае с вытрезвителем. Досматривай свой утренний сон, мой ностальгирующий друг, и ищи мне все, что только можно, по Розе Леоновне. Да, забыл сказать – а заодно и по ее сестре, Эльвире.

Несколькими минутами позже Макар уже выходил из дома. Врач санатория ждал его лишь к десяти утра, и все свободное утреннее время Илюшин намеревался посвятить общению с Ксенией Ильиничной. Однако ставить об этом в известность Сергея он не собирался.

Тремя часами позже он лежал на массажном столе, и пожилой массажист – лысый, краснолицый, с блестящей, будто намазанной маслом, неровной головой и толстой, как ствол дерева, шеей разминал Илюшину спину. Макар же вдыхал слабый сладковатый запах масла и размышлял, отчего его мысли от Ксении Ильиничны неуклонно возвращаются к Эле Шестаковой.

Если бы он мог сейчас увидеть Элю, то был бы немало удивлен, потому что старшая дочь Шестаковой танцевала – с упоением танцевала вальс в своей комнате, огибая углы полок, схватив одну из кукол и воображая себя в таком же, как у куклы, золотистом кружевном платье с открытой спиной. Она представляла, что ловкий партнер ведет ее в танце, и закрывала глаза – буквально на секундочку, чтобы не врезаться в полку или в стол, – и улыбалась воображаемому партнеру доверчиво и радостно. И

пахло Эле не сиренью за окном, а старыми шуршащими платьями, духами и помадами. И музыка звучала такая невыразимо прекрасная, какой может быть только выдуманная мелодия, не сыгранная ни на одном инструменте в мире.

В дверь постучали, и музыка в Элиной голове оборвалась. Она открыла дверь – за ней стояла младшая сестра. Лариса открыла было рот, чтобы задать вопрос, но обратила внимание на сияющие глаза, раздумывающуюся кожу и передумала.

– Ты что счастливая такая? – подозрительно спросила Лариса. – И почему так поздно вчера пришла?

– Занятия с детьми затянулись, – виновато сказала Эля, возвращаясь в шкуру человека, привыкшего оправдываться по любому поводу.

– Ты с *ним* поговорила?

– С кем? А-а, с Макаром Андреевичем... Да, поговорила.

– И что? – раздраженно спросила Лариса, начиная выходить из себя от того, что из сестры приходилось все вытаскивать клещами. – Что он ответил?

Эля вспомнила вчерашний вечер, вспомнила Макара Андреевича и улыбнулась неизвестно чему.

– Ответил, что давно не видел такой красивой дамы, как я, и потому в ближайшее время не собирается уезжать – будет наслаждаться моим обществом, – смеясь, ответила она, присела перед оторопевшей Ларисой в глубоком книксене и, взмахнув рукой, в которой был зажат воображаемый веер, аккуратно закрыла дверь.

Лариса изумленно вскинула брови, постояла перед дверью и спустилась вниз, не меняя выражения лица. Эдуард, забежавший домой пообедать, хмыкнул, увидев ее входящей в столовую.

– Где маман? – поинтересовался он, жуя бутерброд. – И что у тебя с лицом?

– Маман уехала к портнихе, – рассеянно ответила Лариса, думая о своем и пропуская второй вопрос мимо ушей. – Эдя, ты не замечал, что с нами последнее время происходит что-то странное, а?

– С кем, например?

– Например, с Элькой. Эти дни она ведет себя так, словно выиграла миллион в лотерею, но скрывает это от нас.

– Может быть, так оно и есть, – Эдик равнодушно пожал плечами.

Его занимали куда более серьезные проблемы, чем мифическое богатство старшей сестры. Двумя пальцами он вынул из банки кусок рыбы и положил на хлеб.

– И маман сама не своя, хотя пытается это скрывать. Ты не заметил?

Эдик, откусив от бутерброда, невнятно что-то промычал и покачал головой.

– Или, скажем, ты... – продолжала Лариса, крутя на пальце белокурую прядь. – Я бы сказала, Эдя, что и у тебя все идет не так, как обычно.

Эдуард дожеввал, аккуратно положил бутерброд на блюдечко и взглянул на сестру.

– О чем ты, дорогая? – вкрадчиво спросил он, тщательно промокнув губы.

– Не могу сказать ничего конкретного, но мне кажется, что ты слишком многое берешь на себя одного. Не окажется ли так, что телега, которую ты пытаешься тащить в одиночку, тебя раздавит?

Эдуард поджал губы, и сухое лицо его заострилось, стало злым и неприятным.

– Не могу сказать, что понимаю тебя. И это сравнение с телегой... Либо выражайся яснее, либо вообще не говори.

– Я лишь хочу объяснить, что в любом разумном начинании ты можешь рассчитывать на меня. На меня и на Леню, само собой.

Эдуард оценивающе оглядел Ларису, криво усмехнулся.

– А в неразумном?

– Я уверена, Эдя, что неразумных начинаний у тебя просто не может быть! – промурлыкала сестра, подходя к нему и забирая с тарелки недоеденный бутерброд. – Не зря же ты у нас помощник самого Рыжова... А он дураков не держит!

Эдик не знал о том, что к Анатолию Рыжову его взяли по протекции Ларисы, и потому только удовлетворенно кивнул. Девушка усмехнулась про себя, сняла с хлеба розовый лоснящийся кусок рыбы и положила в рот. Хлеб всучила Эдику, похлопала брата по плечу и ушла, небрежно потрянув длинными волосами и оставив за собой шлейф мускусных духов.

Вернувшись в город после процедур в санатории, Макар отправился гулять по району вокруг дома Шестаковых, сам не зная точно, что им движет. Ксения уехала по вызовам, и, с какой стороны ни посмотри, самым разумным представлялось вернуться в «гостиницу» и попробовать разговорить кого-нибудь из сыновей Эльвиры Леоновны. На то, что оба окажутся дома, Илюшин не рассчитывал, поскольку и тот и другой работали по свободному графику. До сих пор и Эдику, и Леониду удавалось избегать встреч с Макаром, но насколько осознанно они это делали, Илюшин пока не понял.

Домой вернуться следовало и потому, что Макар никак не мог сложить происходящее вокруг него в целостную, убедительную и понятную картину – а это означало, что пришло время брать большой лист бумаги и старательно записывать все приходящие в голову фантазии. Из этих фантазий, как правило, самым неожиданным образом появлялось что-то, что наталкивало Макара Илюшина на размышления в нужном направлении.

«Живу здесь уже который день, а вместо ответов на вопросы у меня появляются лишь новые вопросы. Можно даже сказать, что каждая новая беседа с представителем славной семьи Шестаковых порождает сплошные вопросительные знаки».

Илюшин вспомнил о постоянно гаснущем свете и решил обойти район, чтобы найти магазин, где можно купить карманный фонарик. Он направился туда, где вдоль узкой аллеи стояли кирпичные пятиэтажки с пыльными витринами обувных и продуктовых магазинов на первом этаже и по тротуару прогуливались жительницы Тихогорска с допотопными колясками, многие годы переходившими по наследству от одной семьи к другой.

Купив фонарик, Макар неторопливо побрел по аллее, ощущая, как солнце припекает затылок, рассматривая детские рисунки мелом на асфальте – домики, облака, деревья и улыбающихся большеголовых человечков с тонкими ручками-ножками. Аллея, слишком густо засаженная липами, казалась неудобной без привычных кустов сирени: черные стволы разлиновывали пространство, в котором не оставалось места для сиреневых клякс. Пара рыжих длиннорюхих старых такс неспешно семенила по траве, а за ними так же неторопливо ковылял безбородый старичок, помахивая поводками, как плеткой. Поравнявшись с Макаром, он откровенно оглядел его, и Илюшин почтительно наклонил голову в вежливом приветствии.

– Моцарт! – дребезжащим голосом окликнул старичок, переведя взгляд на такс. – Моцарт, стой! Стой, негодная собака!

– Простите, а второй – Сальери? – не удержался Макар.

– Мазурка, – с достоинством возразил старичок. – Это брат и сестра, они из одного помета и должны были быть названы на «М». Зуринька! Зуря, золотце, подойди ко мне немедленно. Я не пускаю их в ту сторону, – пояснил он Илюшину. – Там, в конце аллеи, школа, и Моцарт пролезает во двор через дырку в заборе. А дети... вы же знаете детей! Им лишь бы подразнить собаку...

Он сокрушенно покачал головой.

– Отчего же только Моцарт? – стараясь сохранять серьезное выражение лица, сказал Илюшин. – А как же его сестра?

– Мазурка не может, – вздохнул хозяин. – Раздалась к старости. Застревает в заборе.

Макар не выдержал и рассмеялся. Старик погрозил ему пальцем.

– Зря смеетесь, молодой человек, очень зря! Посмотрел бы я на вас, если бы ваша голова торчала с одной стороны ограды, а круп – с другой! А прибавьте к этому слабость суставов! И не забудьте об опухоли, которую оперировали всего год назад! Моцарт, Мазурка! Ко мне!

Таксы лениво подбежали к хозяину, обнюхали штанины Макара и уселись на асфальт одинаково, широко растопырив передние лапы с длинными когтями.

– Вот и умницы мои, – успокоившись, проворковал старичок. – Видите, какие они умницы? А вы насмехаетесь!

Макар решительно опроверг обвинение в том, что он насмехается, и подтвердил, что таких умных собак давно не видел. Старичок расцвел и попрощался, пожелав Илюшину легкой дороги. Отойдя на несколько шагов, Макар нахмурился, остановился и задумался. Затем решительно развернулся и догнал старичка:

– Простите, вы сказали, что в конце аллеи школа?

– Совершенно верно, – откликнулся тот и прибавил с неприязнью: – А в школе дети.

«А в школе дети... – повторил про себя Илюшин. – Логично. А что, если...»

– Скажите, пожалуйста, а нет ли других школ в этом районе? – спросил он, начиная догадываться, каким будет ответ и куда приведет его любопытство.

– Есть, разумеется... Одна – на Карла Маркса, другая – на Вересаева. Правда, до них далековато...

Старичок объяснил, куда нужно идти, и Макар покачал головой – две другие школы и в самом деле располагались слишком далеко. Поблагодарив любезного хозяина такс, он быстрым шагом пошел по аллее, обдумывая возникшую у него идею.

Во дворе школы стоял визг – выпущенные на перемену дети носились по газону. Слегка оглушенный Макар зашел в вестибюль, повертел головой в поисках расписания дополнительных занятий, но нашел лишь расписание уроков на стене рядом с гардеробом.

– Молодой человек, вы что-то ищете? – раздался рядом с ним строгий голос, и, обернувшись, Илюшин узрел плоскую стриженую даму в

брючном костюме, с осанкой гренадера и его же шириной плеч.

– Добрый день. Я живу в соседнем районе, – не задумываясь, соврал Макар. – Моя младшая сестра просила узнать, нет ли в вашей школе рукодельного кружка.

– Есть. Называется «Волшебная ниточка». Элина Сергеевна Шестакова ведет, прекрасная девушка. Записывайте вашу сестру, ей наверняка понравится.

– Отлично! – обрадовался Илюшин. – Когда можно поговорить с Элиной Сергеевной?

– Кружок – два раза в неделю, по понедельникам и четвергам. Подходите завтра, к шести, в пятый кабинет.

– А по вторникам?

– По вторникам кабинет занят театральной студией. Набор в группу уже закончен, приводите сестру в сентябре.

– А сегодня? – уточнил Макар.

– И сегодня занятия в театральной студии. Два дня подряд, так уже получилось. – Она развела руками, словно извиняясь.

– Спасибо большое, – сказал Макар. – Вы мне очень помогли.

Дама и в самом деле помогла ему. Однако, привыкнув все перепроверять, Илюшин дождался, когда она уйдет, и нашел пятый кабинет. Молодая веселая учительница подтвердила Макару, что вчера она занималась с детьми, начиная с шести вечера, и сегодня кабинет снова в ее полном распоряжении.

– Элина Сергеевна приходит по понедельникам и четвергам, – повторила она следом за дамой-гренадером. – Вчера? Нет, ее не было, я же вам сказала. Конечно, уверена... Зачем ей театральная студия?

«Вот, значит, как... – сказал себе Макар, выйдя из школы и провожая взглядом несущихся мимо детей, размахивающих портфелями. – Выходит, клубочки в пакете были для отвода глаз. Спрашивается: где же проводила время Элина Сергеевна, раз у нее не было никаких занятий?»

Ксения вернулась домой в перерыве между визитами к больным, наспех перекусила и уселась за фортепьяно, стоявшее в комнате родителей. Мать ее преподавала в музыкальной школе, и инструмент в доме был всегда, даже когда они жили в крошечной квартирке неподалеку от фабрики. Сама Ксения играла с шести лет, и пальцы у нее были сильные, развитые.

Она пробежала ими по клавишам, вполголоса напела какую-то мелодию и оборвала ее на полуслове, нахмурившись. Бывший муж любил

петь, обладал приятным баритоном и частенько распевал, расхаживая по квартире. Сейчас она как раз начала играть песенку, которую Максим обычно мурлыкал себе под нос, придя с работы.

Ксения встала, сердито закрыла крышку фортепьяно. Поймать себя на подражании собственному бывшему мужу оказалось неприятно.

Она вышла замуж за человека старше себя на десять лет и первые полтора года их брака очень любила мужа. Максим пользовался успехом у женщин, был ревнив, но сам, обладая веселым и беззаботным характером, никогда не отказывал себе в удовольствиях. Полтора года спустя после похода в загс Ксения обнаружила, что отличается от супруга старомодными взглядами на верность, а чуть позже подтвердила для себя избитую истину, заключающуюся в том, что взрослого человека невозможно исправить. Потому что он не сломавшаяся машинка, требующая починки, а «исправить» в действительности означает «изменить в соответствии со своими представлениями».

По инерции она пыталась какое-то время сохранить их брак. Как и Максим. Но из этого ничего не вышло.

Работа в больнице сделала Ксению намного взрослее, и после развода она старалась забыть в ней. Поначалу вынужденный работоголик, затем добровольный, она приучила себя считать больницу центром своего мира, чем-то неизменным, непоколебимым. Тем ошеломительнее для нее было выяснить, что и здесь все может зависеть от воли одного человека и отлаженный механизм учреждения будет рассыпаться и гнить спустя всего год после его появления.

Ксения Пестова, единственная дочь у любящих родителей, росла умным, не по годам сообразительным, насмешливым и наблюдательным ребенком. Однако толика доверчивости, жившая в ней, с годами не только не исчезла, но и приобрела форму легкого идеализма, заключавшегося в недооценке количества беспричинного зла, на которое способна отдельно взятая личность. Она с ужасом наблюдала, как уходят из больницы хорошие специалисты, с которыми она дружила, как отделения заполняются невеждами от медицины, как на глазах расцветают склоки... Как-то раз Ксения не выдержала и попыталась поговорить с немолодой дамой, заведующей отделением педиатрии, ей симпатизировавшей. Та даже не дослушала.

– И откуда же ты такая взялась, Пестова? – грубовато сказала дама. – На дуру и отдаленно не похожа... Иди, у меня работы по горло.

Ксения замкнулась, стала молчаливым наблюдателем, копившим в себе увиденное. Последней каплей стал скандал с участием одного из ее друзей-

врачей, ложно обвиненного в получении взятки от пациента.

Все знали, что новый главврач терпеть его не может. Но никто не догадывался, чем это закончится. В результате обвинения врача быстро «ушли», и главный не поленился дополнить скандал соответствующим освещением в прессе, чтобы сыграть наверняка. После люди, знавшие положение дел изнутри, спорили, насколько увольнение сыграло свою роль... Как бы то ни было, уволенный врач умер спустя полгода после того, как оставил больницу.

Эти события повлияли на Ксению сильнее развода. Она неожиданно осознала, что больше не хочет не только работать в этой больнице, но и вообще быть врачом. Ломка сознания длилась полгода, после чего девушка уволилась и вернулась в Тихогорск, твердо уверенная в том, что больше никогда не станет заниматься медициной.

Глава 8

Подходя к пансионату, Илюшин услышал голоса и, заглянув на задний двор, увидел Эдуарда и Леонида, играющих в баскетбол. Крупный Леонид двигался плавно, пытался задавить Эдика массой, но тот уходил от атаки, ныряя в разные стороны и проворно уворачиваясь от брата. Они смеялись, перебрасывались колкостями, пыхтели, обхватив друг друга и забыв про мяч... Худой Эдуард оказался неожиданно спортивным, и Макар подумал, что они, наверное, часто так играют.

В окне он увидел Эльвиру Леоновну – та следила за игрой. Во время недолгих перерывов Эдик поворачивался к окну, махал матери рукой, и лицо его освещалось неожиданно нежной улыбкой. Он не только любил мать, но и не считал нужным это скрывать.

«Четверо детей, – думал Илюшин, опершись о забор и слушая крики и удары мяча, – но двое из них замкнуты друг на друга, что совсем неудивительно для близнецов. Старшая дочь сама по себе, к тому же – разочарование для матери: с ней не поговоришь по душам, она живет в своем мире, который слишком сильно отличается от мира Эльвиры Леоновны, чтобы мог быть ей интересен. Остается младший ребенок, самый любимый и заласканный, оправдывающий материнские ожидания. Она им гордится, конечно...» Макар вспомнил, с каким чувством Шестакова рассказывала о том, что Эдуард работает помощником депутата. Он снова бросил взгляд в окно, но Эльвира Леоновна уже скрылась внутри.

Илюшин отказался от предложения братьев составить им компанию и зашел в дом. Эля спустилась по лестнице, порозовела при виде его и зачем-то объяснила, что идет за выпечкой к ужину. У Макара на языке вертелся язвительный вопрос, но он проглотил его и даже сделал вид, что забыл об их разговоре накануне.

Было очевидно, что обследовать дом опять не удастся.

Илюшин лег на кровать, устался на зеленые стены и попытался думать о деле, но перед глазами его вставало смеющееся лицо Ксении Ильиничны и вертелось в голове воспоминание о том, как она танцевала нагишом, наклоняясь в стороны, запрокидывая голову и кружась. В конце концов Макару надоело бороться с самим собой, и он позвонил ей с предложением поужинать в одном из ресторанчиков, но в ответ услышал, что Ксения занята до позднего вечера. Она не скрывала сожаления, и Илюшина в который раз поразило ее нежелание играть в какие бы то ни

было игры, устраивать ритуальные танцы вокруг друг друга, создавать искусственные препятствия, чтобы затем успешно их преодолеть. Макар не мог понять, нравится ему это или нет, поскольку за последние годы он привык к другим отношениям. В этих других тоже была простота, но она имела иную природу. То была откровенность людей, которым ничего друг от друга не нужно, кроме постели, успешно заглушающих сексом, словно бокалом хорошего коньяка, чувство тоски и одиночества, а еще – смутное ощущение, что чего-то недодали, чем-то обделили... Что нужно от него Ксении Пестовой, Илюшин не мог понять, и это его тревожило.

Когда зазвонил телефон, он взглянул на экран и тут же переключился с мыслей о Ксении на свое расследование. Потому что звонил Сергей.

– Какие новости, мой неторопливый друг? – живо спросил Макар. – За прошедшее время можно было узнать о судьбе половины жителей славного города Тихогорска.

– Твое счастье, что у меня есть резиденты во всех странах, – обрадовал его Бабкин. – Только до Уругвая я пока не добрался, а все остальные охвачены. Имей ты дело с кем-нибудь другим, ждал бы еще месяц, прежде чем узнать судьбу мадам Шестаковой.

– Славословия в собственный адрес закончены? Будем считать, что с саморекламой ты справился на отлично. Что насчет мадам?

– Учусь у тебя. А что касается мадам, то Роза Леоновна скончалась в девяносто третьем году – где бы ты думал?

Илюшин мгновенно вспомнил разговор с Валентином Корзуном. «Уезжал – жила по соседству красавица Роза Шестакова, приехал – нет красавицы! Где, спрашиваю? Уехала в Израиль – вот и весь разговор».

– В Израиле, – вздохнул он.

– Э, я так не играю! – возмутился Бабкин. – Ты все знаешь и без меня. Зачем, спрашивается, я докапывался до Миши Кроткого и его израильских коллег, а?

– Я не знал, что она умерла. В девяносто третьем году? Получается, прошло всего два года после ее переезда... Смерть была насильственной?

– Нет, насколько известно. Ты сам понимаешь, что нельзя исключать хитро замаскированное убийство, но по той информации, что есть у меня, Роза Шестакова скончалась в больнице.

– Неплохо было бы узнать, от чего она лечилась.... – задумчиво проговорил Илюшин.

– Не требуй невозможного. Конечно, это можно сделать, но затраты будут слишком велики... Макар, неужели ты настолько глубоко влез в это дело?

– Я сам не пойму, насколько влез и чего можно ожидать, – признался Илюшин. – Но пока мне совершенно не ясна подоплека всех происходящих здесь событий. А пару явлений я и вовсе не могу объяснить.

– Каких, например? – заинтересовался Сергей и тут же добавил: – Подожди, не отвечай. Где ты сейчас находишься?

– В комнате.

Бабкин помолчал немного, затем осторожно сказал:

– Ты уверен, что в номере нет простенького подслушивающего устройства? Может, продолжим разговор, когда ты выйдешь на улицу?

– Не имеет смысла. Если кто-то хочет узнать, чем я здесь занимаюсь, пусть узнает. Возможно, это даже будет мне на руку.

– Ну, тебе виднее, – не стал спорить Бабкин. – Так о чем мы говорили? О том, что есть явления, которых ты не можешь объяснить. Что это значит?

– Что-то вроде слуховых галлюцинаций, – неохотно признался Макар.

– Тех звуков, которые ты слышал ночью?

– И это тоже. Но для дыхания я нашел объяснение – точнее, ты его нашел. Кое-чему другому найти не могу.

– Макар, ты сам рассказывал, что дом старый... – осторожно напомнил Сергей, слыша по голосу Илюшина, что тот не на шутку раздражен. – Там могут быть такие особенности конструкции... Не слишком ли большое значение ты придаешь тому, что называешь слуховыми галлюцинациями?

Илюшин поморщился, но деваться было некуда.

– Не только слуховыми.

– В смысле? Подожди... Ты хочешь сказать... Черт возьми, Макар, почему я все тащу из тебя клещами?! Объясни, в конце концов, что там у тебя происходит?

Поколебавшись, Илюшин кратко описал события последних дней. Вердикт внимательно выслушавшего его Бабкина был прост:

– Все, что ты описываешь, – банальный розыгрыш. Макар, ты ведь не хуже меня понимаешь, как несложно при желании изобразить все эти... спецэффекты. Нужно лишь выяснить, кому понадобилось тебя разыгрывать.

– Да знаю я, что это либо розыгрыш, либо случайность....

– Тогда чему ты не можешь найти объяснение?

Прижатому к стенке Илюшину пришлось признаться, что ничему.

– Должно быть, от этого мне и лезет в голову всякая ерунда и чертовщина, – нехотя сказал он. – У меня было предположение, что эмигрировала не Роза, а Эльвира, но здесь никак не могло обойтись без участия детей, а это я исключаю.

– Почему?

– Потому что в девяностом году старшей девочке было около девяти. Остальные младше ее всего на несколько лет. Все они были слишком маленькими для того, чтобы быть соучастниками преступления, если таковое имело место, но слишком большими, чтобы оно могло пройти мимо них незамеченным. Я бы еще мог поверить в то, что трехлетний ребенок не заметит подмены собственной матери, но шестилетний... Нет, это ерунда.

– А что навело тебя на мысль, будто могла иметь место подмена?

– Объективно – ничего. Кое-какие смутные ощущения. Но, кроме них, у меня нет ничего серьезного.

Сергей подумал, посопел в трубку и предложил:

– Мне приехать?

– Нет, пока не надо. Допускаю, что мне все же придется связаться с местной милицией, но это крайний вариант. Если она сама раньше не захочет со мной пообщаться.

Он невесело усмехнулся, вспомнив Никиту Борзых и его подругу.

– Ты о чем? – насторожился Бабкин.

– Потом расскажу. Не телефонный разговор.

– Макар, ты сам на себя не похож, – откровенно сказал Сергей. – Уверен, что мне не нужно приехать?

– Пока – да. И, раз уж с Розой Леоновной ничего не получилось, найди мне координаты еще одного человека. Зовут его Антон Соколов, хирург, ему сейчас должно быть чуть больше пятидесяти лет. Проживает в Анненске – или, во всяком случае, жил там в девяностом году.

– Это все данные? – скептически спросил Бабкин. – А золотую рыбку тебе вытащить из пруда не нужно?

– Ладно, узнаю год рождения и отчество, – рассмеялся Илюшин. – Не уверен, что стоит показывать свой интерес к этому человеку, но, похоже, выбора у меня не будет.

– Точно не будет. Ты представляешь, сколько Антонов Соколовых проживает в этом твоём Анненске? Не говоря о том, что его вообще невозможно найти, если он переехал в другой город.

– Убедил, убедил... Вечером побеседую с соседом Шестаковых – он неплохо осведомлен о том, что происходило в Тихогорске в те годы.

Илюшин помолчал и добавил:

– Да, и вот еще что... У Татьяны Любашиной осталась дочь по имени Соня. Разущи о ней все, что сможешь. Где живет, чем занимается – в общем, максимум данных.

– Это займет много времени, – предупредил Сергей. – И вряд ли я смогу по одному только имени узнать то, что ты просишь.

– Постарайся.

Поговорив с Сергеем, Макар закинул руку за голову и прикрыл глаза, прокручивая перед мысленным взглядом то, что случилось за последние дни. Незаметно для себя он провалился в дремоту, и в полусне Макару казалось, что он поднимается вверх по лестнице, на которой ступеньки рассказывают историю дома – каждая на свой лад, – и все они перебивают друг друга, и ему не остается ничего иного, кроме как топтать по каждой, чтобы они замолчали. В конце лестницы его манила к себе приоткрытая дверь, из которой почему-то тянуло манной кашей, хотя Илюшин точно знал, что манки в этом доме днем с огнем не найти. Взойдя на очередную говорливую ступеньку, он снова топнул изо всех сил, и этот звук заставил его проснуться.

Илюшин открыл глаза, и ему потребовалось немного времени, чтобы сообразить: ступеньки ему снились, а вот звук был реальным. Жмурясь, он подошел к окну, отворил створку и выглянул наружу как раз вовремя для того, чтобы увидеть Элю Шестакову, торопливо удалявшуюся по дороге в сторону школы.

Сонливость Макара как рукой сняло. Рубашку он застегивал уже за дверью комнаты, бесшумно пробегая по коридору и стараясь спуститься по лестнице по возможности неслышно. Ступеньки все же скрипнули, но не так, как в его сне, и никто не вышел ни из столовой, ни из других комнат – к большому облегчению Илюшина. Выскочив наружу, он перешел на другую сторону улицы и последовал за девушкой, соблюдая большую дистанцию.

Слежке Макара никто не учил, но здравый смысл подсказывал держаться поближе к местам возможного укрытия. К вечеру жители города потянулись на прогулку, и Илюшин перестал опасаться, что окажется на улице один как перст, привлекая к себе внимание местных собак.

Эля шла быстрым шагом, не оборачиваясь. Длинная розовая юбка завивалась вокруг пухлых ножек, серая свободная блузка в крупный горох колыхалась при ходьбе. Из волос, собранных в пучок, вылезла длинная шпилька, и Илюшин побаивался, что шпилька выпадет и старшая дочь Шестаковой обернется.

Но Эля не оборачивалась. Она вышла к остановке и направилась по аллее, по которой Макар сегодня уже проходил. Илюшин насторожился – по всему выходило, что идет она к той самой школе, в которой, по

уверению двух преподавательниц, сейчас занимается кружок театральной студии.

Словно для того, чтобы усилить его сомнения, Эля взмахнула пакетом, и Макар разглядел в нем цветные клубки шерсти. Все говорило о том, что его вылазка бессмысленна – Шестакова явно торопилась на занятия. Уверенным шагом она прошла в ворота, взбежала на крыльцо школы и лишь перед тем, как войти в здание, быстро обернулась и скользнула взглядом по дороге.

Илюшин прижался к ближайшему столбу и постарался слиться с рельефом местности. Не заметив его, девушка вошла внутрь, и дверь за ней закрылась. Макар постоял в раздумье, пора ли ему расписываться в собственной глупости или подождать, но решил подождать и отошел в сторону – туда, где за кустами на ржавых качелях качались дети и мамы дежурили возле песочницы, окликая своих перепачканных чад и запрещая им сидеть на холодной земле. Заросли скрывали его, позволяя видеть, что происходит возле школы.

Прошло не больше пяти минут – и Эля снова показалась на крыльце. Макар встрепенулся, подошел чуть ближе, не отрывая от Шестаковой глаз, и похвалил себя за то, что не ушел сразу. Оглядев школьный двор, Эля спустилась вниз, вышла из ворот и тут же свернула в переулок, начинавшийся за аллеей. Макар последовал за ней.

Теперь у него не осталось сомнений, что визит в школу был обманным маневром, рассчитанным на потенциальных наблюдателей. Его сильно занимал вопрос, не является ли он сам в глазах Эли этим потенциальным наблюдателем и когда он успел себя выдать, но времени размышлять над этим у Макара не было – девушка шла быстро, и ему приходилось почти бежать за ней, чтобы не отстать в лабиринте улочек. Переулки, перетекающие один в другой, были Илюшину незнакомы, но он понимал, что они идут в направлении дома Шестаковых, только кружным путем. Этот маневр был ему непонятен, но гадать он не видел смысла – судя по тому, как деловито двигалась девушка, у нее имелась своя цель.

Десять минут спустя, миновав двухэтажные дома, они вышли к деревянным двухэтажным сараям – длинным и старым, стоявшим в три ряда, с большими амбарными замками на каждой двери, пронумерованной мелом. Макар не видел таких очень давно, и на секунду в голове его мелькнуло фантастическое предположение, что Эля пришла сюда за мешком картошки. Или велосипедом – много лет назад в похожем сарае родители Илюшина хранили его детский велосипед.

Но Эля не достала ключ, чтобы открыть дверь с меловым номером, а

скользнула по узкой тропинке в почти незаметную щель между соседними сараями. Подождав, Макар последовал за ней. Впереди зашуршали кусты, запахло водой и тиной, и, пройдя несколько шагов и оставив деревянных ископаемых за спиной, Илюшин очутился возле заросшего водоема, который когда-то был маленьким прудом, но последние годы неумолимо превращался в большую лужу. Розовая юбка уже мелькала в зарослях боярышника на другом берегу, и, пригибаясь и прячась в кустах, Макар заторопился следом.

Тропинка привела его к дощатому забору, окружавшему белый каменный дом. Задняя калитка была приоткрыта, и Илюшин разглядел на земле следы каблуков, уводившие в глубь сада. Он уже понял, куда пришла Эля и зачем ей понадобилось делать такой круг, но все-таки должен был проверить. «В конце концов, она может встречаться там не с ним, а с кем-то другим».

Начинало смеркаться, и корявые яблони отбрасывали длинные страшноватые тени на клумбы тюльпанов и нарциссов, благоухающих на весь сад. Прокравшись между побеленных стволов, Макар остановился возле распахнутого окна, за которым качалась прозрачная кисейная занавеска, и, выждав с минуту, осторожно заглянул внутрь.

Эля и Валентин Ованесович стояли возле двери. Мужчину, обнимавшего девушку, Макар видел только со спины, но счастливое запрокинутое лицо Эли, на котором проступили яркие веснушки, он разглядел очень хорошо. Руки ее гладили спину Корзуна, она льнула к нему, а он, наклонив голову, что-то шептал ей на ухо. Девушка тихо ответила, и низкий хрипловатый смех Валентина Ованесовича прозвучал в тишине комнаты.

– Голубка моя! – услышал Илюшин его голос. – Девочка... Счастье мое!

Вздых, негромкий стон, шуршание одежды... Макар, не испытывавший тяги к вуайеризму, отодвинулся от окна и выбрался из сада тем же путем, каким пришел. Больше ему выяснять было нечего.

Возвращаясь в дом Шестаковых, он ощущал что-то вроде удовлетворения: все-таки Эля Шестакова нашла свой способ выбраться из-под гнета матери, и способ этот оказался чисто женским.

Поздно вечером Макар позвонил Ксении и услышал, что день у нее прошел нормально, никто ее не преследовал и не подстерегал возле дома.

– Я по тебе соскучилась, – сказала Ксения, а затем кто-то мяукнул в трубку. – Люцифер говорит, он тоже соскучился. Как у тебя дела?

– Все в порядке, – ответил Илюшин, вспомнив лицо Эли Шестаковой. – Узнал сегодня много нового.

– В «Залежном»? – В голосе Ксени проскользнула озабоченность. – Ты разговаривал с врачами?

– Нет, это не связано с санаторием. Так... из повседневной жизни.

– Если из повседневной жизни, то я тоже узнала кое-что новое. Например, что в центре открылось новое кафе, называется «Аквариум». Я тебя туда завтра приглашаю.

Илюшин слышал по голосу, что она улыбается.

– Нет, так не пойдет, – наотрез отказался он. – Давай переиграем: ты скажешь все то же самое, кроме последней фразы. Начинай.

– Если из повседневной жизни, то я тоже узнала кое-что новое, – весело повторила Ксения. – Например, что в центре открылось новое кафе, называется...

– «Аквариум», – подхватил Макар. – Кстати, я тебя приглашаю посидеть там завтра. Как насчет вечера? Около шести?

– Согласна! Только лучше в пять, к родителям вечером придут гости, нужна будет моя помощь.

– Я заеду за тобой в половине пятого, – подытожил Илюшин, не любивший долгих телефонных разговоров. – Спокойной ночи.

Ксения помолчала, затем позвала в трубку:

– Макар?

– Да?

– А как звали кота, который был у тебя в детстве?

Илюшин хотел спросить, откуда она знает о коте, но не стал. Он постепенно отвыкал удивляться, имея дело с Ксенией Ильиничной.

– Его звали Кот, – сказал он, помолчав, вспоминая рыжего полосатого верзилу, приبلудившегося в их подъезд стылым январским вечером. – Кот Иванович. А фамилия у него была – Прохиндей.

Она рассмеялась, и в ответ на ее смех в глубине комнаты раздалась певучая кошачья трель.

– Я тебя жду завтра, – сказала Ксения. – Хороших снов.

Положив трубку, Макар постоял, вспоминая рыжего зверя, которого он безжалостно тискал в детстве, а тот покорно терпел, хоть и мяукал. Решение завести нового кота, обязательно рыжего, пришло ему в голову само собой, хотя многие годы он даже смотреть не мог на рыжих котов и кошек – отворачивался, и новая память, выращенная взамен старой, подсказывала, что он просто не любит животных – не любит, и все тут.

– На время отъездов буду оставлять Заре Ростиславовне, – вслух

сказал Макар.

Он быстро уснул, и ни один призрак прошлого не тревожил его в эту ночь.

На следующий вечер он вернулся из кафе, проводив Ксению Ильиничну, постояв с ней в саду и позорно сбежав, когда из дома вышел ее пожилой отец и раскатистым басистым голосом позвал: «Ксения-я-я! Ты пришла?» Ксения, прыснув от смеха, помахала Илюшину рукой, и он, перемахнув через ограду и ощущая себя мальчишкой, рванул к остановке.

В доме Шестаковых ужинали. В коридоре Илюшин наткнулся на Эльвиру Леоновну, которая шла к столовой с подносом в руках, а на подносе умещались графин с наливкой рубинового цвета и маленькие хрустальные рюмки, искрившиеся на свету.

– Макар Андреевич, вы вовремя! Сегодня Лариса сдала на права, и мы решили отметить это радостное событие. Надеюсь, вы к нам присоединитесь?

Илюшин учтиво ответил, что, конечно же, присоединится и будет очень рад поучаствовать во всеобщем торжестве.

Войдя в столовую, он обнаружил всех детей Шестаковой в сборе. Лариса с усталым, но довольным лицом сидела, откинувшись на спинку стула, и слушала разговор Эдуарда и Леонида, проводивших сравнительный анализ достоинств иномарок различных моделей. Эля, подперев подбородок ладонью, смотрела на сестру, но взгляд у нее был отрешенный. Илюшина обе поприветствовали одинаково радушно, и Лариса ничем не выдала, что она помнит об их ночной встрече, а Эля не показала, что совсем недавно просила Макара уехать из этого дома. Эдуард кивнул гостю и продолжил нравоучительным тоном указывать на ошибки, допущенные братом, а тот в ответ широко зевнул, отчего Эдуард завелся еще больше.

– Не спорьте, не спорьте, – остановила обоих Эльвира Леоновна, и братья беспрекословно свернули тему.

Илюшин в который уже раз подумал о том, какое большое влияние имеет мать на своих уже выросших детей. Машины и Лариса его не интересовали, и, подождав, когда беседа войдет в подходящее русло, он спросил:

– Эльвира Леоновна, а отчего окно одной из комнат на первом этаже всегда закрыто ставнями?

Вместо матери живо ответил Леонид:

– Там устроили склад старой мебели. На чердак ее не поднять, а

выкидывать жалко.

– Совершенно верно, – кивнула Шестакова. – Например, до одного комода у меня никак не доходят руки – его надо бы отреставрировать, и получится прелестная вещь, весьма функциональная. Или взять книжный шкаф! Для большинства комнат он очень велик, к тому же гостям не нужно, чтобы мебель загромождала пространство – ведь комнаты и без того небольшие. Но расстаться с ним я не в состоянии – он дышит старыми книгами, и мне иногда кажется, будто шкаф их даже читал и стал куда начитаннее, чем я.

Все рассмеялись. Эльвира Леоновна улыбнулась и пожала плечами.

– Но до того, как сделали склад, там жили, – невпопад сказала Эля, и все посмотрели на нее. – Я имею в виду, там останавливались гости, – словно оправдываясь, добавила она. – Например, тот художник... Помнишь, мама?

– Помню, конечно, – с неудовольствием отозвалась Эльвира Леоновна. – Весьма утомительный гость – вечно ноющий, переживающий за свое здоровье по любому пустяку, требующий ухода, как ребенок. Жаловался на...

Она вдруг замолчала. Молчание длилось не больше пары секунд, и его тут же нарушил Эдуард:

– Жаловался на то, что машины шумят за окном.

– Да-да, – с едва заметным облегчением подтвердила Эльвира Леоновна. – Жаловался на шум. Я уже и забыла об этом...

– А я его помню, – задумчиво сказала Эля. – Он был совсем не похож на художника – такой маленький, толстенький, шишковатый, как картофелина.

Она улыбнулась.

– А почему после него из комнаты сделали склад? – заинтересовался Макар.

Снова наступило молчание, которое, продлившись оно на секунду дольше, можно было бы смело назвать неловким.

– Потому что для вещей не хватало места! – объявила Лариса, отправляя в тонкогубый рот дольку яблока. – Послушайте, Макар Андреевич, неужели вам действительно так интересно, кто жил в этом доме? Мы уже сами давно забыли, кто, когда и зачем сюда въезжал. Здесь столько помещений! Вы бы еще попросили перечислить поименно всех, кто останавливался в вашей комнате! И доску повесить на стену – мемориальную. «Здесь в мае две тысячи восьмого года был проездом Макар Андреевич».

Она рассмеялась, оглядывая остальных, словно приглашая их тоже повеселиться над неумемным любопытством гостя.

– А я вот помню, кто там жил, – с неожиданным упрямством сказала Эля, и смех Ларисы оборвался. – Там жила Танюша! Татьяна Любашина, – пояснила она для Макара. – К сожалению, у нее была трагическая судьба.

– Ну да, – фыркнула Лариса. – Трагическая судьба путаны!

– Ты не можешь этого знать! – отрезала Эля, и Леонид с Эдуардом переглянулись, удивленные несвойственной старшей сестре резкостью. – Тебе было всего семь лет, когда она умерла.

– Но я уже тогда была умнее тебя и лучше разбиралась в людях!

– Лариса!

Строгий оклик Эльвиры Леоновны заставил обеих девушек замолчать. Эля покраснела, но в глазах ее горело упрямство. Лариса небрежно закинула ногу на ногу, довольная тем, что оставила за собой последнее слово.

– Простите их, сегодня все немного возбуждены, – извинилась Эльвира Леоновна перед Макаром. – В самом деле, я сейчас тоже вспомнила – в той комнате жила Татьяна Яковлевна. Точнее, в двух, но после ее смерти одну комнату фактически превратили в сарай, и пройти в нее из дома теперь нельзя. А вторая – да, заколочена. Татьяна, Татьяна... Несчастливая женщина, не вполне здоровая. У нее была тяжелая жизнь. Думаю, то, что в последние годы принято называть послеродовой депрессией, сыграло свою трагическую роль – Таня покончила с собой. Утопилась.

Шестакова вздохнула.

– Это очень печальная история, и я отчасти чувствую свою вину в том, что произошло. Никому из нас не нравилась Любашина. Мы были молоды, жестоки и – что скрывать, Макар Андреевич! – эгоистичны, как большинство женщин. Уверяю вас, когда у тебя четверо детей, становится не до того, чтобы помогать другим несчастным. Мне тогда казалось, что Любашина презирает нас с сестрой, и все ее поведение только подтверждало это. Она была несколько... э-э-э... легкомысленна и всячески задирала мужчин, приходивших к нам в гости, – так что в конце концов все они стали ее избегать, чтобы не попадать в неловкое положение. Лишь много лет спустя мне пришло в голову, что, возможно, Татьяне страстно хотелось попасть на наши вечера – как-никак у нас бывали известные люди, умные, образованные, интересные... Но она скрывала свое желание под маской напускного презрения. Увы, у меня не хватило мудрости это понять.

– Мама, ты ни в чем не виновата! – возмутился Эдуард, бросив рассерженный взгляд на Элю.

– Нет, Эдя, виновата. Я хорошо помню один вечер – за три дня до того, как случился тот ужас. Я тогда испекла пирог, и мне взбрело в голову угостить им Татьяну. Вот я и спустилась к ней на первый этаж...

* * *

1990 год, конец января.

Пирог они вдвоем с Розой испекли из остатков антоновки, долежавшей до января, в надежде, что к ним заглянут Антоша с Борей Чудиновым. До субботы было еще несколько дней, но иногда Соколов заходил просто так, без всякого повода, зная, что ему всегда рады в этом доме. Солнечный, обаятельный, улыбчивый, по-мальчишески беззаботный, он наполнял дом шутками и весельем, подтрунивал над Чудиновым, возился с детьми, без обиды принимал покровительственное отношение сестер, выражавшееся в ненавязчивой опеке. По молчаливой договоренности Эльвира и Роза не разговаривали между собой о Соколове, а с ним каждая общалась так, чтобы не выставить себя на посмешище, если окажется, что Антоша все же влюблен в другую сестру.

За год, прошедший с его первого визита в дом Шестаковых, он стал у них совершенно своим. «Прижился Антоша, пригрелся», – шутил рыжий Чудинов. Антоша и вправду прижился и по многим серьезным вопросам – если не по всем – советовался с Эльвирой и Розой, признавая за ними практическую сметку, ум и находчивость. Единственной темой, которую он никогда с ними не обсуждал, была его профессиональная деятельность.

Весь вечер у Эльвиры сладко ухало сердце в предвкушении того момента, когда снизу раздастся звонок – один длинный, один короткий – и красивый баритон Соколова разнесется по лестнице. На Чудинова она не обращала особого внимания, воспринимая его как безобидный, а временами и небесполезный придаток к Антону, и иной раз даже не могла вспомнить, приходил ли он за компанию с Антоном или нет. Боря был такой ручной, такой незаметный... Все мужчины рядом с Соколовым казались ей незаметными.

Когда часы показали десять, Эльвира поняла, что Антон не придет. С досадой посмотрела на кусок пирога, лежавший на белой салфетке и пахнувший печеным яблоком, корицей и ванилью, и вдруг приняла решение. Давно следовало приручить Таньку Любашину – она отравляла

существование всему дому, драной кошкой проскальзывала на общую кухню, вытаскивала из холодильника кастрюльку с жалким жидким супом, быстро подогрела и уходила есть к себе в комнату, не говоря ни слова присутствующим. Ребенок, слава богу, был у нее тихим и никому не мешал.

Поколебавшись немного, не оставить ли кусок пирога детям, Эльвира в конце концов решила, что завтра испечет для них новый, а одного куска на четверых все равно не хватит. Тем более нельзя было упустить такой повод рассмотреть, как живет Танька и на кого же похожа ее грудная дочь – поговаривали, что на директора музыкального театра, которого Эльвира Леонова неплохо знала.

Прижимая к себе тарелочку, Эльвира спустилась на первый этаж, подошла к крайней двери и прислушалась. За дверью разговаривали. Некоторое время она стояла с тарелкой в руках, затем не выдержала и постучала.

Танькин голос сразу утих. Затем за дверью прошлепали шаги, и Любашина подозрительно спросила:

– Чего? Кто там еще?

– Это я, Эльвира. Открой, Тань!

Любашина открыла, но Эльвиру внутрь и не подумала пустить, а протиснулась в дверь и остановилась перед ней. Исхудавшая, с чуть косыми глазами, она вызывающе смотрела на Шестакову снизу вверх. Истрепанная мятая рубашка на Таньке была надета задом наперед, и ткань обрисовывала выпуклые соски на маленькой груди. Синие трико пузырились на коленях, и Эльвира с брезгливостью подумала, что соседка всегда проявляла поразительную безалаберность в одежде.

– Чего тебе? – хрипло спросила Любашина, тревожно поглядывая на дверь, за которой спал ребенок, и по привычке кусая нижнюю губу.

– Таня, я тебе пирог принесла. Угощайся.

И протянула блюдце с пирогом. Танька не раздумывала ни секунды:

– Лучше детей своих накорми! Я в твоих подачках не нуждаюсь.

– Точно! – не сдержалась Эльвира. – Все, что тебе надо, ты сама возьмешь!

Танька прищурилась, хотела что-то сказать, но тут в комнате захныкал младенец, и она повернулась к Эльвире бесстыже обнаженной тощей спиной, на которой сиротски болтались незастегнутые полы рубашки, и закрыла дверь перед ее носом.

Шестакова постояла, дожидаясь, не откроют ли снова. На тарелке у нее лежал кусок пирога, но Эльвира ощущала себя так, будто сама пришла за милостыней. «А милостыни-то и не дали!» Она усмехнулась одним ртом,

и в глазах ее не было ни веселья, ни даже насмешки.

Коридор на первом этаже вдруг показался ей длинным, невероятно длинным, а загустевшая темнота, едва разбавленная слабым светом лампочки, бесконечной. Аромат пирога словно растворился в запахе пыльного коридора, деревянных стен, сквозняка, обтекающего голые ноги, несущего с собой выстуживающий холод зимней ночи. На тарелке лежал не пирог, а муляж – увядший, съезжившийся, и во взгляде Эльвиры мелькнуло слабое удивление: о чем она думала, когда несла свое подношение Татьяне? Кто согласился бы взять эти объедки? Даже «драная кошка» отказалась от них...

Она увидела себя со стороны: красивая белокурая женщина, похоронившая мужа, оставшаяся с четырьмя детьми, которых она родила не столько потому, что дети приносили ей счастье, сколько потому, что это оказалось неожиданно легко... Роза как-то бросила в упрек, что она рождает как кошка, – это было почти правдой, и оттого Эльвира разозлилась, стала доказывать, что роды давались ей тяжело, завелась и в очередной раз поскандалила с сестрой. Это было неумно. Выяснять отношения с Розой было то же самое, что скандалить с непослушным ребенком. К тому же Эльвира всегда могла подчинить ее своей воле, и этим все их споры и заканчивались: поначалу Роза сопротивлялась, могла и захныкать, но после сдавалась, полностью признав правоту Эльвиры. Иногда Эльвира думала, что сестра не способна принять никакое самостоятельное решение и мужчин выбирает неправильных именно затем, чтобы не связывать себя браком и до конца жизни полагаться на сестру, верность решений которой уже проверена временем.

Белокурая женщина с детьми и взбалмошной сестрой... Она уже начинает стареть, а время идет, утекает, сквозняк уносит его с собой и хоронит под белым саваном. Она стоит одна: белая маленькая фигурка в большом доме, где не слышно детей – они уже уснули, и не видно взрослых – они прячутся за дверьми. Дети будут расти, превратятся во взрослых, и голоса их умолкнут, когда они разъедутся один за другим... А она останется одна – без детей, без мужчины, с легковесной сестрой, живущей так, словно она пятый ребенок на Эльвириных руках. Старость превратит ее лицо в кусок сморщенного пирога, и у нее не будет даже защиты от зеркала, хотя зеркало можно закрыть, но чем закрыть лицо, которое хуже, чем отражение? Лицо, повторяющее твои черты?

Эльвира молча отошла от двери соседки, поднялась по лестнице наверх, проверила спящих детей, оставив ненужный пирог на холодном подоконнике. Взглянула на часы – половина одиннадцатого. За прошедшие

полчаса она словно прожила полтора десятка лет своей жизни, и в голову ей со всей очевидной беспощадностью пришла мысль о том, что она упустила время, драгоценное время, пока играла с Розой в благородство и не говорила ни слова об Антоше Соколове. «Больше года. Больше года. Больше года».

Она повторяла про себя эти слова, пока шла к комнате сестры. Войдя, повернулась к Розе, читавшей на диване, и та, увидев ее лицо, отложила книгу и начала подниматься.

– Я хочу поговорить с тобой об Антоне, – очень тихо сказала Эльвира. – Сядь. Разговор будет долгий...

* * *

– А через три дня после этого незначительного происшествия Татьяна покончила с собой, – закончила Шестакова, тяжело вздохнув. – И я долгое время потом вспоминала, как она вышла мне навстречу, вся оцетинившаяся, несчастная, в каких-то изодранных трико, висевших на коленках, и в этой дурацкой рубашке, надетой шиворот-навыворот. Я слишком легко тогда сдалась! Можно было поговорить с ней, попробовать достучаться до ее ожесточенного сердца... Увы, я этого не сделала. Мне хватало своих забот. А дети были слишком маленькими, чтобы что-то понимать.

– Я понимала, – проговорила Эля, ни на кого не глядя, вертя связку дверных ключей, которую Макар часто видел у нее в руках. – Я понимала, что она меня любит. И я тоже ее любила.

После ужина все постепенно разошлись. Эльвира Леоновна, сославшись на приступ начавшейся мигрени, попрощалась с Макаром первой и удалилась, нежно придерживаемая под локоть Эдуардом. За ними, немного выждав для приличия, ушла Лариса, безразлично улыбнувшись Илюшину на прощание. Эля, как показалось Макару, хотела что-то ему сказать, но бросила взгляд на Леонида, расправлявшегося с остатками холодной куриной ноги, и передумала – вытерла полотенцем посуду, расставила по местам и незаметно ускользнула – так тихо, словно ее и не было в комнате и никто не повышал голос на Ларису, не вспоминал о несчастной самоубийце Татьяне Любашиной.

Илюшин вспомнил о своем намерении понаблюдать за Леонидом и остался. Несколько минут они вели ничего не значащий разговор, затем

Макар решил спросить о том, что его действительно интересовало.

– Я видел в ящике стола фотографию... – осторожно начал он. – Не знал, что ваша мама с сестрой так похожи.

Он пристально наблюдал за Шестаковым, но выражение красивого лица не изменилось. Леонид кивнул, вялым движением руки отбросил упавшую на глаза челку.

– Да, они близнецы. Смешно, но тетя Роза запомнилась мне невероятной красавицей, просто сказочной. А вот маму я так не воспринимал.

Он рассмеялся высоким смехом, покачал головой, будто удивляясь самому себе.

– И между прочим, нам, детям, они совсем не казались похожими. Нам с Ларкой всегда было странно, когда кто-то упоминал о сходстве мамы и тети. Мы даже просили Розу причесываться иначе – нам не хотелось, чтобы их путали.

– А где ваша тетя сейчас? – Вопрос Илюшина прозвучал невинно, как обычное любопытство.

– Она умерла, довольно давно. Несколько лет прожила в Израиле, и у нее диагностировали рак. Сгорела буквально за несколько месяцев.

– Сочувствую вашей маме, – очень серьезно сказал Макар.

– Для мамы тетя Роза стала отрезанным ломтем куда раньше – тогда, когда оставила ее одну с четырьмя детьми, а сама рванула за хорошей жизнью, – откликнулся Леонид. – Поэтому ее смерть, в общем, ничего особенно не изменила. Они после отъезда тетки почти не общались – так, отправляли друг другу письма на Новый год и дни рождения... И все. Была у нас тетя – да сплыла.

«Уезжал – жила по соседству красавица Роза Шестакова, приехал – нет красавицы!» – в который раз вспомнил Илюшин. – Занятно.

– Почему же ваша мама не уехала вместе с сестрой? – словно размышляя вслух, спросил он.

– Никогда не вдавался в такие подробности. – Леонид поднялся со стула с выражением плохо скрытой скуки на лице. – По-моему, мать и не думала никуда уезжать, а тете Розе хотелось новой жизни, хотелось бежать отсюда...

Он уже стоял у двери, когда Макар спросил в широкую спину:

– А вашу соседку вы помните? Ту, о которой сегодня рассказывала ваша мама?

– Таньку-то? Помню, хотя и смутно. Шалава и шалава. Нечего ее вспоминать.

Леонид приоткрыл дверь, загородив спиной проход, и Макару показалось, что по коридору метнулась чья-то тень. Он привстал, но Шестаков пожелал ему на прощание спокойной ночи и боком проскользнул в коридор, плотно прикрыв за собой дверь. Илюшин остался один.

Допив чай, он уже собрался уходить, но тут взгляд его упал на поверхность разделочного стола возле раковины, и со смешанным чувством недоверия и радости Макар заметил связку ключей, забытых Элей. Брови его полезли вверх... Он вмиг очутился возле раковины, от души надеясь, что в ближайшее время девушка не вспомнит о потере, и опустил ключи в карман. Они оказались тяжелыми, и ему пришлось обернуть их носовым платком, чтобы ключи не позвякивали.

Оказавшись временным владельцем ключей, Илюшин вернулся на свое место и опустил на стул. Весь его вид говорил о том, что он совсем недавно закончил ужинать в хорошей компании, сейчас передохнет и поднимется к себе, в уютную зеленую комнату, где незамедлительно ляжет в кровать и уснет. Макар даже прикрыл глаза и начал раскачиваться на стуле, мысленно убеждая Элю лечь спать с воспоминаниями о Валентине Корзуне, чтобы они заслонили собой все хозяйственные хлопоты.

Выжидал он минут десять. Когда стрелка часов подползла к половине двенадцатого, Макар встал и выглянул наружу. Коридор казался тихим. С лестницы падал свет, и бархатная ткань на сундуке, стоявшем напротив двери, поблескивала, словно шкура хищного зверя.

Макар вышел из столовой и сделал несколько шагов в сторону лестницы. Его длинная тень скользила между светильниками на стенах.

Он остановился, прислушался, ожидая, что вот-вот распахнется дверь и Леонид высунет голову, проверяя, к себе ли идет единственный гость дома Шестаковых... Но ни Леонид, ни Эдуард не показывались. Илюшин вдруг сообразил, что он знает, где комнаты всех детей, но понятия не имеет, где комната самой Эльвиры Леоновны, и от этой мысли ему стало не по себе.

Он провел рукой по лбу, отгоняя неприятное ощущение, и уже не колеблясь дошел до лестницы. Задержался лишь на несколько секунд, бросив взгляд вверх, чтобы убедиться, что и со второго этажа за ним никто не наблюдает. Все лампы горели, стояла тишина, и ни одна ступенька не скрипнула, когда он остановился возле самой нижней.

Илюшин усмехнулся: «Посторонний человек, оказавшийся здесь, пожалуй, сказал бы, что в этом скромном доме все в полном порядке». Оглянувшись, он вновь пошел по коридору, радуясь тому, что на нем не ботинки, а легкие кроссовки – мягкие, упругие, не издающие никакого

шума.

Дойдя до крайней двери, Макар остановился. Легонько толкнул ее – но, как и следовало ожидать, она оказалась заперта. Бросив взгляд влево и убедившись, что никого нет, Илюшин достал из кармана ключи и стал прикладывать к замочной скважине один за другим, крепко сжимая их в пальцах, чтобы не звякали.

Пятый подошел: самый простой, без фигурной бородки, матово-серый ключ. Он щелкнул два раза, проворачиваясь в замке, и дверь с шорохом отворилась, открывая взгляду густую темноту. Нащупав в кармане фонарик, Макар осторожно вошел в комнату и закрыл за собой дверь, повернув тусклую ручку. Стоило ему сделать это, и темнота навалилась на него со всех сторон, безмолвно изучила вошедшего и отползла в сторону – всего лишь на шаг, на расстоянии которого Илюшин еще мог рассмотреть очертания угла шкафа. Дальше начиналось черное.

Заколоченное окно не пропускало свет от фонаря на улице, и только из-под двери просачивалась узкая светлая полоска, которая и позволяла ему что-то увидеть в этой комнате, по уверениям Эльвиры Леоновны превращенной в склад мебели. Макар достал фонарик и нажал на кнопку. Большое бледно-желтое пятно прыгнуло на пол, высветив каждую трещину в досках, и Илюшин приглушил яркость, опасаясь, что снаружи будет заметен свет.

Эта комната была раза в два больше, чем его собственная. Она и в самом деле оказалась заставлена мебелью: шкафами, комодами, тумбочками – и зеркалами. К удивлению Макара, зеркала были не затянуты ни пленкой, ни тканью. Они просто стояли, прислоненные к стенам, – три зеркала, одно больше другого, и в них множились деревянные лакированные поверхности, отражавшие свет от фонарика. Подойдя поближе, Илюшин убедился, что поверхность зеркал покрыта ровным слоем пыли – но слоем очень тонким. Кто-то протирал эти зеркала не так давно, хотя кому и зачем это могло понадобиться, Макар не представлял.

Здесь, как и на чердаке, пахло пылью и чем-то напоминавшим аромат старых духов. Подойдя к одному из шкафов, Илюшин приоткрыл дверь и понял, откуда взялся запах: на полках, свернутые в тугие рулоны, лежали одеяла, а сверху – холщовые мешочки, от которых пахло резко, травянисто. «Лаванда. Видимо, Эльвира Леоновна предпочитает натуральные средства от моли».

Из любопытства Макар открыл соседнюю дверцу и обнаружил за ней уложенные друг на друга подушки, обернутые тускло поблескивающим в свете фонарика толстым целлофаном. За подушками виднелось что-то

темно-коричневое, мохнатое, собранное в ком: то ли шуба, то ли покрывало из искусственного меха.

Склад ненужных вещей... Илюшин обошел комнату по периметру, ловя свое отражение в пыльных зеркалах – черная фигура за ярким световым пятном. Два зеркала, большое и среднее, стояли у противоположных стен, и, когда Макар оказался между ними, бесконечные зеркальные коридоры раздробили его отражение на сотни уменьшающихся, будто убегающих от единственного реального Макара, черных фигурок с бликом в руке. Подойдя поближе, Илюшин рассмотрел длинную извилистую трещину на большом зеркале и удивился бережливости Эльвиры Леоновны, не выкинувшей его: вряд ли кто-то из гостей обрадовался бы треснувшему зеркалу в своей комнате.

Он снова обежал взглядом мебель, закрывавшую стены без единого просвета. Даже окно было загорожено желтоватым шкафом, похожим на книжный, – должно быть, подумал Илюшин, о нем и говорила Шестакова. Ссутулившиеся, как старики, скрывавшие в своих деревянных утробах барахло, накапливаемое годами, прячущиеся в темноте, не рассеивавшейся даже днем, эти предметы меняли очертания: стоило лучу фонаря перебежать с одного на другой, линии расплывались и терялись, и даже цвета становились другими. Книжный шкаф, как только Макар от него отвернулся, стал не желтым, а серым, а черная лаковая тумбочка, когда на нее упал свет, выставила напоказ темно-синюю поверхность и тут же снова перетекла в черный, словно хамелеон.

Зачем он оказался здесь, Илюшин мог ответить, и ответ его звучал бы кратко – из любопытства. Если можно было что-то выяснить, Макар предпочитал выяснять это, к тому же сегодня случай сам шел к нему в руки, и Макар не хотел его упускать. История о комнате с заколоченными окнами оставила у него недоумение и ощущение недоговоренности – впрочем, оно возникало почти всегда после разговора с любым из семьи Шестаковых. Однако Макар готов был допустить, что у Эльвиры Леоновны имелись свои хозяйственные резоны для того, чтобы превратить в мебельный склад именно это помещение, а не какое-либо иное.

Он не смог бы ответить на вопрос, почему не уходит отсюда. Казалось, здесь ему больше нечего делать: он убедился, что комната и в самом деле нежилая. Неясным оставалось, правда, зачем понадобилось заколачивать окно, но Макар был уверен, что этому найдется какое-то простое и логичное объяснение. Не в окне, вовсе не в окне было дело...

Странное ощущение постепенно овладело Илюшиным – он чувствовал, что вокруг него собирается, стягиваясь в узел, время и

мелькает обрывками картин в зеркалах: вот пробежали две невероятно похожие друг на друга женщины, отличавшиеся только прическами; вот маленькая пухлая девочка с некрасивым лицом смотрит на свое отражение, вертя в руках цветок одуванчика и улыбаясь во весь рот – она еще не знает, что некрасива; вот тихий рыжеволосый мужчина заходит в дом, с тоской глядит вслед кому-то... Вспоминая все, что ему рассказывали, Макар стоял, сосредоточившись, посреди угрюмой комнаты, лишенной того, что могло бы хоть немного оживить ее, – даже дневного света. Он выключил фонарик, сам не зная зачем, постоял, свыкаясь с темнотой, и тут ему стало не по себе.

Объяснить это Илюшин не смог бы, но точнее всего его ощущения передавались мыслью «я здесь не один». Трудно было представить человека, более далекого от идеи одушевлять вещи, но на долю секунды Макар всерьез пожалел о том, что зеркала ничем не закрыты: хоть он и стоял так, чтобы не отражаться в них, ему казалось, что из глубины зеркал на него кто-то смотрит.

Илюшин понимал: все дело лишь в том, что его глаза привыкли к темноте, но не мог избавиться от чувства, будто и темнота привыкла к нему и теперь бережно выкладывает перед ним свои игрушки, заманивая их фальшивым блеском. И эти шкафы с их полированными поверхностями... Обрадовавшись приходу человека, они поймали дверцами свет его фонарика, и свет застыл, словно стрекоза в янтаре, и уже не светил, а мертво посвечивал почти неразличимым тусклым сиянием.

Не выдержав, он снова включил фонарь и вздрогнул: с высокого зеркала на него упала тень с двумя крыльями, словно летучая мышь обрушилась из своего убежища на чужака, нарушившего ее уединение. Но тут же понял, что сам закрыл пальцем стекло, за которым яростно накалялась лампочка, и перехватил фонарик поудобнее. «Раз уж я здесь, нужно проверить, что находится в остальных шкафах».

С темно-коричневой, как кофейное зерно, дверцы осыпалась пыль, когда Илюшин приоткрыл ее. В дверце тоже было зеркало – но небольшое, все в расплывчатых пятнах, и шифоньер мутно тарасился полуслепым глазом на человека, пока Макар не закрыл его. Ничего там не было, в этом отделении, кроме валявшейся в углу подставки под елку. Затем Макар заглянул в тумбочку, обнаружил там обрывки старой пожелтевшей газеты, вдохнул сырой запах прогнившего дерева, которым несло из-за тумбочки, и отошел от нее.

Следующим на очереди был узкий черный шкаф, высокий, почти под потолок, покрытый какими-то белесыми потеками. Макар стоял перед ним

почти минуту, отчего-то не решаясь дернуть за латунную изогнутую ручку, раздумывая, будто гадая, что же может оказаться внутри. Решил, что ничего, и потянул ручку на себя – дверца подалась легко и бесшумно, словно ее часто открывали.

Внутри оказалась одежда, и шкаф дохнул на Илюшина запахом многолетнего тряпья и нафталина. На вешалках покачивались платья, юбки, тонкие блузки, и когда Макар провел по ним рукой, он ощутил, как оседает на его пальцах густая пыль. Он не мог понять, отчего эти вещи не хранят как положено, а потом подумал, что их, должно быть, и не хранят вовсе – просто не дошли руки выкинуть, а здесь, в шкафу, они никому не мешают. Взгляд его упал вниз, и Илюшин, посветив, понял, что его догадка верна: под платьями виднелись истоптанные туфли, надорванные сандалии, клетчатые тапочки с примятыми задниками – обувной хлам, оставшийся от кого-то, кто жил здесь тысячу лет назад.

Дверца, покачнувшись, вдруг стала открываться сама по себе, будто от сквозняка, и Макар придержал ее рукой, чтобы она не хлопнула о шкаф. В ней тоже было зеркало – не такое мутное, как первое, но местами покрытое тем же странным белесым налетом, словно залитое густым клеем. Илюшин сделал шаг назад, собираясь закрыть шкаф, бросил взгляд в зеркало – и едва не закричал.

В темноте за его спиной стояла женщина с белым лицом. Запавшие глаза смотрели на Макара с отчаянием, красные губы беззвучно шевелились. Долю секунды Илюшин смотрел на ее отражение, а затем молниеносно обернулся, чтобы направить луч фонаря на ее лицо.

Луч рассек темноту, осветил шкафы и стены, заметался по комнате – по пустой комнате, в которой не было никого, кроме человека с фонарем.

Илюшин ощутил, что сердце ударило два раза, и удары отозвались в висках. Сглотнув, он перевел взгляд на зеркало и увидел в нем лишь свое отражение – побледневшего мужчину с расширенными глазами, за спиной которого, поедая отраженный от зеркала свет, чавкала темнота.

На Илюшина навалился ужас. Он захлопнул шкаф, попятился, нащупал ручку входной двери. Тяжело дыша, выбрался из комнаты, уже не думая о том, что кто-то может его увидеть, и, спотыкаясь, бросился вверх по лестнице, хотя больше всего ему хотелось бежать прочь из этого дома, слепо глядевшего в ночное небо пыльными чердачными окошками, словно подернутыми пленкой.

Глава 9

На следующее утро Макар проснулся за две секунды до звонка будильника и не сразу понял, где он находится. И только когда часы деликатно запищали, вспомнил, как вернулся накануне в свою комнату, машинально разделся, не в силах ни забыть о том, что видел в угловой комнате, ни заставить себя думать об этом, и тут же уснул на застеленной кровати – способность моментально засыпать в любой ситуации сохранилась у него с детства.

Шторы были не задернуты, и комнату заливал утренний свет, рассыпаясь брызгами по стенам. Отраженный от ножки кровати солнечный зайчик примостился на дверце шкафа. Солнце проникало повсюду: казалось, даже под кроватью и шкафом не осталось тени, а только светлое золото, приправленное зеленью штор и заоконной листвы.

Макар вскочил, помотал головой и окончательно проснулся. Кинул взгляд на связку ключей, брошенную на стуле, и поморщился: наверняка Эля уже обнаружила пропажу и, возможно, даже заметила, что дверь в угловую комнату, откуда он так позорно бежал накануне, не заперта. Наспех одевшись, он крадучись спустился вниз, закрыл дверь угловой комнаты и оставил ключи на кухне, едва избежав встречи с Эдиком. Затем вернулся к себе – до завтрака оставалось чуть больше получаса.

«Что на меня вчера нашло?» – спросил себя Илюшин, удивляясь собственному беспричинному страху. Он почувствовал себя ребенком, испуганным ночными призраками, которые исчезают при первом солнечном луче, а вместо них остаются хорошо знакомые вещи. Сейчас у Макара не было ни малейшего сомнения в том, что лицо, виденное им в зеркале за спиной, было плодом его воображения. Истории, рассказанные Шестаковыми, атмосфера заброшенной комнаты, бокал вина, выпитого за ужином, – ничего удивительного в том, что после этого он сам придумал образ, укладывавшийся в рамки слышанного им рассказа о самоубийце, и «увидел» его, как только представился подходящий момент. Отражение фонаря в зеркале, женские вещи в шкафу, темнота, рождающая призраков... Сейчас Макар уже не мог сказать точно, кому принадлежало лицо – женщине, девушке или ребенку: образ стал размытым, и фантазия не заполняла пустоты в нем.

Удивляло другое – то, как легко он, взрослый уравновешенный мужчина, поддался панике. Если бы Макар умел краснеть, то покраснел бы

при воспоминании о том, как он прыжками неся по лестнице, забыв закрыть дверь комнаты, и отгонял воспоминание о маске с тоскливым умоляющим взглядом.

На секунду у него даже мелькнула мысль о подсыпанном в еду психотропном средстве, вызвавшем приступ паники при первой же услужливо подсказанной воображением иллюзии, но он отказался от этой идеи. «Не стоит множить сущности без необходимости – вряд ли дети Шестаковой додумались до такого хода. Все объясняется куда проще, даже если это объяснение не слишком приятно для меня. К старости я стал чрезмерно пуглив».

Подумав о старости, Илюшин хмыкнул, покачал головой, продолжая удивляться самому себе, и решил, что с затягиванием расследования пора завязывать. Он достал из сумки альбом, из которого вырвал лист шершавой бумаги, вернулся на кровать и, подложив подушку под спину, откинулся назад, прикрыв глаза.

За окном шумела листва, ветер гонял волны по зарослям сирени, и Макар представил, как сброшенные теплой рукой ветра с веток медленно опадают цветы – один за другим. Он представил, что трава под кустом светится сиреневым от мелких звездочек, которые быстро тускнеют, сворачивая круглые лепестки, и вспомнил Элю – отчего-то с обручем в волосах, хотя обручей она не носила. Открыв глаза, неуверенно, будто сам не зная, что получится, нарисовал в середине листа неровный цветок с четырьмя лепестками и сердцевинкой в виде математического знака бесконечности.

Ветер ударил в окно, штора вздыбилась от пробежавшего по комнате сквозняка. Макар поймал его дыхание на своем лице и, стремительно водя карандашом, нарисовал подобие дома с десятью дверями, а в центре, над трубой, из которой поднималось чье-то лицо в форме облака, – схематичного кота, усы которого расходились в стороны, как стрелы. На один из усов Илюшин посадил маленького человечка в полосатом колпаке, державшего удочку: крючок болтался на уровне двери, из которой выглядывал тюлень со скошенными к носу глазами. Прервавшись, Макар пригляделся к тюленю, заштриховал ему челку и, крутанув карандаш в пальцах, продолжил рисовать.

Десять минут спустя он отложил в сторону карандаш и окинул критическим взглядом свой рисунок: «Страшненькая у меня получилась сказка».

То, что постороннему наблюдателю представлялось бы смешанным набором диковатых образов, воплощенных довольно неуклюже, для Макара

было наброском его мыслей и интуитивных ощущений, из которых он выуживал то, что прошло мимо его сознания. Одна деталь привлекла его особое внимание – ступенька, в которой была нарисована дыра.

– Ступенька... ступенька... – пробормотал Илюшин, вспоминая проломившуюся ступень перед входной дверью. – А ведь точно!

Он бросил взгляд на часы и вскочил, чтобы успеть на завтрак.

Ему предстояло проверить одну идею, которая могла пролить свет на многие вопросы, но для ее проверки Макару требовалось, чтобы в доме никого не было. Поэтому он собирался аккуратно разузнать за завтраком о планах всех членов семьи Шестаковых.

Все получилось даже легче, чем он задумывал: Эльвира Леоновна, безупречная, как искусственный цветок, извиняющимся голосом сказала, что вечером никого не будет дома.

– Совсем недолго, – прибавила она. – С четырех до шести у моей подруги – выступление хора детей, которым она руководит, и нам обязательно нужно присутствовать.

– Для массовки, – уточнила Лариса, переглянувшись с усмехнувшимся Леонидом. – Кто еще, кроме нас, будет слушать эту муть?

– Ты не права, – с серьезным видом возразил Эдуард. – Там будут два с половиной инвалида, которых тетя Тома арканом затаскивает на выступления своих детей.

– Будет вам, – урезонила их Эльвира Леоновна. – Тамара старается от души.

– Не ее вина, что результат не пропорционален усилиям. – Эдуард рассмеялся, но, заметив, что лицо матери стало огорченным, поднял руки вверх, словно сдаваясь. – Мама, шучу, шучу! Мы все придем и будем наслаждаться детским хоровым пением.

Илюшин искоса посмотрел на Элю. Девушка сидела с отрешенным видом и так и не высказала своего мнения о запланированном походе и способностях тети Тома. Едва увидев ее в столовой, Макар с облегчением убедился, что Эля положила ключи в мешочек на поясе как ни в чем не бывало. Поэтому теперь он чувствовал себя спокойно и обдумывал, с чего лучше начать то, что он наметил на сегодняшний вечер.

Его мысли прервал нежный голос Эльвиры Леоновны:

– Если вы приедете раньше шести, Макар Андреевич, то найдете свой ужин в холодильнике. Или дождитесь нашего возвращения – поужинаем вместе. Вчера мы так хорошо посидели, не правда ли?

Четыре пары глаз вопросительно уставились на Макара, ожидая ответа

на вовсе не риторический вопрос Эльвиры Леоновны, – все, кроме флегматично жующего Леонида. В карих глазах Эли, как показалось Илюшину, промелькнуло смятение. Он заверил все семейство, что будет только рад провести еще один вечер в их компании, и Эльвира Леоновна удовлетворенно улыбнулась.

Она сделала для Макара кофе, приправленный специями, и Эля, наблюдавшая за тем, какими безукоризненными движениями мать разливает остро пахнувший напиток, ощутила собственную громоздкость. При матери она всегда хотела съезжиться, стать такой же изящной, как Лариса, или хотя бы тонкой, как Эдуард. Необходимость идти на сегодняшний концерт выбила девушку из колеи: она собиралась встретиться с Валентином и с тоской думала о том, что сможет увидеть его лишь издалека, в лучшем случае – перекинуться парой фраз через забор. Эля тяжело вздохнула, затем заставила себя успокоиться: Макар Андреевич и так бросал на нее испытующие взгляды, словно подозревал что-то.

А Макар Андреевич после завтрака вышел на улицу, взвешивая все «за» и «против» того, что собирался предпринять вечером, вдохнул теплый, душистый от распустившихся и уже начинавших опадать цветов воздух и решительно направился к дому старика Афанасьева.

Якова Матвеевича не было видно, однако Илюшина это не смутило. Не прячась и не осторожничая, он зашел в сад, прошел по утоптанной тропинке к дому и негромко постучал в окно. Спустя несколько секунд старик выглянул наружу, уставился на Макара недоверчивым взглядом. Седая голова его была всклокочена, будто он только что встал с постели, но в глазах не осталось и следа сонливости.

– Доброе утро, Яков Матвеевич! – Илюшин был бодр и свеж и будто бы не помнил об их последнем разговоре.

Афанасьев кивнул, поджав губы.

– Простите, что так рано! Вы не уделите мне пять минут?

Голова старика исчезла, окно задернули шторой в мелкий цветочек. Илюшин подошел к крыльцу, уселся и приготовился ждать.

Ждал он недолго – за дверью раздалось шарканье, и Яков Матвеевич вышел на крыльцо, кутаясь в полосатый халат, смешной и нелепый. Он казался совсем старым, и Макар, наметивший было для беседы тактику «молодого нахала», до сих пор оправдывавшую себя, неожиданно передумал.

– Не смотрите на меня так, – буркнул старик, запахиваясь потуже. – Халат подарила мне моя дочь. Она должна заехать сегодня утром, и я

хотел... хотел, чтобы ей было приятно.

Яков Матвеевич сам не знал, почему оправдывается. Он вынужден был признать, что, несмотря на все расспросы этого парня, назвавшего себя частным сыщиком, и несмотря на то, что Афанасьев многое бы отдал, чтобы больше не видеть его, парень не вызывал у него антипатии. Скорее наоборот. Вот сейчас нужно было недвусмысленно объявить визитеру, чтобы он убирался и больше не тревожил Якова Матвеевича, но выговорить это Афанасьев был не в состоянии, хотя назвать себя кротким или нерешительным человеком никак не мог.

Второй день подряд он ощущал себя противно мягким, размазанным, как пластилин. Ему отчаянно не хотелось этого признавать, но все дело было в старых воспоминаниях, которые посетитель разворошил, как тлеющие угли в золе, отчего они снова вспыхнули. А еще дело было в собаке.

Чертова тварь куда-то делась. Несколько раз Яков Матвеевич выглядывал из окна, выходил на дорогу, но большая колдобина перед шестаковским домом, где он привык видеть собаку, пустовала. Афанасьев думал о том, что она такая же старая, как и он – по собачьим меркам, – и могла уйти умирать. Или живодеры проехали по их улице – новый мэрияно взялся искоренять популяции бездомных собак на улицах Тихогорска – и забрали собаку. «Она же, дура, доверчивая... Пошла и не гавкнула».

От этой мысли ему стало совсем тошно. Парень ни о чем не спрашивал, и Афанасьев не стерпел, сам нарушил молчание:

– Пришел, разбудил – и молчишь, как на поминках, – недовольно сказал он. – Зачем явился-то?

Макар сбросил со ступеньки упавшую откуда-то сверху щепочку, обернулся к старику:

– Если вы не хотите рассказать мне о том, что случилось восемнадцать лет назад, может быть, вы расскажете что-нибудь о Розе, сестре Эльвиры Леоновны? Какой она была? И почему она уехала, а не осталась с сестрой?

Несколько секунд старик смотрел в лицо Илюшину, и правый глаз его чуть подергивался. Затем встал, отвернулся от Макара и облокотился на перила крыльца.

– Хочешь знать, кем была Роза Шестакова? Она была порождением дьявола, вот кем!

Он смачно сплюнул вниз. Илюшин выжидал.

– Обе они друг друга стоили! Только одна умнее, а вторая глупее, вот и вся разница. Все, что можно об Эльвире сказать, говори и о Розе, не ошибешься. А больше мне про нее сообщить нечего.

– Почему она уехала?

– Захотела, вот и уехала! – Старик повысил голос. – Может, потому что совести осталось больше, чем у Эльвиры.

– Вам известна причина ее смерти?

– Не знаю и знать не хочу. Говорили, вроде бы заболела она. Я не спрашивал.

За забором показалась невысокая бледная женщина с круглым озабоченным лицом.

– А вот и Светлана, – вполголоса сказал Афанасьев, спускаясь с крыльца.

Илюшин смотрел, как женщина открывает калитку, заходит в сад, обнимает отца, вышедшего прямо в тапочках на дорожку. Круглолицестью, расплывчатостью черт лица она пошла явно не в него – Яков Матвеевич весь был острый, словно необточенный камень.

– Халат-то, значит, мой носишь... – донесся до Макара ее голос, в котором звучало удовлетворение.

Старик кивнул, и они пошли к дому. Илюшин встал, поздоровался, выдержав испытующий взгляд Светланы, и, поблагодарив Якова Матвеевича за содержательную беседу, ушел. Он спиной чувствовал, что ему вслед смотрят, но не стал оборачиваться.

Из санатория Макар вернулся около трех. Обогнув квартал тем же путем, каким Эля шла к Корзуну, он засел в кустах, чувствуя себя шпионом и надеясь, что ему не придется долго выжидать.

Ровно в три семья Шестаковых вышла из дома: впереди шествовала Эльвира Леоновна в накинутой на темное платье элегантно шали сливочного цвета, за ней – Эля с удрученным лицом, явно чувствовавшая себя скованно в коротком платье, невыгодно подчеркивавшем полные ножки. Лариса выступала неторопливо, брючный костюм изумрудного оттенка делал ее похожей на русалку. Эдуард в костюме, Леонид в строгой рубашке... Макар с любопытством оглядел процессию, отмечая, как торжественно одета вся семья ради такого на первый взгляд несерьезного повода. Затем подумал, что в жизни Шестаковых не так много поводов куда-то выйти всем вместе, и с жалостью проводил взглядом раскрасневшуюся Элю, поминутно одергивавшую подол.

Эдуард задержался возле двери, взявшись с замком, и Лариса недовольно окликнула его. Леонид тем временем открыл «Хундай», в котором на переднем сиденье разместилась Эльвира Леоновна, а на заднем, посмеиваясь и переругиваясь, Лариса, Эдуард и Эля. Машина уехала,

подскакивая на ухабах разбитой дороги, и Макар выждал минут пять, прежде чем выбрался из своего укрытия.

Дверь он открыл своими ключами и вошел в дом, казавшийся прохладным и сырым после уличной жары. Не забыв закрыть за собой, Илюшин, не медля, отправился в столовую, где выдвинул ящик с приборами и принялся методично перебирать ножи, откладывая в сторону те, что казались ему не подходящими для задуманного.

«Инструменты, – размышлял Макар, – подошли бы куда лучше. Но инструментов у меня нет, и искать их в чужих комнатах – бесперспективное занятие. Значит, придется воспользоваться тем, что имеем».

Наконец он остановился на разделочном ноже с коротким широким лезвием, выбрав из двух похожих тот, что выглядел старым. Сложил остальные в ящик и поспешно вышел из кухни, бросив взгляд на часы.

Время пошло.

Спускаясь со второго этажа, Макар скатал ковер, закрывавший ступени, и уложил рулон у подножия лестницы. Присел, внимательно приглядываясь к покрашенным коричневой краской доскам, из которых были сколочены ступеньки, и азартно прищелкнул пальцами: на третьей доске отчетливо виднелись следы, словно кто-то царапал краску. Он всунул нож в щель между двумя досками, держа его в том месте, где были царапины, чтобы не оставлять новых, и надавил на ручку, действуя ножом, как фомкой.

Макар опасался, что лезвие сломается, но этого не произошло: верхняя доска подалась легко, откинулась, словно крышка, и взгляду Илюшина открылось подобие длинного ящика – углубление под ступенькой, в котором лежала компактная черная коробочка размером с пенал.

– А вот и воспроизводящее устройство, – пробормотал Макар, осторожно доставая коробочку из пыльного хранилища. – Посмотрим, посмотрим...

Он нажал на кнопку магнитофона, и тот отозвался громким скрипом. Если бы Илюшин закрыл глаза и не знал, откуда доносится звук, то готов был бы поклясться, что скрипит лестница.

Затем наступила тишина, длившаяся несколько секунд, а за ней – следующий звук: снова скрипнула ступенька, на этот раз – чуть тише. За ним настала очередь еще одного скрипа, высокого и тонкого, оборвавшегося так, будто идущий по лестнице торопливо переставил ногу.

«Ну что же... работа была проделана качественная. Очень качественная».

Похвалив того, кто так хорошо записал скрипы, Илюшин выключил

устройство и убрал в углубление, где оно и стояло. «Неплохо было бы отыскать пульт, с которого магнитофоном дистанционно управляли, – подумал он, опустив доску на место и проследив, чтобы она встала как следует. – Но это уже необязательный пункт моей сегодняшней программы. А вот из обязательных...»

Недодумав, что же из обязательных пунктов ему предстоит исполнить, удовлетворенный Илюшин сунул нож в карман, снова раскатал ковер, закрыв им лестницу, и проверил, не видно ли следов его пристального изучения ступенек. Все выглядело так же, как двадцать минут назад.

Он отнес нож в столовую, снова порывшись в кухонном ящике, но того, что требовалось, не отыскал. Пожав плечами, поднялся в свою комнату и вытащил из потайного кармана сумки длинную гибкую скрепку. С этой скрепкой он и направился к комнате Эли.

Ему понадобилось три минуты на то, чтобы открыть нехитрый замок, и Макар замер на пороге, с интересом переводя взгляд с одной красочной вязаной игрушки на другую. Однако у него не было времени на то, чтобы рассматривать их, и он подошел к столу – большому, явно сделанному на заказ, с углублениями и прорезями, призванными облегчить жизнь того, кто за ним работал. Макар выдвинул верхний ящик и пробежал взглядом по коробочкам из-под чая, стоявшим плотными рядами.

Ключей не было, хотя Илюшин предполагал, что Эля хранит их именно здесь. Нахмурившись, он торопливо обыскал остальные ящики, однако и там его ждала неудача. Макар уже решил, что все двери придется открывать тем же способом, каким была открыта дверь в Элину комнату, но затем догадался внимательно осмотреть полки.

Связка обнаружилась на одной из них, возле вязаного крокодила, оскалившего длинную травянисто-зеленую пасть с белыми кубиками зубов. Макар усмехнулся, легонько щелкнул крокодила по носу и, забрав ключи, сбежал вниз, к комнате Леонида.

Нужный ключ подобрался почти сразу, и Макар порадовался, что ему не пришлось пользоваться самодельной элементарной отмычкой: замок был сложный, в отличие от того, что запирает комнату Эли. Оказавшись внутри, Илюшин тихонько присвистнул.

– Да вы, Леонид Сергеевич, сибарит!

На широкой кровати, стоявшей посередине просторной комнаты, было небрежно брошено белое покрывало из искусственного меха. Второе, такое же, лежало на полу. Окна комнаты выходили во дворик, и Макар, подойдя ближе, рассмотрел густые ветви яблонь и вишневых кустов, беспорядочно росших перед домом. С потолка свисала оригинальная люстра:

переплетение черно-желтых змеиных тел, голова каждой змеи оканчивалась лампой. На узком компьютерном столике валялись вперемешку бумаги, книги и диски, под которыми был погребен небольшой ноутбук.

Мельком просмотрев документы, Илюшин подошел к зеркальному шкафу и сдвинул дверцу влево. За ней обнаружили костюмы, рубашки и галстуки, развешанные в строгом порядке и зачехленные в прозрачные пакеты. Заглянув за них, Макар снова обнаружил то, что и рассчитывал увидеть: длинное платье из плотного белого хлопка, с широкой горловиной.

– Парик, пожалуй, искать не буду, – сообщил Илюшин шкафу и закрыл его.

Все определенно вставало на свои места. Пока догадки Макара подтверждались, и хотя к окончательному объяснению это не приближало его ни на шаг, он чувствовал удовлетворение: все-таки Шестаковым не удалось обмануть его так же, как Зарю Ростиславовну.

Следующей на очереди была комната Эдуарда, но Макар, поколебавшись, снова вернулся на второй этаж. В памяти его всплыл недавний вечер, когда он не успел догнать фигуру в белом платье, скрывающуюся – Макар был уверен в этом – в одном из помещений на втором этаже, и Лариса, очень вовремя вышедшая в коридор, чтобы отвлечь его от преследования. Недолго думая, Илюшин отпер комнату девушки и, повинувшись неясному ощущению, закрыл дверь изнутри на ключ.

И лишь тогда огляделся.

Дорогой музыкальный центр был первым, что бросилось Макару в глаза. На полочке под зеркалом в широкой раме валялись небрежно брошенные украшения: золото с драгоценными камнями. Из разговоров, которые велись при нем, Илюшин сделал вывод, что Лариса работает на подхвате у брата и зарабатывает совсем немного. Однако и стереосистема, и украшения говорили о том, что деньги у нее есть.

«Или у того, кто дарит ей подарки», – подумал Макар, уверенный, что украшения девушка точно не покупает себе сама. Он представил Ларису, берущую в банке кредит для того, чтобы купить кольцо своей мечты, и отрицательно качнул головой: картинка не складывалась. Лариса была из тех женщин, которые хотят получить желаемое целиком и сразу и не собираются расплачиваться за свое удовольствие в течение долгих месяцев.

Илюшин был не уверен в том, что найдет в этой комнате то, что сможет пролить свет на события последних дней. Возвращаясь в дом, чтобы обыскать его, Макар почти не сомневался, что под лестницей – или за стеной панелью – должен найтись магнитофон. Он чувствовал, что

объяснить происходящие загадочные события можно только чьей-то злой волей, а значит, должно существовать техническое решение по воплощению в жизнь «духов дома».

С видимыми «призраками» дело обстояло, по убеждению Илюшина, еще проще: один раз женщину в белом видела Заря Ростиславовна, один раз – он сам, когда выбежал с чердака. Макар абсолютно точно знал – перед ним был живой человек. Найденное в шкафу у Леонида Шестакова белое платье вписывалось в его версию о том, что развлекается нехитрым маскарадом кто-то из сыновей Эльвиры Леоновны: Илюшин заподозрил это сразу, памятуя об определении «высокая», мимоходом сказанном Лепицкой. Самым высоким из Шестаковых был Леонид.

Но в комнату Ларисы Макар отправился, не догадываясь, что может здесь обнаружить, – скорее по привычке проверять все, что только возможно. Пока он не нашел ничего, что оправдывало бы его интерес: обычная комната молодой женщины, занятой исключительно собой. Ни одной безделушки на полках, раскиданные по дивану и стульям вещи, тяжелый сладковато-терпкий запах духов... Илюшин подошел к шкафу – точно такому же, какой стоял в комнате у Леонида, – и заглянул внутрь.

Платья, рубашки, свитера – все находилось в таком же порядке, какой Макар наблюдал в шкафу брата-близнеца Ларисы, разве что отсутствовали чехлы для одежды. Он осмотрел шкаф, но не нашел ничего примечательного, кроме крайне легкомысленного короткого красного платья с глубоким вырезом, больше напоминавшего ночную сорочку. «Голову даю на отсечение, это не та одежда, которую Лариса надевает при матери. Вопрос – при ком?»

Впрочем, задавая себе этот вопрос, Илюшин не слишком долго раздумывал над ответом: он предполагал с большой долей уверенности, что у Ларисы есть друг, и имя его Макар собирался выяснить в ближайшее время. «Не исключено, что он имеет отношение к происходящему».

Он закрыл шкаф, пошел к двери, доставая связку из кармана, и вдруг услышал, как в замке проворачивается ключ.

Беззвучно выругавшись, Макар бросился к окну, окинул молниеносным взглядом улицу и вылез в приоткрытую створку, перекинул ногу через перила крошечного бутафорского балкончика, надеясь, что старое дерево выдержит его вес, а на улице не будет любопытных прохожих. Когда дверь комнаты открылась, он уже был на балконе – сидел на корточках, прижавшись к наружной стене дома, и рассматривал пыльную балюстраду, по одному из фигурных столбиков которой полз блестящий черный жучок.

В комнате прозвучали шаги, короткий «вжик» «молнии», шорох ткани. Илюшин напряженно прислушивался.

Заиграла современная мелодия, которая оборвалась коротким «алло», сказанным очень раздраженным тоном. Говорила Лариса, и Макар облегченно выдохнул: секундой раньше он представил, что в комнату вошла Эльвира Леоновна и сейчас выглянет наружу и обнаружит постояльца, скрючившегося на балконе. При всей неловкости его положения договариваться с Ларисой было бы легче.

– Да, уехала, – говорила Лариса в глубине комнаты – через открытое окно он хорошо слышал ее громкий голос. – В перерыве вышла из зала, и какая-то дура зацепила сумочкой мои брюки. Представляешь? Одно хорошо: появился повод вернуться. Не могла больше терпеть это дурацкое представление.

Лариса в язвительных тонах пересказала, какие выражения лиц были у детей, какой странный репертуар подобрали им руководители хора. Язвительность быстро переросла в раздражение, словно ее злило собственное повествование.

– А еще они меня достали – мать, Эдик и Элька! Даже Леня. Представить не можешь, как достали! Все сидят рядом, и не продохнуть в зале от Шестаковых. Иногда я смотрю на мать и удивляюсь: зачем она нас столько нарожала?

Собеседник, по-видимому, пытался успокоить Ларису: какое-то время она слушала молча, порываясь что-то сказать, но каждый раз замолкая на полуслове, и только нервно постукивала пальцами по столу.

– Я пыталась ее уговорить, – ожесточенно сказала девушка. – Ты думаешь, у меня что-нибудь получилось? Она упертая, просто упертая! Не слушает ни меня, ни Леньку, ни Эдика. Я, если хочешь знать, подумываю о том, чтобы уехать из города. Куда? Да хоть в Москву! Работу там найду, вот что.

Собеседник сказал Ларисе что-то неприятное, потому что в ответ раздалось шипение.

– Дорогой мой... – в ее голосе слышалась ярость взбесившейся женщины. – Не указывай мне, что нужно делать, ясно? Я без тебя разберусь. А указывать можешь своей жене и детям! И не смей орать на меня!

Раздался звук, неопровержимо свидетельствующий о том, что телефон ударился о стену и упал на пол. Лариса стукнула кулаком по дивану с такой силой, что скрипнула пружина.

– Дьявол! Что за день! – простонала девушка, и босые ноги

прошлепали до стены и обратно. – И костюм этот... Черт, черт, черт!

«А начиналось все так мирно», – сказал про себя Илюшин, поглядывая на жучка.

Лариса между тем вполголоса ругалась себе под нос, припоминала Толику все обиды и разыгрывала воображаемые сцены объяснения с любовником. То, что разговор шел с любовником, Илюшин понял очень быстро из ее реплик. «А погладить? Девочка, сделай мне приятно... Да, киска, сделай это, – издевательским тоном тянула она, передразнивая самоуверенный мужской голос. – Вот пусть жена тебе и делает, скотина толсторожая!»

Спустя некоторое время она остыла, замолчала, и в комнате раздалось шуршание подбираемой одежды. «Достал бардак! – услышал Илюшин сердитое бормотание. – Где бы найти...»

Что именно хотелось найти Ларисе, Макар не узнал – скрипнула дверь, и в доме стало тихо. «Представление окончено», – понял Илюшин. Он выпрямился, заглянул в комнату Ларисы, но возвращаться в нее не рискнул: вместо этого Макар потянул на себя незапертую створку окна собственной комнаты, находившейся с другой стороны балкона, и, уцепившись за подоконник, влез к себе в номер.

Свалившись на кровать и вытянув ноги, которые затекли во время сидения, Илюшин подумал, что ему есть за что себя похвалить. Шестое чувство, подсказавшее запереть на ключ дверь в комнату Ларисы, выручило его: если бы дверь была не заперта, девушка подняла бы тревогу. Но до ее возвращения Макар успел выяснить многое, хотя ему по-прежнему оставалось неясным, какая роль в розыгрышах отведена Эдуарду.

«С другой стороны, – размышлял Илюшин, – это не так уж принципиально. Кто-то один подает сигнал, другой выходит в нужный момент в образе „Дамы в белом“, третий отвлекает внимание. Какая разница, выступает ли участвующий в шалости под первым, вторым или третьим номером?»

Он поднял упавший лист бумаги, на котором посередине был нарисован дом, и внимательно рассмотрел. Утром рисунок навел его на предположения, которые подтвердились спустя всего несколько часов. Главная сложность, по мнению Макара, заключалась в том, что сами по себе эти предположения ничего не значили.

Он вновь и вновь мысленно возвращался к двум сестрам: красивым, молодым, придумавшим отличный способ для того, чтобы иметь возможность выбрать спутника жизни. Зачем посещать места, где собираются мужчины, если можно создать такое место у себя? И они его

создали. Для Эльвиры Леоновы даже четыре ребенка оказались не помехой – она была целеустремленной, невероятно привлекательной, и замысел ее должен был увенчаться успехом.

Почему же не увенчался?

Почему Соколов не женился на Эльвире? Не был влюблен? Но ведь что-то влекло его в дом Шестаковых в течение долгого времени... «Ему нравилась другая сестра? Или, может быть, он все же испугался связывать жизнь с женщиной, у которой было четверо детей...»

Из головы Илюшина не выходил рассказ Корзуна о смерти Бориса Чудинова: «Убийцу так и не нашли»... Илюшин несколько раз повторил это вслух, досадуя на себя: версии, выстраивавшиеся в его голове, были одна нелепее другой.

Но интуитивно он чувствовал, что цепочка «журфиксы – сестры – привидение в доме» верна. Оставалось по-прежнему неясным, зачем детям Шестаковой понадобилось развлекаться подобным образом.

Отбросив мысль о том, что это и в самом деле не более чем развлечение, глуповатая шутка скучающей провинциальной молодежи, Макар достал телефон и набрал номер Сергея Бабкина.

– Серега, – озабоченно сказал он. – Хочу проверить на тебе одну бредовую гипотезу. Ответь на вопрос «чайника»: может ли женщина пересечь границу по паспорту своей сестры, если они близнецы?

Бабкин задумался.

– Степень сходства? – спросил он наконец.

– Высокая. Очень похожи. Я видел их на фотографии и отличил друг от друга только по...

Макар осекся. Он помнил, как наткнулся на фотографию в ящике кухонного стола, и сейчас осознал, что при всем сходстве сестер Шестаковых сразу понял, где Роза, а где Эльвира.

– Как отличил? – нетерпеливо спросил Сергей.

– По выражению лиц... – задумчиво ответил Илюшин. – Кстати, нельзя исключать, что я ошибся. Как бы то ни было, сходство поразительное.

– Тогда не вижу затруднений с тем, чтобы одна выехала по паспорту другой. А в чем заключается твоя бредовая гипотеза? Про подмену ты мне говорил и раньше, но я так и не понял, какое отношение это имеет к тому, что творится в доме в настоящее время.

Макар поморщился, попытался отвертеться от ответа, но Бабкин был настойчив, и в конце концов Илюшин нехотя признался:

– Есть предположение, что одна сестра убила другую. Выехала по ее

паспорту в Израиль, а затем вернулась обратно. Не спрашивай, почему это пришло мне в голову!

Сергей усмехнулся:

– Спрашивать, почему тебе пришла в голову та или иная мысль, – бесполезное занятие. Но что-то послужило тому причиной? Или ты на пустом месте сочинил такую... хм... оригинальную версию.

– Подожди секунду, – попросил Макар. Он подошел к двери, приоткрыл ее и, убедившись, что никто не подслушивает, вернулся на свое место. – Я выяснил кое-что, касающееся привидения, которое видела Заря Ростиславовна. А заодно и я сам, кстати...

– И ты молчишь! – возмутился Сергей. – Задаешь мне бестолковые вопросы вместо того, чтобы рассказать последние новости!

– Так и быть, слушай...

За пять минут Илюшин подробно пересказал Бабкину события последних дней. Услышав про магнитофон, Сергей хмыкнул, а когда Макар закончил, удивленно спросил:

– И что тебе еще надо? Ты хотел узнать, кто разыграл старушку Лепицкую, и ты это узнал: дети Шестаковой – судя по твоему рассказу, все, кроме старшей толстушки. Долечивай в санатории свою спину и возвращайся. Или просто возвращайся, поскольку тебе нечего больше делать в Тихогорске.

– Не могу. Я не знаю самого главного – *зачем* они это делают! Сергей, пойми: я и так не сомневался в том, что привидений здесь не водится. Никто не сомневался, за исключением разве что самой Зари Ростиславовны...

– Постой... – вспомнил Бабкин, услышав о привидениях. – Ты, кажется, упоминал, что когда Лепицкая вошла на чердак за привидением, его там не оказалось... Куда оно делось?

– Это как раз просто объясняется. Нет никаких люков, потайных дверей и прочих хитроумных приспособлений, о существовании которых я всерьез раздумывал. Чердак – вовсе не пустое помещение, он заставлен коробками, которые располагаются вдоль стен. Понимаешь? А за ними – пустоты, хорошо замаскированные. Уверяю тебя: даже ты смог бы спрятаться за коробками так, что никакая Заря Ростиславовна с ее слабым зрением тебя бы не обнаружила.

– Вот оно что... – разочарованно протянул Сергей. – Действительно, просто объясняется.

– Серега, здесь все, абсолютно все объясняется просто. Нет ничего сложного в том, чтобы тушить лампочки на расстоянии или имитировать

шаги на лестнице при отсутствии идущего одними звуками. Меня поначалу смутили первые проявления активности детей Шестаковых, но чем больше их становилось, тем яснее видна была за ними техническая мысль. Они переборщили, понимаешь? Одни шаги еще могли сойти за мистику, но фигура во плоти, гаснущие светильники и прочее – многовато для любого привидения. В конце концов, дом в Тихогорске – это не древний замок в Шотландии, к тому же я уверен, что даже шотландское привидение не подчеркивало бы столь навязчиво свое присутствие в замке. Вопрос не в этом, а в том, что вообще здесь происходит.

– Твое предположение о выезде одной сестры по паспорту другой – попытка это объяснить?

– Разумеется. А заодно убедительное свидетельство того, что я не могу придумать ничего толкового. Потому что это версия, рожденная воспаленным воображением!

– Ты к себе на удивление критичен, – заметил Бабкин, но Макар пропустил иронию мимо ушей.

– Невозможно представить, чтобы дети молчали о подмене матери... – вслух рассуждал он. – Поэтому если речь и идет об убийстве, то жертвой могла быть только Роза. Стремительный отъезд, о котором никто толком ничего не знает, смерть спустя пару лет... Попробуй узнай сейчас, что за женщина умерла в израильской клинике!

– Между прочим, это не так уж сложно, – осторожно заметил Бабкин.

– Знаю, знаю... Но кто будет этим заниматься? Была Роза Шестакова – и не стало Розы Шестаковой: эмигрировала, говорят. Два человека, с которыми я разговаривал, не могут вспомнить никаких подробностей ее отъезда. Правда, они не близкие друзья семьи Шестаковых, а один так и вовсе не друг. Но все же, все же...

– Постой. Давай рассуждать конкретнее. В чем ты видишь мотив предполагаемого убийства?

– В том, что обе дамы, похоже, были влюблены в одного человека. Обе хотели устроить свою жизнь, но одной теоретически это было сделать легче, чем второй.

– Розе?

– Да.

– Но если бы твое рассуждение имело отношение к действительности, то дети всячески постарались бы скрыть следы преступления, совершенного их матерью. Или я чего-то не знаю?

Макар рассерженно тряхнул головой.

– Именно об этом я тебе и говорю: ничего не складывается! Близнецы

любят мать, а младший сын в ней души не чает – как и она в нем. Зачем им вытаскивать на свет старые истории? Зачем пугать приезжих и привлекать их внимание к тому, что Эльвира Леоновна явно хочет скрыть? У меня ощущение, что я постоянно имею дело с двойниками: не только старшая Шестакова и ее покойная сестра были похожи, но и у каждого из ее детей имеется точная копия. Поэтому утром я общаюсь с Ларисой, а вечером – с ее сестрой-близнецом. Днем разговариваю с Леонидом, а ночью его двойник натягивает женское платье, парик и шатается по дому, пугая проезжих старушек и временных постояльцев.

– Как все запущено... – протянул Бабкин. – Макар, призраки угнетающе действуют на твою тонкую психику, ты становишься мнителен и слишком много фантазируешь. Раз уж ты задался целью выяснить все до последней тайны, давай вернемся к живым людям, а не к воображаемым клонам. Ты, кажется, собирался предоставить мне дополнительные данные по тому хирургу, который живет в соседнем городке.

– Черт, про Соколова я забыл спросить! Спрошу сегодня и скажу тебе. Определенно, нужно побеседовать с этим человеком – как-никак, он был в самой гуще событий в девяностом году.

Семья Шестаковых возвращалась с концерта порознь. Лариса, вернувшаяся так неожиданно для Илюшина и едва не заставшая его у себя, закрылась в своей комнате и не выходила до вечера. Эльвира Леоновна пришла около шести, как и обещала, и снова покинула дом, уйдя в гости к подруге. Леонид и Эдуард разошлись еще с концерта, а Эля обосновалась в столовой, где принялась готовить ужин.

Там ее и застал Илюшин. Расспросив, как прошло выступление детского хора – Эля вся засветилась, рассказывая о том, какие замечательные ребятишки поют у тети Тамары, – он ловко перевел разговор на воспоминания Элиного детства. И услышал почти то же самое, о чем говорил Валентин Корзун. Да, сказала Эля, она хорошо помнит эти журфиксы. Собиралось много гостей, было весело и смешно. Их, детей, укладывали около девяти, но ей, как самой старшей, разрешалось сидеть тихонько где-нибудь в уголке с условием, что она не будет мешать. Эля никогда и не мешала.

– Больше всего мне запомнились дядя Боря и дядя Антоша, Антон Соколов, – они играли со мной, возились как с маленькой, хотя могли бы этого и не делать. Оба они были врачами. – Она вздохнула и добавила: – С дядей Борей случилось ужасное – его сбила машина, насмерть.

– А Соколов? – в меру заинтересованным тоном спросил Илюшин. – С

ним вы поддерживаете отношения?

– Дядя Антоша умер, – сказала Эля, отворачиваясь, чтобы достать кастрюлю.

– Умер? – повторил Макар, глядя ей в спину. – Вот как...

– Он был не очень здоровым человеком... к тому же изредка выпивал, а ему совсем нельзя было пить. Полтора года назад у него случился сердечный приступ, и он скончался в машине «Скорой помощи».

Она поставила кастрюлю на огонь, залила водой овощи.

– Вы хорошо осведомлены, Эля. – Из интонации Макара нельзя было выжать ничего, кроме сухой констатации факта.

– Он переписывался с нашей семьей много лет, – объяснила девушка. – Точнее, переписывался с мамой, но время от времени она читала его письма нам вслух. Конечно, Эдик совсем не помнит дядю Антошу, а вот я помню, и Лариса с Леней тоже помнят. Мы все его любили. После его смерти нам написал его коллега, который знал, какие теплые отношения были у мамы с Антоном Павловичем, и рассказал о том, как все произошло.

– Мне очень жаль, – пробормотал Илюшин, имея в виду, что смерть Соколова перечеркнула его намерения подробнее узнать о том времени, когда хирург еще жил в Тихогорске и приходил на журфиксы к сестрам Шестаковым.

– Спасибо... – грустно сказала Эля, поняв его фразу как выражение соболезнования. – Они оба с дядей Борей мне очень нравились. Я их так жалела...

– Жалели? – переспросил Макар. – Почему?

Эля смутилась.

– Я... я, наверное, неправильно выразилась. Не то чтобы жалела... Мне хотелось им помочь.

Она окончательно сбилась и замолчала, покраснев. Воспоминания в ее голове всегда оживали легко, словно сыпались из открытой шкатулки, сверкая блесками подробностей. И сейчас, помешивая овощи и вдыхая запах, поднимающийся от кастрюли, Эля вспомнила один из субботних журфиксов, запавших ей в память.

Тетя Роза в тот вечер стояла возле плиты, болтая в кастрюле половником, а за окном валил снег – большие, как куриные перья, хлопья опускались на землю. Эля смотрела в окно, затаившись возле занавески и со страхом ожидая, что вот-вот ее прогонят спать: Эдик и Ларка с Леней уже час как легли, и скоро должна была настать ее очередь.

Спать не хотелось. Хотелось прятаться за ворохом одежды, наваленной внизу на вешалке и брошенной за недостатком места на комод – старей

таинственный комод, которому было много-много лет. Так говорила мама. Она рассказывала, что комод переехал в этот дом сто лет назад, и Эля верила. Хотя однажды, когда тетя Роза оставила его открытым и девочка залезла внутрь, там обнаружили не драгоценности, как она полагала, и даже не старинные тусклые монеты, а всего лишь шерстяные кофты, переложенные пахучими желтыми таблетками. Мама говорила, что таблетки отгоняют моль, но Эля знала, что отгоняют они детей, чтобы те не совали носы по комодам.

А еще больше хотелось сидеть наверху, в комнате со взрослыми, и слушать взрослые разговоры, тихонько засыпая под них. Так, чтобы становилось тепло, почти жарко, и голоса сливались с гудением вьюги за окном, а потом наступил бы сон, а за ним сразу утро...

– Эля, сейчас же в кровать!

Ну конечно, тетя Роза гонит ее из столовой, потому что «уже одиннадцать, пора спать». В другое время девочка попробовала бы поспорить, но сегодня тетя была чем-то сильно раздражена, и значит, не стоило ее злить. Эля послушно слезла с подоконника, поднялась наверх, но по пути заглянула в одну из комнат, откуда слышались голоса.

– Откуда ты, прелестное дитя? – удивленно спросил дядя Миша, для взрослых – Михаил Арнольдович. – Отбой уже играли, и детям спать пора.

– Оставьте, Михаил Арнольдович, – вступился за девочку рыжий дядя Боря. – Эле хочется посидеть с нами, и я ее понимаю. Правда, Эля?

Девочка закивала, доверчиво глядя на него. Дядя Боря был смешной, немножко неуклюжий, но очень интересный. Он здорово рисовал, а иногда рассказывал Эле, как он лечит больных, и она слушала его, разинув рот от восторга. Она вдруг вспомнила, что под подушкой у нее лежит куколка, которую она смастерила из ниток мулине, найденных в коробочке у мамы, – последние два дня Эля каждое утро обследовала куклу со стетоскопом и сообщала, что той необходимо полечиться. Но точного диагноза сказать не могла, и это расстраивало и ее, и больную.

– Дядя Боря, знаете, что я вам сейчас покажу... – выпалила она, обрадовавшись возможности потянуть время перед укладыванием в кровать, а заодно желая поделиться радостью с взрослым другом. – Подождите, я принесу...

Она умчалась и спустя минуту прибежала обратно, запыхавшись, и предъявила дяде Боре куколку. Куколка была не простая: Эля не стала распускать нитки, а просунула один моток через другой и закрепила: получились руки и туловище. Обвязала нитками шарик сверху – вышла голова.

– С выдумкой сделано, – одобрил дядя Боря, рассмотрев куклу. – Как назвала?

– Марфушей. Ой... – вспомнила Эля, – я же Тане ее не показала!

Вскочив, она рванула из комнаты, но дядя Боря поймал ее за рукав.

– Ты куда, неугомонная? Знаешь, который час? А у нее ребенок...

– А Таня никогда до полуночи не спит, она сама мне говорила! – возразила девочка. – Она разрешает к ней когда угодно заходить. Правда! Вот пойдете со мной и сами убедитесь!

На лице у дяди Бори мелькнуло странное выражение, не понятное Эле.

– Ну что же... – сказал он, обернувшись на болтавшую за столом компанию, в которой была и Элина мама. – Пойдем. Да, пойдём! – повторил он, будто решившись.

Постучав в крайнюю комнату на первом этаже, Эля вдруг испугалась, что сегодняшней вечер будет исключением из правил и выяснится, что Таня уже спит. Тогда будет ужасно неловко перед дядей Борей и стыдно перед Таней. Однако Любашина не спала. Она приоткрыла дверь, взгляделась в сумрак коридора, и тогда Эля с торжеством вытащила куклу из-за спины и показала соседке.

– Вот! Это я сама сделала! А ты еще не спишь?

– Спихватилась! – хохотнула Таня. – Нет, не сплю, красавица моя. Тебя жду. Заходи в берлогу, рукодельница!

Дядя Боря сделал шаг из-за двери и оказался на свету.

– О, да ты не одна! – сказала Любашина, щурясь на него.

– Добрый вечер, Таня. Простите, что мы поздно. Эля уверяла, что вы обычно ложитесь после полуночи.

– Правильно уверяла, – кивнула Любашина. – Ну, не стойте в дверях, проходите! Сонька все равно спит, а я шью – пора бы мне и перерыв сделать.

Танина «берлога» была хорошо знакома Эле: две комнаты, заваленные всяким хламом. Вырезки из журналов, отрезки, недошитые платья, подколотые булавами, – все это лежало вперемешку на потертом диване с провалами возле драных подлокотников. Сама Татьяна, придвинув к себе переносной столик со швейной машинкой, строчила, сидя на пуфике невнятного цвета – то ли оранжевого, то ли светло-коричневого.

Войдя, девочка первым делом сунула голову в соседнюю комнату: там в кровати с прутьями спал младенец. Эля каждый раз смотрела на него, пытаясь представить, как же Лариска с Леней помещались у мамы в животе.

– Эля! – одернул ее дядя Боря. – Ты куда?

– Ерунда, пусть смотрит, – бросила Таня. – Сонька ночами крепко спит, всего три-четыре раза просыпается – и снова дрыхнет. Эля, кукла у тебя – просто блеск! Точно говорю, руки у тебя золотые.

Покрасневшая от гордости Эля забрала Марфушу и вернулась к кровати – разглядывать младенца. Ей нравилось нюхать, как от него пахнет, а еще нравилось изучать личико, собранное в кучку: глазки, носик, ротик с поджатыми губками...

Пока она сидела перед кроватью, в соседней комнате молчали, затем послышался голос дяди Бори:

– Таня, как вы? Вам сейчас тяжело приходится...

– Тяжело – не тяжело... – отозвалась Танюша. – Все равно исправить уже ничего нельзя.

– Можно.

– Это как же? Соньку обратно родить, что ли? Нет, спасибо.

Она рассмеялась хриловатым простуженным смехом.

– Таня, выходи за меня замуж, – вдруг отчаянно сказал Чудинов, и Эля чуть не подпрыгнула от удивления. «Вот это да! Он, наверное, встал перед Танюшей на колени...»

Ей очень хотелось посмотреть на дядю Борю, стоявшего на коленях, но природная деликатность не позволяла этого сделать. А еще больше деликатности – любопытство. Эля понимала: сунься она сейчас в соседнюю комнату, и предложение руки и сердца оборвется, а ей хотелось послушать продолжение. Что скажет Таня? Согласится ли она?

– Зачем я тебе, Борь? – спросила Таня, сильно понизив голос, так что Эля была вынуждена прислушаться. – Толку-то тебе от меня!

– А мне не толк от тебя нужен! – тоже шепотом выкрикнул дядя Боря. – Мне ты нужна!

В соседней комнате раздалось шуршание, затем такой звук, будто передвинули стул. Тихий, совсем неразборчивый шепот – Эля уловила лишь, что голос принадлежит Чудинову, – и глуховатый смешок Танюши в ответ.

– Дай время, Боря! Дай подумать, хорошо?

– Сколько тебе нужно времени? Таня, прошу тебя, не мучь меня и себя: выходи за меня замуж или просто переезжай ко мне!

Чудинов говорил торопливо, словно боялся, что его выгонят и он не успеет договорить. Но Таня не собиралась его выгонять.

– Я подумаю, – повторила она уже без насмешки. – Борька, ты хороший...

Хотела добавить что-то, но тут из-за двери высунулась Эля, которая не

могла больше сдерживать любопытства.

– Вы что, поженитесь, что ли?

Глаза у девочки стали большие и круглые от удивления, и Таня с дядей Борей рассмеялись.

– Ты только языком не трепи, – беззлобно попросила Танюша, и Эля быстро-быстро закивала – она никогда не выдавала чужих тайн, тем более – таких взрослых! – Вот и умница.

Танюша поцеловала Элю в лобик, провела пальцем по носу, и девочка зевнула.

– Э-э-э, да ты спишь на ходу. Боря, отведи ее наверх, а то она здесь захрапит.

Эля хотела возразить, что не захрапит, но ощутила, что все силы на слова куда-то делись. Она снова зевнула, и дядя Боря потянул ее за собой к двери.

– Пойдем, соня! Твои тетя и мама, наверное, уже ищут тебя по всему дому.

– Они думают, что я легла, – сонно возразила девочка.

Ее вывели из комнаты, и она пошла, с каждым шагом проваливаясь в полусон. Из реальности осталось у нее одно воспоминание: счастливые глаза дяди Бори, смотревшего на Элю так, словно она была ангелом, исполняющим мечты.

Глава 10

Валентин Ованесович покормил кошек, разрыхлил грядки и выпрямился, снимая перчатки. Всю работу в огороде он делал в перчатках, берег руки. Корзун обернулся и посмотрел на заднюю калитку, заранее зная, что никого там не увидит, но все-таки надеясь в глубине души, что Эля что-нибудь придумает.

Ее там не было, конечно же, и он ощутил, как тоска стиснула сердце.

Валентин Ованесович последнее время иронизировал над собой чаще обычного, понимая, как смешон, должно быть, со своей любовью к двадцатисемилетней Эле. Он не смог бы сказать, в какой момент из неуклюжего толстенького ребенка, росшего по соседству, выросла стеснительная девушка и когда он увидел ее в первый раз. Увидел по-настоящему, а не просто мазнул взглядом по девчужке Шестаковых – одной из четверых, бегающих по окрестным дворам.

Она частенько забегала к нему, гладила кошек – своих мать не разрешала заводить, болтала о пустяках. А однажды вдруг залилась краской от какого-то пустякового комплимента, и он, взрослый, насмешливый человек, растерялся как мальчишка. Он ловил обожание в ее глазах, говоря себе, что это всего лишь уважение, проявляемое девушкой-подростком к нему, человеку с необычной биографией. Восемнадцать, двадцать, двадцать три... Как-то раз, возвращаясь к себе с женщиной, он заметил Элю стоящей возле окна – она увидела их, и лицо ее изменилось. У Валентина испортилось настроение, и хотя он постарался ничем не выдать себя случайной спутнице, дело в тот вечер закончилось ссорой.

Ей нравились нарциссы и тюльпаны, и он засадил весь сад этими цветами, не признаваясь самому себе, зачем это делает. Он давно уже считал, что из гадкого утенка она превратилась в прекрасную птицу, но прочие, ожидавшие видеть лебедей вроде ее младшей сестры, не замечали своеобразной прелести старшей, не понимали, как хороша она стала. Валентин Корзун тихо радовался этому, боясь, что однажды увидит ее с каким-нибудь прыщавым молодчиком или, хуже того, престарелым донжуаном вроде него самого.

Позже она сказала, что всегда его любила. Он десятки раз слышал признания в любви и сам клялся с жаром, а Эля сказала об этом так неловко, словно боялась оскорбить его, и он понял, что врал всю жизнь себе и другим. Счастье протискивалось в его двери, осторожно стучало в

окна, сидело на ступеньках, поглаживая тощие ободранные коленки – Корзун давно заметил, что даже у полненьких детей коленки всегда торчат острыми углами, – а он не хотел его видеть, хотя оно само заглядывало ему в глаза своими глазами то ли карего, то ли зеленого цвета.

Он снова обернулся к калитке, вздохнул. Одна из прикармливаемых им безымянных кошек скользнула под ноги, ласкаясь, но Валентин Ованесович даже не посмотрел на нее. Он чувствовал себя пожилым, никому не нужным и точно знал, что это чувство исчезнет только тогда, когда к нему прибежит Эля.

Илюшин сидел в своей комнате возле окна, задумчиво глядя на дорогу. Лучи вечернего солнца, косо падающие из-за дома, позолотили пыль, поднимавшуюся над ямами, – недавно здесь протарахтела машина: водитель доехал до кустов, развернулся и укатил, поняв, что попал в тупик.

«Я тоже попал в тупик, – думал Макар, положив голову на подоконник и внимательно разглядывая трещинки на раме перед его глазами. – Роза умерла. Чудинов умер. Соколов, как выяснилось, тоже умер. Если есть еще люди, готовые рассказать мне о прошлом Шестаковых, то я их не знаю. Пожалуй, стоит развернуться и поехать в другом направлении. Или хотя бы выбрать это направление».

Илюшину вспомнился старик Афанасьев – как он стоит на крыльце, хмуря лоб, и морщины по его щекам стекают вниз, к запавшему рту, и говорит, с отвращением выплевывая слова... «Хочешь знать, кем была Роза Шестакова? Она была порождением дьявола!»

Две женщины на фотографии, похожие так, как могут быть похожи только близнецы. «Они были совсем разные», – говорил о них Валентин Корзун.

Магнитофон под лестницей... Белое платье в шкафу Леонида... Лариса, откровенно предлагавшая ему себя, вырисовывавшая тонким пальчиком восьмерки на его рубашке. Эля, сжимавшая пухлые ручки, усыпанные веснушками, и предупреждавшая тихим голосом: «Здесь все не так, как кажется».

Внизу раздались шаги, и Макар, насторожившись, поднял голову. К дому подходил Эдуард. Спустя короткое время Илюшин из-за неплотно прикрытой двери услышал шаги Шестакова, и у него мелькнула мысль, что парень решил наведаться к нему – комната самого Эдика была на первом этаже. Но никто не постучался. Макар встал, подошел к двери, стараясь не издавать шума, и, выглянув, увидел худую спину в черной рубашке возле комнаты Ларисы.

Заиграл телефон, и Шестаков схватился за трубку так торопливо, словно ждал звонка от любимой девушки. Но голос его был сух и деловит, когда он заговорил с собеседником.

– Хорошо, в семь, – сказал Эдик. – Да, там же, где и в прошлый раз. Не беспокойтесь, она ни о чем не знает. Ее вообще нет дома.

Он сделал паузу, слушая, что говорит ему собеседник, и добавил:

– А вот это давайте не будем обсуждать по телефону. Да, до встречи.

И отошел от комнаты сестры, так и не постучавшись в нее.

Илюшин замер за дверью, надеясь, что Шестаков не обратит внимания на щель. Тот прошел мимо, не задержавшись, и спустился по лестнице, насвистывая что-то. Макар бросил взгляд на часы, увидел, что до семи остается тридцать минут, и подошел к окну, прячась за шторой.

Он увидел, как по дорожке идет младший сын Эльвиры Шестаковой, пряча что-то в карман.

Меньше чем через минуту Макар Илюшин вышел из дома, следя взглядом за Эдиком, успевшим дойти до поворота в ближайший переулок.

«Последнее время я слишком много занимаюсь слезкой. – С этой мыслью Илюшин перешел на другую сторону улицы и ускорил шаг. – Сначала Эля, теперь Эдуард...»

Шестаков шел не торопясь и не оглядываясь, и путь его, определенно, лежал по направлению к остановке. Макар собирался выяснить, с кем же будет встречаться Эдик, успокаивающий собеседника тем, что матери нет дома, но пробежка за автобусом не входила в его планы. Поэтому Илюшин поморщился, когда парень и впрямь встал около проезжей части, всматриваясь в номера подъезжавших автобусов и маршруток.

Остановившись так, чтобы его закрывали растущие возле дороги кусты, Илюшин не сводил глаз с черной рубашки, обдумывая, что же он станет делать, когда Эдуард сядет в автобус. Однако все вышло проще, чем он думал. К остановке одновременно подъехали два сорок шестых автобуса, и Эдик торопливо направился к первому из них. Илюшин, стараясь пройти незамеченным, заскочил во второй и облегченно вздохнул, когда двери закрылись и оба автобуса, развернувшись на площади, поехали в город друг за другом.

На каждой остановке Макар смотрел, не вышел ли Шестаков, но не видел его среди людей, покинувших автобус. Однако когда за окнами мелькнула вывеска уже знакомого Илюшину заведения, он почувствовал, что ждать осталось недолго.

Так и получилось. Эдик выскочил из автобуса и бодро направился в сторону недавно открывшегося кафе, в котором Макар совсем недавно

сидел с Ксеньей. «Значит, „Аквариум“,» – сказал про себя Илюшин, выходя за ним следом и соблюдая разумную дистанцию. Он помнил, что в заведении стоит полумрак, призванный подчеркнуть достоинства аквариумов с экзотическими рыбами, и теперь почти не опасался, что Шестаков его заметит.

Макар выждал неподалеку от кафе, а затем зашел внутрь, сразу окунувшись в прохладную темноту коридора, на стенах которого призрачно зеленели водоросли: они росли в маленьких аквариумах, расставленных на стеклянных полках. Заглянув в зал, Илюшин сразу увидел Эдика – тот сидел возле дальней стены, откинувшись на спинку стула. Напротив него расположился мужчина лет пятидесяти, который что-то говорил Шестакову, наклонившись к нему. Мужчина был сед, мрачен лицом, а одет был в элегантный костюм. «Это, должно быть, и есть непосредственный начальник нашего Эдуарда», – подумал Илюшин, отходя в глубь коридора и чувствуя себя по-дурацки. Подслушать беседу не удастся – это ему было очевидно, – а мысль о том, что он устроил дилетантскую слежку за Шестаковым лишь затем, чтобы увидеть его встречу с собственным начальником, заставила Макара разочарованно покачать головой.

– Я могу вам чем-нибудь помочь?

Любезный официант задержался возле Илюшина, всем своим видом выражая готовность накормить его сейчас, буквально не сходя с места.

– Скажите, тот мужчина у стены – это ведь Анатолий Рыжов? – осведомился Макар, мигом вспомнив однажды упомянутое при нем имя депутата, в штате которого работал Эдуард. – Решил обратиться к нему, но не хотелось бы попасть в неудобное положение.

– Вы имеете в виду того, с седыми волосами? – уточнил официант. – Нет, что вы! Его зовут Роман Давыдович Парамонов.

Спохватившись, он озадаченно взглянул на посетителя, и ему показалось, что на лице того промелькнуло изумление. Впрочем, оно так быстро сменилось выражением самого натурального облегчения, что официант решил, будто ему почудилось.

– Спасибо, – от всей души поблагодарил гость. – Действительно, чуть не перепутал.

Он улыбнулся и вышел из «Аквариума».

На улице Макар отошел от кафе подальше, чтобы его не было видно выходящим, и остановился. Лицо его выражало чувства человека, который долго разгадывал элементарный ребус и наконец ему подсказали путь к отгадке.

– Роман Давыдович, значит! – вслух сказал Илюшин, и проходящая

мимо пожилая женщина покосилась на него. – Вот, значит, как все просто! А Эля... ага, конечно. Впечатлительна, восприимчива, потому и восприняла все именно так, а не иначе...

Он покачал головой. Подоплека всех поступков Шестаковых, которым он не мог найти объяснения, стала ясной как день, и Илюшин вынужден был признать, что можно было догадаться раньше, намного раньше. «Потребовалось, чтобы меня практически ткнули носом. Хотя все лежит на поверхности».

– Хорошие люди живут в Тихогорске. Квартирный вопрос только испортил их, – проговорил Макар, доставая телефон, чтобы позвонить Бабкину и сказать, что скоро возвращается в Москву. Но в последний момент передумал и набрал номер Ксении Ильиничны. Выслушал длинные гудки, нажал кнопку отбоя и неожиданно поймал себя на том, что пронесшийся по верхушкам кустов слабый вечерний ветер принес с собой состояние беспричинной тревоги, осевшей на Илюшина, как противная липкая паутина.

Часом ранее.

Выходя из гаража, Ксения похлопала машину по капоту – она всегда так делала, прощаясь с ней. И разговаривала, когда та ломалась, – как со своими котами, уговаривая их подождать укола и не сопротивляться, когда придет ветеринар. Сегодня ей пришлось много ездить по вызовам, и она порадовалась, что отец разрешил ей взять машину – день и так выдался нелегким.

Она закрыла тяжелый навесной замок, подумав, что давно пора сменить его на новый – в этом иногда заедал ключ. Из трещин асфальта возле коричнево-ржавой гаражной стены пробивалась острая травка, а из самой середины ее смотрел солнечный цветок одуванчика.

Спрятав ключи в сумку, Ксения присела на корточки и провела пальцем по изнанке бархатистого на ощупь листа, заканчивавшегося желтой головкой цветка. Запахи травы, нагретого за день асфальта, бензина, облупившейся краски ударили ей в нос, и Ксения даже зажмурилась.

А когда открыла глаза, увидела на стене гаража тень человека, одна рука которого была поднятой и удлиненной, словно у мультипликационного персонажа, и оттого очень страшной, неправдоподобно страшной.

В отличие от Макара Ксения не отличалась быстрой реакцией – Сергей Бабкин не тренировал ее в зале три раза в неделю, обучая уходить от нападения. Но она все же успела дернуться в сторону, и удар биты, который

должен был ее убить, пришелся не по Ксениной голове, а по цветку одуванчика, сминая и его, и траву.

Обернувшись, Ксения увидела мужчину в рубашке и джинсах, лицо которого скрывала черная маска с прорезями для глаз. Вместо прорези рта было темное, расплывшееся по маске пятно, словно он пускал слюни, и оно поразило Ксению даже больше, чем бита, которой он снова замахнулся, намереваясь ударить ее. В долю секунды она снова ощутила запахи, которые вдыхала несколько мгновений назад, но теперь к ним прибавился резкий запах пота, исходивший от мужчины.

Человек, который собирался убить Ксению Пестову, торопливо примерился, прежде чем ударить молодую женщину с расширенными от ужаса глазами, прижавшуюся к стене гаража. Он нервничал, потому что слишком поздно сообразил, что ее кровь забрызгает ему одежду, а еще потому, что место и время были выбраны не слишком удачно. Но нападать на нее возле дома было бы еще хуже. Перехватив битую и выдохнув с глухим присвистом сквозь сжатые зубы, убийца замахнулся, предчувствуя, что жертва закричит, и заранее ненавидя ее за это.

Но женщина не закричала. Она внезапно саданула его ногой по голени, и человек с битой вскрикнул от боли и неожиданности – почему-то он был уверен, что ее парализовало страхом. Но вместо того чтобы ждать смерти, подобно кролику, которого собираются зарезать, женщина извернулась по-кошачьи и спустя секунду уже стояла на ногах – бледная, с растрепанными волосами, тяжело дыша, но – главное – никуда не убегая. Сумка ее осталась валяться возле гаража.

Взмах биты со свистом рассек воздух, и с трудом увернувшейся Ксении показалось, что он стал густым и тягучим, как болотная вода. В этой воде ей было тяжело двигаться, она давила на нее со всех сторон, не давая вырваться – словно в страшном сне. Голос разума кричал о том, что нужно бежать, бежать, бежать, потому что этот человек с мокрым пятном вместо рта ее убьет. Но воображение рисовало сцену: она пытается спастись, но вязнет в плотном воздухе, и убийца догоняет ее, бьет своим оружием по основанию черепа, и тот лопается с костяным треском, а в воздухе остаются висеть брызги крови. Свое мертвое тело с разбитой головой Ксения увидела так отчетливо, будто на мгновение оно материализовалось на теплом потрескавшемся асфальте. И в следующий миг сделала то, чего убийца никак не ожидал: прыгнула на него.

Он успел замахнуться и даже успел ее ударить, и женщина отчаянно вскрикнула – удар пришелся по плечу. Но боль не остановила ее – она как-то нелепо вцепилась в своего убийцу двумя руками, словно собиралась

вскарабкаться по нему, как по дереву, изо всех сил колотя ногой и попадая ему по одному и тому же месту – в колено, которое он сильно повредил много лет назад. Захрипев от боли и злобы и от того, что она рушила весь его план, он стряхнул ее с себя, отшвырнул как щенка, и Ксения вскрикнула снова, ударившись о стену гаража. Попыталась отползти, но на этот раз у нее не получилось: она смогла лишь приподняться на колени, закусив губу до крови, и из глаз ее брызнули слезы от боли в плече и разбитом локте.

«Один удар, – приказал себе убийца. – Один удар, твою мать!»

– Э, мужик! Ты чего творишь! – раздалось сзади, и, резко обернувшись, убийца увидел вспотевшего толстяка, вразвалку приближающегося к ним. При виде маски лицо толстяка изменилось.

– Не понял... – начал он.

Человек с битой отступил на два шага назад, помедлил – и бросился бежать, проклиная толстяка, появившегося так не вовремя, а еще больше – бабу, которая не дала себя убить.

Из больницы, где врач осмотрел Ксению, отправил ее на рентген и что-то долго писал в заключении, перепуганный отец отвез дочь в милицию. Она давала показания, стараясь не плакать и баюкая больной локоть. Хотя врача в больнице куда больше, чем локоть, заинтересовала ее спина – он прощупывал позвонки, мял вокруг поясницы, в конце концов прописал какие-то мази, и Ксения с трудом вспомнила, что она и в самом деле ударилась спиной о стену гаража. Плечо с огромной, сиренево-красной, на глазах расплывшейся гематомой сильно ныло, и было тяжело двигать рукой.

Сумка с телефоном осталась в машине отца, и Ксения забыла про нее, когда вернулась домой. Мама плакала, коты ходили кругами, поднимая к девушке острые морды и тревожно спрашивая о чем-то на своем кошачьем языке, а папа все просил повторить, что же сказал следователь, как будто это могло чем-то помочь.

Поэтому звонок в дверь застал всех врасплох. Но, выглянув в окно, испуганная Ксения увидела перед домом не преступника в черной маске, а Макара Илюшина и побежала открывать, несмотря на протестующие крики встревоженной матери.

Когда полтора часа спустя Илюшин вышел из дома Пестовых, лицо его было почти спокойным. Но если бы его увидел Сергей Бабкин, успевший неплохо изучить напарника за несколько лет совместной работы, он постарался бы сделать все, чтобы остановить Макара.

Однако Сергей был в Москве, а Ксения Пестова не имела понятия, куда отправился Илюшин. Поэтому Макара никто не остановил, и вскоре он уже выходил из автобуса в одном из отдаленных районов города, в котором не так давно провел несколько часов, поджидая Никиту Борзых.

На этот раз Илюшин не собирался никого ждать. Он остановился перед домом и посмотрел вверх, ища глазами окна квартиры Борзых на пятом этаже.

Ни в одном окне не было света, и Макар, немного подумав, вошел в подъезд, без труда открыв замок с кодом. Он поднялся пешком на верхний этаж, радуясь отсутствию консьержки, и остановился перед квартирой Борзых, прислушиваясь.

Из-за двери не доносилось ни одного звука. Илюшин постоял, убеждаясь в правильности своих подозрений, и уже решил уходить, чтобы не тратить времени понапрасну, но тут за его спиной раздался скрежет открываемого замка. В планы Макара не входила встреча с любопытными соседями, но избежать ее он не успел: из квартиры напротив выглянула немолодая кудрявая женщина в халате, оглядела поздоровавшегося Илюшина с ног до головы.

– Здравствуйте. А вы к кому пришли-то?

– Я сын Ивана Алексеевича, друга отца Никиты, – спокойно сказал Илюшин. – А где он, вы не знаете? Мы договаривались, что я сегодня в гости зайду...

Женщина всплеснула руками.

– Ой, вот я и думаю, что вы к Никите! А ведь их обоих дома нет. И не скоро приедут – может, через неделю, а может, и через две.

– Как – через две? – подбавив в голос сомнения, спросил Макар. – Мы же договаривались...

– Вы, видно, давно договаривались, а у них несчастье случилось! В больнице Никита, в другой город его Алла увезла.

– Когда? – быстро спросил Илюшин. – И что с ним?

– Уже несколько дней прошло. Никите ночью плохо с сердцем стало, пришлось «Скорую» вызывать. Увезли его сначала в нашу больницу, а затем Алла похлопотала – перевела его, бедного, в Анненск. Там врачи-то, говорят, получше будут.

Соседка вздохнула, покачала головой.

– Ой, беда-беда... А ведь молодой мужик-то, вот что я скажу. Только вчера звонила я Алле, говорила с ней.... Она рассказывает – и плачет, бедная. Так что и ты, парень, береги себя и сердце свое береги. Инфаркт – он теперь разбору не делает, кому сколько лет.

Макар выслушал подробности отъезда Борзых, еще одну порцию советов о сбережении собственного здоровья, попрощался с женщиной и спустился вниз. Из рассказа соседки следовало, что ни Алла, ни тем более Никита не могли предпринять никаких действий по уничтожению Ксении Пестовой: одного совсем недавно перевели из реанимации в палату интенсивной терапии, другая всеми силами его выхаживала. Макар отдавал себе отчет в том, что Богданова вполне могла нанять исполнителя, но одно у него не стыковалось с другим и, вспомнив все, что знал об отношениях Борзых и Богдановой, он отрицательно покачал головой: вряд ли Алле сейчас до того, чтобы расправиться с потенциальной любовницей Никиты.

Он подумал о том, что мог иметь место нехитрый спектакль, разыгранный специально для него, но проверка была делом десяти минут. Макар поднялся на четвертый этаж, позвонил в первую попавшуюся квартиру, рассказал выдуманную на ходу короткую историю о поисках знакомой, выслушал описание женщины, с которой только что разговаривал, и, поблагодарив, ушел. Можно было не сомневаться в том, что он общался с настоящей соседкой, а не с актрисой, выдававшей себя за нее. В актерские же способности самой соседки Илюшин не верил: слишком убедительно была рассказана ею история о заболевшем Никите, которому она, по всей видимости, от души сопереживала.

Макар вышел из подъезда и уселся на лавочку. Ему нужно было как следует обдумать все произошедшее, потому что несколько минут назад он окончательно убедился в том, что совершил ошибку.

Алла сидела возле койки, на которой дремал Никита, и плоское белое лицо ее излучало спокойствие. Радость же Алла держала глубоко внутри, не давая ей прорваться, потому что Никита в лучшем случае вышел бы из себя, а в худшем – прогнал бы ее: по его разумению, она не имела права радоваться, раз ему так плохо. Но она была почти счастлива, потому что наконец-то Никита полностью зависел от нее.

Алла плохо запомнила, как металась по квартире, пытаясь найти какое-нибудь лекарство, как высматривала из окон машину «Скорой помощи», как вместе с хмурым санитаром помогала идти Никите, губы которого стали даже не синего, а какого-то серого цвета. Но зато ощущение счастья, которое она испытала, поняв, что с ним все будет в порядке и больше Никита от нее никуда не денется, отпечаталось в ней, словно след на податливой земле, и Алла тут же окружила этот участок земли заборчиком, поставила табличек: «Не трогать! Счастливое воспоминание!» Когда Никита повышал на нее голос или начинал в злобе брызгать слюной, она

мысленно возвращалась к своему участку, рассматривала его, и это сразу же успокаивало ее.

Глядя, как его голова утопает в подушке, рассматривая его лицо, на котором застыла страдальческая гримаса, Алла испытывала умиротворение. Никита держался за ее руку, как ребенок, требовательно теребил ее пальцы, и жена отзывалась ласковым прикосновением: «Я здесь, здесь, я тебя не брошу». В то же время она ощущала, что самопожертвование будет излишним, и старалась ограничивать себя в проявлениях нежности. «Нельзя ему надоедать. Пусть чувствует, что я могу уйти».

Богданова и думать забыла о Ксении Пестовой – она испытывала необъяснимую уверенность в том, что Пестова больше не представляет угрозы для ее семейного благополучия. Оно, как и Никита, теперь было полностью в руках самой Аллы.

Все семейство Шестаковых уже завтракало, когда в столовую вошел Макар Илюшин. Эльвира Леоновна переглянулась с детьми – вид у гостя был такой, словно он не спал всю ночь: светло-русые волосы взъерошены, глаза красные, и выглядит не на двадцать четыре года, а на все тридцать пять.

Отчасти предположение Шестаковой соответствовало истине: Илюшин оставался у Ксении Ильиничны до полуночи, хотя сам понимал, что роль сторожевого пса при ней довольно-таки нелепа. Но уехать раньше он не мог. Ксения добросовестно повторила ему все, что рассказывала и раньше: у нее не было врагов, кроме Аллы Богдановой, она никому не переходила дорогу, ни с кем не ссорилась, и ей никто больше не угрожал. Оставалась версия мести бывшего мужа, и Макар понимал, что следовательно в первую очередь начнет отрабатывать именно ее. Но Ксения уверяла, что они с Максимом расстались вполне мирно.

– Ему не за что меня убивать, – четвертый раз повторила она, жалобно глядя на Илюшина. – Честное слово, не за что! Нам даже делить нечего: я жила в его квартире, зарплату тратила на хозяйство и свои нужды. Машина – его собственная, я на нее никогда не претендовала. Когда мы развелись, снимала квартиру вместе с подругой...

Ксения сложила пальцы и закрыла глаза. Илюшин уже знал, что она читает какой-то стишок, который помогает ей успокоиться.

– Вы разведены официально? – Макар продумывал все возможные мотивы.

– Конечно. Говорю тебе, Максим здесь ни при чем.

Друзья, бывшие подруги, коллеги по работе... В двенадцать ночи

Илюшин нехотя ушел от Ксении с полным ощущением, что все это время бродил рядом с разгадкой, но не увидел ее. Он созвонился с Бабкиным, который добросовестно пытался помочь, но оба не придумали ничего нового. Не было никаких серьезных изменений в жизни Ксении Пестовой, она не знакомилась со старушками, собиравшимися завещать ей крупную сумму в обход родных племянников, и потому Бабкину с Илюшиным приходили в голову лишь экзотические версии мотивов преступника, не имевшие под собой ничего, кроме чистой фантазии. Макар лег спать в пять утра, проснулся всего через три часа, позвонил Ксении и с облегчением услышал, что ночь у них прошла спокойно.

Спустившись в столовую и поздоровавшись со всеми членами семьи Шестаковых, Макар опустил в кресло, отпил крепкий кофе, налитый ему Элей, и на секунду прикрыл глаза, отвлекаясь от мыслей о Ксении Ильиничне и человеке, который пытался ее убить. Вокруг него велась на первый взгляд обычная утренняя беседа, но он ощущал, как напряжены трое из пяти человек, сидящих вокруг него.

Эльвира Леоновна смеялась, шутила, но теперь за ее старательным весельем Макар видел растерянность человека, не понимающего, что происходит вокруг него. Голубые глаза со скрытой тревогой перебежали с одного лица на другое, фарфоровая кожа без румянца была бледна, а мелкие морщинки прорезались четче, словно Шестакова, как и Макар, почти не спала этой ночью. Но она все равно оставалась красива – почти безупречной красотой куклы, с которой детям никогда не разрешали играть, и оттого сохранившей в неприкосновенности и длинные блестящие волосы, и ажурное «взрослое» платье, и золотое украшение.

Илюшину вспомнились вязаные куклы Эли, и он пристально посмотрел на девушку, наконец-то присевшую, чтобы позавтракать. Самая некрасивая в этой семье, она была и самой уязвимой, и он подумал о том, каких трудов ей стоило отстаивать свое право заниматься тем, чем хотелось, а не претворять в жизнь мечты Элеоноры Леоновны об идеальной дочери. Бесформенная серая рубашка уродовала ее, но движения Эли сегодня были почти грациозны, и Макар вспомнил рассказы об изящной красавице Розе Шестаковой. «Надо же было так ошибиться... С другой стороны, они приложили достаточно усилий к тому, чтобы я пошел по неверному пути».

Леонид с Эдуардом, сидевшие друг напротив друга, этим утром выглядели удивительно похожими: гладко причесанные, хмурые, с неторопливой ленцой в движениях. *Опасные*. Лариса казалась расслабленной, но в прозрачных серо-голубых глазах сквозила тревога,

когда они останавливались на Макаре. Она ела торопливо и некрасиво, и Эльвира Леоновна даже сделала ей замечание, которое дочь молча проглотила. Волосы она зачесала назад, собрала в гладкий хвост, как и ее брат-близнец, и от этого портившая ее черная родинка под губой еще больше бросалась в глаза.

Эльвира Леоновна рассказывала о том, как мэр Тихогорска десять лет назад решил построить посреди города крепость для привлечения туристов и для этого начал строительство стены из белого кирпича, но спустя всего год стройка встала: мэр сменился, и финансирование затеи прекратили. Разбирать начатую стену никто не стал, поэтому так и остались неподалеку от главной площади города развалины, напоминавшие о грандиозном проекте «Белая Крепость».

Макар вспомнил, что видел с холма руины, когда приезжал в гости к Ксене Пестовой, и даже решил, что в Тихогорске и впрямь когда-то был кремль. «Очередная обманка, как и все вокруг, – усмехнулся он. – Мне удивительно везет на мифы, появляющиеся из ниоткуда». В нем зрело желание уйти из этой комнаты, насквозь пропитанной фальшью, уехать туда, где его ждали и где он чувствовал себя нужным. Но прежде Макар хотел поставить точку в этой некрасивой истории.

– А вы сегодня на редкость молчаливы, – неожиданно бросила Лариса, которую быстрее, чем остальных, вывело из себя нетипичное поведение гостя.

– Может быть, Макар Андреевич плохо себя чувствует, – с преувеличенной заботой, превращавшейся в насмешку, отозвался Леонид.

Эльвира Леоновна укоризненно взглянула на сына.

– Я плохо спал, – сказал Макар и добавил, не давая вставить слова ни Ларисе, ни Леониду: – Мне всю ночь мешали призраки.

В комнате повисла тишина. Илюшин заметил, как Эдуард метнул быстрый взгляд на старшего брата, а Лариса уставилась в тарелку. Эльвира Леоновна, наоборот, воззрилась на Макара со смешанным чувством удивления и возмущения.

– Что вы имеете в виду, Макар Андреевич? – наконец осведомилась она. – Надеюсь, это шутка?

Илюшин отодвинул чашку с недопитым кофе и откинулся на спинку кресла.

– Знаете, что удивительно, Эльвира Леоновна? – заметил он вместо ответа на ее вопрос. – Удивительно то, насколько близко к сердцу вы воспринимаете слово «призрак» или, скажем, «привидение». Казалось бы – что я такого сейчас сказал? Однако вы встрепенулись, как будто по вашему

дому и в самом деле расхаживает призрак, а вы стараетесь это скрыть.

Шестакова даже не попыталась улыбнуться в ответ.

– Я не люблю шутки такого рода, – отрезала она.

Эля испуганно смотрела то на Илюшина, то на мать, прикусив нижнюю губу.

– Неудивительно, что вы их не любите, – хладнокровно отозвался Макар. – Потому что с вами слишком часто шутили подобным образом. Точнее сказать, не с вами, а с теми, кто пытался поселиться в вашей замечательной гостинице.

– О чем вы говорите?!

– Думаю, вам лучше задать этот вопрос Леониду Сергеевичу. Или, может быть, Ларисе Сергеевне?

Голос Макара утратил обманчивую мягкость, стал жестким и тихим, но очень отчетливым. Взгляд его остановился на Ларисе, которая попыталась изобразить на лице непонимание, но не выдержала и отвела глаза.

– Макар Андреевич сегодня определенно не выспался, – пояснил Леонид, скривив губы. – Я предлагаю закончить этот бессмысленный разговор.

Он встал, резким движением швырнув салфетку на стол.

– А вы мне и не нужны для продолжения разговора. – Бесстрастность Макара была такой же обманчивой, как и мягкость, – в действительности он разозлился. – Не думаю, что вы сможете добавить что-то новое к тому, что я выяснил. Впрочем, нет – пожалуй, все-таки можете. Поведайте мне, господин Шестаков: как шевелилась штора?

– Что? – хором спросили двое – Эльвира и Эля. Эдик промолчал, и Макар мысленно кивнул самому себе: его подозрение подтвердилось.

– Я говорю, – обратился он к Эльвире Леоновне, – что в длинном списке фокусов, использованных вашими детьми, мне непонятна техническая сторона одного-двух. Я буду признателен, если кто-нибудь удовлетворит мое любопытство. Может быть, вы, Эдуард? Нет, не хотите? Тогда вы, Лариса? Тоже молчите? Леонид, вы, кажется, собирались уходить...

Леонид медленно сел, не сводя взгляда с Илюшина.

– Дорогие мои, что здесь происходит? – Шестакова недоуменно оглядела своих детей. – О каких фокусах говорит Макар Андреевич? Я требую ответа!

– Ты всегда только требуешь! – неожиданно визгливым голосом выпалила Лариса.

– Ларка!

– Отстань, Леня! Мне это надоело! Ты же видишь, он, – последовал кивок в сторону Макара, – не успокоится, пока все не выложит. Ищейка!

– Лариса, как ты смеешь?! – задохнулась от возмущения Шестакова.

– А вот и смею! «С этим домом у меня связаны счастливые воспоминания», – передразнила она голосом матери. – А о нас ты подумала? Ты когда-нибудь думала о ком-нибудь, кроме себя? Нет, ты вцепилась в эту развалюху, – Лариса широким жестом обвела комнату, – и не хотела слушать ни меня, ни Эдьку, ни Леню. А ведь мы говорили тебе!.. Мы просили тебя: давай продадим дом и поселимся по отдельности, чтобы каждый из нас мог строить свою жизнь. Но для тебя это не имело никакого значения! Плевать, что Эдик и Леня не могут привести к себе девушек, потому что стесняются тебя. Плевать, что я не могу выйти замуж, потому что даже полному ничтожеству в штанах требуется, чтобы у его избранницы была квартира! Имеет значение только то, что тебе, мама, комфортно!

– Лариса! – Эдуард попытался остановить сестру, но она уже замолчала сама, бессильно махнув рукой. – Мама, мы хотели сделать как лучше для всех. Может быть, наши методы покажутся тебе не совсем правильными... честными... но, поверь, мы заботились и о тебе тоже.

– Мы в первую очередь заботились именно о тебе! – добавил Леонид, метнув уничижительный взгляд на сестру. – Не слушай Ларку, она тебе и не то со злости наговорит.

– Я... – ошеломленно начала Эльвира Леоновна, – я не понимаю... Макар Андреевич, объясните хотя бы вы!

– Все очень просто. – Макар встал, прошел мимо застывшей, словно изваяние, Эли и достал из холодильника сливки. – Ваши дети, Эльвира Леоновна, решили вынудить вас продать дом. Уговоры на вас не действовали, а ведь появился даже покупатель – щедрый и готовый ждать! И тогда они придумали план, который учитывал все: историю вашего дома, в которой была покончившая с собой восемнадцать лет назад женщина, готовность людей воспринимать сверхъестественное в незнакомом месте – тем более таком, как старое жилище, а также технические способности вашего старшего сына.

Он вернулся в кресло и разбавил сливками кофе. Пять пар глаз, не отрываясь, следили за тем, как тонкая молочная струя льется в чашку, будто Макар совершал священнодействие.

– И что же? – с отчаянием спросила Шестакова, когда Илюшин отставил сливочник в сторону. – Что вы хотите этим сказать?

– Уверен, Эльвира Леоновна, что когда кто-то из постояльцев первый раз объявил вам, что слышал ночью привидение, вы просто посмеялись. Однако этот человек быстро съехал – через день или через два, – и вы слегка удивились. Когда то же самое сказал вам второй, вы удивились чуть больше, но недолго держали эту ерунду в голове. Но затем стало происходить что-то необъяснимое: постояльцы съезжали, через несколько месяцев у вас селилось куда меньше клиентов, а разговоры о том, что в доме есть привидение, которое мешает людям, стали выводить вас из себя. Ведь вы-то – человек разумный, не верящий в детские сказки. Вам и в голову не пришло, что против вас объединились дети, развлекающиеся почти невинной игрой – имитацией призрака. Однако ради сохранения своего дела вы пошли на серьезный шаг и заменили старые двери во всех комнатах – надеялись, наверное, что звукоизоляция окажется действенной мерой против непонятных звуков. Наверное, в конце концов у вас начали сдавать нервы, и вы на полном серьезе стали размышлять о том, что в дом вернулся дух вашей покойной сестры. Этим, полагаю, и объясняется ваша нервозность, ваша чрезмерно резкая реакция на любое упоминание о призраке.

Откинувшись на спинку стула, Шестакова слушала его с широко раскрытыми от изумления глазами.

– Я... да, вы правы. – Она приложила руку ко лбу, словно у нее заболела голова. – Так все и было. Все постояльцы повторяли одно и то же, и я больше была не в силах слышать это! Так, значит... – Эльвира Леоновна обвела взглядом своих детей, и все, кроме Эли, отвели взгляд, – значит, все придумали вы??? Вы трое? Боже мой, зачем?!

– Затем, – объяснил Илюшин, сочувственно глядя на женщину, – что они хотели лишить вас единственного источника дохода. Ваши вспышки пошли только на пользу их совместному плану. Потому что для них самым главным было не выжить постояльцев, пугая их призраками, – конечно, нет! Самым главным было убедить вас, что в доме появилось что-то аномальное. Одним выстрелом убивались два зайца: вы срывались на клиентах, и те покидали ваш дом, и в то же время вы сами стали чего-то бояться.

– Я не знала... не знала, что и думать! Старалась уговорить себя, что все звуки людям только мерещатся...

– Мама, мы не хотели тебя пугать, – со страданием в голосе проговорил Эдуард.

– Конечно, нет! – подтвердил Илюшин. – Вы старались испугать постояльцев, потому что мама очень быстро раскусила бы все ваши трюки

– ведь она прожила в этом доме столько лет! Вы спрятали магнитофон под лестничной ступенькой и записали громкий скрип ступенек – эффектно получилось, признаю! Уверен, что еще один такой же можно обнаружить, если поискать в угловой комнате на втором этаже – кстати, чей голос вы использовали для создания образа рыдающего призрака? Полагаю, Лариса, что ваш.

Девушка скорчилась в своем кресле, сцепив руки и рассматривая скатерть.

– Не забудем про самый интригующий номер – выход «Дамы в белом»!

– Бог мой, а это что?! – поразились Шестакова.

– Это, уважаемая Эльвира Леоновна, довольно зрелищно: на чердак входит женщина в белом платье и исчезает бесследно. В роли Дамы выступал Леонид, а сигнал ему на выход, думаю, подавала Лариса. На вашем чердаке полно места, куда можно спрятаться. Что у нас еще осталось? Гаснущие светильники – ерунда, проделка для школьников... Качающаяся штора – тоже... Ах да! Вздохи в комнате! Поначалу я решил, что для них имеется объяснение, не относящееся к «призраку», но сейчас полагаю, что все-таки и этот спецэффект – дело ваших способных рук, Леонид. Рядом с моей комнатой снаружи находится бутафорский балкончик – точнее, я прежде думал, что он бутафорский. На самом же деле вылезти на него – полпустяка. С балкончика до моих окон – в буквальном смысле рукой подать, и при желании с него можно наблюдать за тем, что происходит внутри. Единственный предмет, который я не обследовал в своей комнате, – это люстра. Что у вас там, Леонид? Дистанционно управляемый динамик? Звук был очень качественный – мне и в самом деле показалось, что рядом со мной кто-то стоит.

Брат Ларисы удовлетворенно усмехнулся. Илюшин покосился на него и добавил:

– Кстати, Эльвира Леоновна, ваша дочь оказалась куда более восприимчивой и впечатлительной, чем вы, – она хорошо помнила соседку, покончившую с собой, и поверила в то, что в доме действительно поселилось привидение. Скажите, Эдуард, ведь вы не посвятили Элю в ваш план, не так ли?

Парень ничего не ответил.

– Поэтому, – продолжал Макар, обращаясь к нему, но глядя при этом на Элю, слушавшую его с открытым ртом, – ваша старшая сестра принимала всерьез все мои жалобы на плач и завывания призрака. И даже попросила съехать – наверное, боялась за мое состояние. Правда, Эля?

– Да... – пробормотала та, – то есть нет... я попросила не поэтому... Боже мой, Эдик! Мама! Неужели это правда?

– Хватит причитать! – не сдержался Леонид. – «Боже мой! Мама, неужели это правда!» Сидишь, как заколдованная принцесса, в своей комнате и ни черта не знаешь о реальной жизни. Посади тебя с клубком в шалаш – ты и там будешь вязать и глупо улыбаться!

– А вы и в шалаше придумаете какую-нибудь гадость! – парировал Илюшин. – Например, договоритесь с Парамоновым.

– Что? – ахнула Эльвира Леоновна. – Эдик! Не может быть!

– Нельзя же полагаться только на привидение, – пожал плечами Илюшин, не обращая внимания на ненавидящие взгляды Эдуарда и близнецов. – В конце концов вам, Эльвира Леоновна, в очередной раз сделали бы заманчивое предложение, от которого вы не смогли бы отказаться. Я видел вас, Эдуард, вместе с тем самым человеком, который так хочет приобрести дом вашей матушки.

– Вы договорились с Парамоновым?! Не могу поверить... Лариса, Леня! И все это ради того, чтобы я продала дом?!

Лариса вскочила, ударила ладонью по столу, и чашки подпрыгнули, задребезжали на блюдцах.

– Нет, это ради нормальной жизни! Ради того, чтобы избавиться от нашей коммуналки, поселиться отдельно! Как ты не понимаешь, мама, – мы уже взрослые!

– Нормальная жизнь – это быть на вашем содержании? «Взрослые»? Да вы взрослые ничтожества! Как вы смели?! Лжецы!

– Не кричи на меня!

– Если бы ты хоть немного прислушивалась к нам, мама, ничего бы не произошло!

– Господи, не ссорьтесь, умоляю вас!

– А ты вообще не вмешивайся!

– Не оскорбляй свою сестру!

Макар тихо встал и пошел к выходу. На его уход никто не обратил внимания – за его спиной кричали, визжали, обвиняли друг друга и скандалили, так что он облегченно выдохнул, закрыв за собой дверь. «Напрасно вы, Эльвира Леоновна, старались отгородиться от привидений. Люди всегда страшнее призраков».

Глава 11

Яков Матвеевич обошел ранним утром район, притворяясь перед самим собой, будто он просто гуляет, проветривая голову после мучившей его бессонницы. Он заглянул в чужие дворы, посвистел возле пруда, прислушиваясь, не раздастся ли шорох в кустах, и медленно побрел обратно, щурясь от яркого солнечного света.

Вернувшись, старик опустился на холодное крыльцо и некоторое время сидел, бессмысленно глядя на ползущую по тропинке гусеницу. Даже мысль о внуках, которой обычно он себя успокаивал, сегодня не оказала на него никакого воздействия – вслед за нею пришла тревога за дочь, а там потянулось и воспоминание о том, как она чуть не разрушила собственную семью из-за глупой интрижки...

«Надо успокоиться», – подумал Афанасьев, отводя взгляд от гусеницы – ее судорожные рывки отчего-то лишили его остатков душевного равновесия. Яков Матвеевич сосредоточился, соединил вместе подушечки мизинцев, а затем, представив все так, как его учили, закончил упражнение и начал снова, ощущая, что дышать становится легче.

Илюшин вышел из дома и поежился, чувствуя, как утренний ветер насквозь продувает рубашку. Улица вокруг него была напоена сонной тишиной, нарушаемой только доносившимися из окна столовой выкриками Шестаковых. Макар поморщился, сбегал с крыльца и пошел прочь, раздумывая о том, где бы поскорее снять комнату. Остаться у Эльвиры Леоновны он больше не собирался.

Проходя мимо дома старика Афанасьева, Илюшин замедлил шаг возле куста сирени, а затем и вовсе остановился, приглядываясь к хозяину, сидевшему на крыльце. Яков Матвеевич делал что-то странное: последовательно соединял пальцы «домиком», держа руки перед собой, и, кажется, что-то бормотал себе под нос. Макар некоторое время удивленно наблюдал за ним, а затем подошел к калитке и окликнул хозяина.

Афанасьев его не услышал, весь погруженный в свое странное действие, и тогда Илюшин постучал по перекладине забора.

– Яков Матвеевич! – крикнул он. – У вас все в порядке?

Старик вздрогнул, будто просыпаясь, поднял голову, узнал Макара и кивнул, показывая, что тревожиться не о чем. Он сделал рукой непонятный жест, который можно было истолковать двояко: и как предложение

заходить, и как просьбу оставить его в покое и убираться. Поколебавшись секунду, Илюшин решил, что ему подходит первая тракторка, и открыл калитку.

Он приближался к Афанасьеву, не в силах отвести взгляд от соединенных вместе морщинистых пальцев и пытаясь понять, что же его так зацепило. Взгляд старика, направленный на него, был отсутствующим, словно Яков Матвеевич думал о чем-то своем и никак не мог переключиться на пришедшего. Он едва кивнул Илюшину, но пальцы не расцепил.

– Что вы делаете? – спросил Макар, поздоровавшись, и кивнул на руки Афанасьева. – Медитируете?

Старик усмехнулся, покачал головой.

– Не совсем. Сказать честно, это ерунда, детская забава... Но мне помогает. Один врач когда-то показал, как можно легко успокоиться. Я тогда посмеялся, а потом сделал пару раз – смотрю, а оно и вправду действует.

– Что действует?

– Да заговор этот. Могу и тебя научить – вдруг пригодится на будущее.

Илюшин сел на ступеньку и выжидательно посмотрел на Якова Матвеевича.

– Прежде чем валерьянку пить и таблетки глотать, – начал старик, – нужно сделать вот что: сначала соединяешь кончики мизинцев, затем – безымянных, потом – средних, указательных и больших пальцев. Только очень внимательно, ни на что не отвлекаясь. В этом упражнении, как доктор мне сказал, самое главное – ни на что не отвлекаться. Ну и кое-что говорить про себя.

– Что говорить?

Илюшину показалось, что старик смутился.

– Э-э-э... да глупости говорить, в общем. Стишок один, вроде как для малышей.

– Какой?

Макару стало смешно – не столько от «стишка для малышей», сколько от того, что Якову Матвеевичу явно стало неловко повторять чепуху.

– Не стишок даже – так, строчки. В общем, говоришь вот что...

Старик решился и прочитал вслух, соединяя пальцы поочередно на каждой новой строчке:

Кошка мурлыкает,

Птица чирикает,

Старик идет,
Поле цветет,
Течет река...

Он расцепил пальцы, покрутил перед лицом Макара руками:

– А затем добавляешь последнюю строчку, и на каждый слог пальцы снова соединяешь, но уже наоборот – от большого к мизинцу. А последняя строчка – «Над ней облака». Понял?

Илюшин рассмеялся и повторил:

– Кошка мурлыкает, птица чирикает, старик идет, поле цветет, течет река – над ней облака. Яков Матвеевич, это почти шедевр. В вашем докторе умер поэт.

– Вот ты шутишь, – строго сказал Афанасьев, – а способ-то, между прочим, очень даже хороший. Тут самое главное не стихи читать, а под каждую строчку представлять: вот кошка мурлыкает – соедини мизинцы и представь, как она на крылечке сидит и мурчит. Вот птица чирикает – следующие пальцы сведи вместе и вообрази воробья на ветке. Понял? Все, что говоришь, воображай! На моем поле, скажем, маки цветут, а на твоём будут ромашки. И облака тоже нужно представить, когда в обратную сторону по пальцам идешь. А доктора моего не ругай – скептиками-то мы все можем быть, а он мне тогда помог, и до сих пор я его добрым словом вспоминаю. Бывает, забеспокоишься о чем-то, испугаешься, всю эту галиматью про себя повторишь – глядишь, валерьянка-то уже и не требуется.

Яков Матвеевич увидел, что улыбка медленно сползает с лица гостя. Уставившись на ступеньку, на которой дрожал солнечный зайчик, Илюшин мысленно перенесся в другое утро, когда молодая женщина в перепачканном плаще сидела напротив него, методично соединяя пальцы, а он несколько раздраженно наблюдал за ней. «Не обращайтесь внимания, я пытаюсь прийти в себя. Это... такой набор, для релаксации. Противное слово – релаксация, но ничего лучше не придумывается».

– И кто же вас научил этому нехитрому способу? – медленно проговорил Макар.

– Был такой доктор – Антон Павлович, – неохотно ответил старик. – Соколов его фамилия. Хирург. Я его знал, потому что он в гости ходил к Шестаковым, – так и познакомились, через забор. Неплохой был мужик, упокой господи его душу. Вот он и научил.

– Соколов, значит, – повторил Макар. – Антон Павлович. Спасибо,

Яков Матвеевич.

Развернулся – и торопливо пошел прочь, оставив недоуменно глядевшего ему вслед старика, не понимающего, за что его поблагодарили.

Ксения открыла дверь, расшугав котов, которые так и лезли под ноги, и сразу увидела, какое странное, непривычно серьезное лицо у Макара. Но спросить ничего не успела, потому что он ее опередил.

– Что ты читаешь про себя, когда пытаешься успокоиться? – спросил Илюшин, заходя в дом.

– Я? – Ксения опешила от его вопроса. – Один стишок. А что?

Макар сел и посмотрел на нее снизу вверх своими серыми, очень ясными глазами.

– Кошка мурлыкает... – проговорил он. – Птица чирикает. Старик идет. Поле цветет. Я прав?

– Откуда ты знаешь?! Я думала, Антон Павлович это сам придумал...

– Он, наверное, сам и придумал. – Илюшин прикрыл глаза и даже не погладил Вилку, вскочившую ему на колени. – Ксения Ильинична, почему же вы мне раньше не рассказали, что были знакомы с Соколовым?

От его «выканья», интонации и усталости, отчетливо слышной в голосе, Ксения окончательно растерялась. Она присела рядом с Макаром, погладила его по взъерошенным волосам.

– А это важно? – осторожно осведомилась она. – Это имеет какое-то значение? Он умер несколько лет назад, и я понятия не имела, что ты был с ним знаком...

– Я не был. – Илюшин открыл глаза, перехватил ее руку и встал. – Сейчас мы пойдем в комнату, и ты расскажешь мне все – Ксения, все! – что связано с Антоном Павловичем Соколовым.

О них стали сплетничать, стоило кому-то из медсестер заметить Пестову и Соколова обедающими вместе. В какой момент началась их дружба, Ксения не могла бы ответить: наверное, после того, как пришел новый главврач вместо прежнего – сурового старикана, державшего «свою» больницу в ежовых рукавицах, но при этом уважаемого всеми врачами и сестрами. Новый главный был вальяжен, толст, говорил медленно и лениво, выцеживая слова по одному, словно даря драгоценность слушающему. В первую же неделю по отделению поползли слухи, будто новый ни с того ни с сего наорал на одного из хирургов и сделал это якобы в присутствии больного, но подтвердить эти слухи никто не мог, и вообще было непонятно, откуда они взялись.

Как бы то ни было, Олег Федотович Ксении при знакомстве очень не понравился, поскольку показался образцовым напыщенным дураком. Она надеялась, что первое впечатление окажется неверным, но с ужасом видела, как буквально на глазах меняется все в больнице, которую она любила, хотя порой и проклинала работу, вытягивавшую из нее все силы.

Про молчаливого красавца Антона Павловича по больнице ходили сплетни – говорили, что он уехал из соседнего Тихогорска от своей большой любви, которая была замужем, а потом развелась, но снова выскочила замуж за какого-то местного чиновника, предпочтя его обаятельному хирургу. Еще говорили, что потому-то и позволяет себе Соколов пару, а то и тройку раз в год напиваться до белых чертей и не идет на серьезные отношения с женщинами, лишь на короткие интрижки. Одно знали совершенно точно: много лет назад у Антона Павловича трагически погиб близкий друг, и нашлись в больнице врачи, которые были знакомы с Борисом Чудиновым. Как-никак, Тихогорск и Анненск – городки небольшие, расположены близко, и у кого-то даже сохранилась фотография с праздника, на которой молодые Антон и Юрий стояли в обнимку под мохнатой елью и лица у обоих были пьяные и счастливые.

Ксения сплетнями не интересовалась и хирургу симпатизировала издалека. Но как-то они разговорились после смены, затем пообедали в больничной столовой и постепенно незаметно друг для друга сблизились, удивительно легко найдя общий язык – молодая врач-кардиолог и уже немолодой, изредка выпивавший хирург, не имеющий ни друзей, ни близких. Во время одной из их бесед Ксения вдруг увидела перед собой глубоко несчастного человека, заполняющего пустоту работой, хотя Соколов никогда ей не жаловался, да и вообще их беседы не выходили за рамки обсуждения историй пациентов и размышлений из разряда «о жизни».

– Мы не спали, если тебя это интересует, – сказала Ксения, глядя на внимательно слушавшего Макара. – Хотя мне никто не верил и ему, кажется, тоже.

– А вы кому-то что-то доказывали? – тут же спросил Илюшин.

– Да нет... глупо доказывать, что ты не верблюд. Про Антона Павловича я слышала, что он резко осадил анестезиолога, который глупо пошутил о наших с ним отношениях.

Она помолчала, рассеянно погладила Люцифера, лежавшего рядом на кровати.

– Нас, наверное, нельзя было назвать друзьями... Просто Антон

Павлович был со мной куда откровеннее, чем с другими. Он мне доверял, как и я ему. Знаешь, временами Соколов казался мне стариком, хотя ему было всего... – она задумалась, подсчитывая, – ему было меньше пятидесяти лет. Подумать только, Макар, – меньше пятидесяти! А он жил анахоретом, не имел друзей, так и не женился... И был противоречивым человеком – иногда говорил мне, что он ни в чем не виноват, а в другой раз назвал себя убийцей, который всю жизнь расплачивается за свой поступок.

– Кого он убил?

– Своего друга. Того самого, Борю Чудинова. Наверное, теперь можно рассказать, потому что я никому не говорила об этом ни слова и даже сама постаралась забыть, как будто и не было того разговора...

Разговор случился зимой, в феврале. Они с Соколовым сидели на скамейке перед больницей, и Ксения сыпала семечки собравшимся у ее ног воробьям, а Антон Павлович курил – он всегда начинал курить после своих запоев, говорил, что курит ровно четыре дня, а потом бросает. До следующего раза.

Раннее синее утро, перевернутые желтые чашки фонарей вдоль аллеи, которая вела от больницы к остановке и дальше – к маленькой деревянной церкви, черные стволы редких лип, стороживших дорогу... Ксения куталась в дубленку и стряхивала семечки, застрявшие в пушистой кроличьей варежке. Соколов часто жмурился, будто пытался проснуться, хотя на таком холоде сон слетал мигом, растворялся от мороза, как от кислоты. Она искоса поглядела на него и покачала головой: серая, землистого оттенка кожа, мешки под глазами и запавший рот старили его лет на десять.

– Завязывали бы вы, Антон Павлович, – с показным безразличием сказала Ксения. – Выглядите плохо, чувствуете себя еще хуже. Олегу Федотовичу даете лишние козыри. Вся больница знает, что он вас терпеть не может.

– Юдошин – дурак, – хрипло отозвался Соколов, закуривая вторую сигарету. – Вся больница об этом тоже знает.

– Какая разница? – Она рассерженно бросила семечку, и встревоженный воробей отлетел в сторону. – С дураком, Антон Павлович, нужно обращаться куда осторожнее, чем с умным. Да что я вам объясняю? Вы же сами прекрасно все понимаете!

Они помолчали. Хирург начертил сигаретой в воздухе круг, ткнул в середину, словно поставил точку. Дым медленно рассеивался, и казалось, что одновременно вокруг становится светлее.

– Ненавижу зиму, – сказал Соколов. – Ксения, я тебе говорил, что как-

то раз зимой я убил человека?

Ксения поверила ему сразу. Позже она сама удивлялась тому, что у нее не возникло даже тени сомнения в том, что Антон Павлович сказал ей правду, хотя признание его прозвучало без всякой патетики – просто слова, произнесенные почти обычным голосом.

– Убил... – продолжал Соколов, глядя в то место, где была поставлена воображаемая сигаретная точка. – Мы с ним любили одну женщину. Возвращались вечером третьего февраля вместе домой, и Борька вдруг начал мне говорить, что я непорядочно себя веду, что на меня нельзя полагаться и он сам на ней женится... Я сперва дар речи потерял, а потом заорал на него благим матом, да и он в ответ – таким же. Стоим друг напротив друга, орем, и ни одного человека на всей улице...

Соколов снова замолчал. Ксения сидела, боясь повернуть голову в его сторону.

– Я все помню очень хорошо, – медленно проговорил Антон Павлович. – Метель метет черная, ветер воет, будто с ума сошел, а я ничего не вижу, кроме Борькиного лица, – он кричит на меня и сам весь красный. Я думаю – вот сейчас ударю его, ударю прямо по лицу... А ударить не могу – страшно. А он выпаливает мне прямо в лицо: ты, говорит, только жизнь ей портишь, оставь ее в покое, она и так настрадалась из-за тебя! Поди, кричит, прочь! И тогда я его толкнул.

Ветер пронесся по аллее, взвихрил свежевыпавший снег, разметал горку пепла, ссыпавшегося с сигареты.

– Толкнул – и Борька вылетел на дорогу. Я машину слишком поздно заметил, а когда услышал, с каким звуком она его ударила, сразу понял, что он умер. И как будто выключили что-то во мне. Только что жил Борька Чудинов, а один миг – и стал вместо Борьки куль в дубленке.

Соколов закашлялся и долго не мог остановиться. Наконец вытер губы тыльной стороной ладони, спрятал обветренную красную руку в карман.

– И что вы сделали? – рискнула спросить Ксения.

– Убежал. Отбежал в сторону, к подворотне, и оттуда смотрел. Водитель из машины выскочил, наклонился над Борькой, а потом закричал так, что даже из подворотни слышно было, и бросился обратно. И уехал.

– Как – уехал?

– Точно так же, как я убежал, – невесело усмехнулся Соколов. – Тоже, значит, перепугался до смерти.

– А вы? Что вы сделали?

– А я даже к Борьке не подошел – и так знал, что он мертвый. Сразу бросился к Эльвире с Розой, все им выложил как на духу. Помню, меня

всего трясло – Роза из бутылки наливает, а стопка у меня в руке гуляет, так что водка через край переливается. До сих пор благодарен им за все, что они для меня сделали. Я в таком ужасе был, что ничего не соображал – твердил только, что я убийца, и трясся как лист. Потом, когда следователь меня спрашивал, я воды у него попросил – а стакан в руку взять боюсь: думаю – вдруг меня снова начнет трясти, и следователь все поймет...

Он запрокинул голову, глядя в светлеющее зимнее небо, из синего становящееся не голубым, а серо-сизым. Фонари погасли, и теперь издали столбы было не отличить от стволов деревьев.

– Хорошо, что я тебе рассказал, – ровно проговорил Соколов. – Я ведь трус, Ксения. Только Эльвира с Розой знали, что произошло, да еще тот водитель... Но с ним не я разговаривал, а они сами. Все в себе держал столько лет... Друзей из-за этого не заводил, пил один – боялся, что спьяну проболтаюсь и сдадут меня. Ты не думай, я сейчас трезвый. Захотелось душу облегчить, чтоб хоть ты понимала, что я не от блажи пью, а оттого, что сам всегда помню о том убийстве.

– Это нельзя назвать убийством, Антон Павлович. Это был несчастный случай!

Хирург повернул к Ксении изможденное лицо, посмотрел на нее пустыми глазами:

– Какая разница, как это называть... Я его убил – вот и вся правда. А потом сбежал.

Люцифер, по-собачьи положивший длинную морду на колено хозяйке, утомленно прикрыл глаза и прижал уши, словно устав слушать и смотреть.

– А этому упражнению – с соединенными пальцами – Соколов научил меня гораздо раньше, – сказала Ксения, проведя пальцем по изуродованному уху кота. – Кажется, он сам его придумал. Мне очень хотелось повторить его после нашего разговора тем февральским утром, но я не стала. А потом сделала вид, как будто Антон Павлович мне ничего не говорил. Вскоре его уволили, он умер, а я ушла с работы. Вот и все.

– А что с тем человеком, который сбил Чудинова? – напряженно спросил Макар. – Соколов еще что-нибудь говорил про него?

– Я точно знаю одно: он его узнал. Потому что Антон Павлович, вспоминая о том происшествии, сказал, что они с сестрами решили так: сестры сами поговорят с водителем, расскажут ему правду о том, что случилось. Он еще добавил, что был не в силах смотреть этому человеку в лицо.

– Он не боялся, что водитель его выдаст?

– Нет, вовсе нет. Антон Павлович хотел снять груз с совести водителя – ведь тот не видел, отчего Чудинов вылетел на дорогу. Только он собирался сделать это чужими руками. И знаешь, насчет друзей Антона Павловича... Я была не права, когда сказала, что их совсем не было. Он ведь переписывался с той семьей, которая поддержала его после гибели Чудинова. Каждый месяц опускал в ящик письмо – я хорошо помню, как он говорил, что его поддерживает эта переписка, хотя ни разу не виделся с сестрами после того случая. По-моему, Антон Павлович больше никогда не возвращался в Тихогорск, даже на один день.

– А ты больше никому не рассказывала об этой истории?

– Что ты! Нет, конечно!

– Значит, – заключил Макар, – это сделал кто-то другой.

Ксения хотела о чем-то спросить, но он жестом остановил ее, встал и прошелся по комнате. Кот открыл глаза и принялся следить за Илюшиным.

– Все равно не понимаю... – пробормотал Макар, – если водителю обо всем сообщили, то для чего понадобилось столько лет спустя... Стоп.

Он замер, щелкнул пальцами, перевел взгляд на девушку.

– Когда я сказал тебе, где остановился, ты упомянула, что у тебя рядом с домом Шестаковых живет клиент. Я тогда не придавал этому значения...

– Его зовут Яков Матвеевич, – подтвердила Ксения. – Я приезжаю к нему два раза в неделю, делаю массаж, потому что у него...

Она осеклась, увидев, как изменилось лицо Илюшина.

– Как давно? – быстро спросил Макар, наклоняясь к девушке и схватив ее за плечи. – Когда ты в первый раз приехала к старику?

– Кажется, чуть больше недели назад... Может быть, десять дней. Макар, мне больно!

Илюшин сам не заметил, как сильно сжал пальцы на ее плечах. Отпустив девушку, он отошел на шаг назад, и взгляд его застыл на Люцифере.

– Чуть больше недели назад... – повторил он медленно. – А первый раз на тебя напали... Точно! Все совпадает.

– Что совпадает? Объясни мне!

Илюшин открыл рот, но тут в комнате громко зазвонил телефон. Ксения от неожиданности вздрогнула, затем схватила трубку.

– Алло! Да, это я...

Макар, присев на кровать возле кота, не слушал ее разговор. Версия, вспыхнувшая в его голове, объясняла почти все случившееся, но для подтверждения ее Илюшину катастрофически не хватало фактов. Однако в нем в полный голос заговорила интуиция, а вслед за ней появилось

убеждение, что его в очередной раз хитроумно провели. Версия была странной – более того, она была дикой, но узел связывался прочный и так же легко развязывался, стоило только представить, что...

Вскочив, Илюшин схватил со стола лист бумаги, карандаш и, не обращая внимания на что-то спрашивавшую у телефонного собеседника Ксению, принялся набрасывать на листе человечков, соединяя их стрелками. Следом на рисунке появилась река, по берегам которой из сугробов выглядывали искривленные лица, над рекой возник дом, а возле дома – дерево, на ветках которого висели маленькие фигурки, похожие на кукол. Все линии сходились возле одного человечка, рядом с которым была нарисована условная собака.

Закончив, Макар некоторое время смотрел на лист бумаги, понимая, что рисунок *сложился*. Затем ударил карандашом в одну из точек, и карандаш, проткнув бумагу насквозь, вышел с обратной стороны.

«Значит, вот как все было...»

– Макар, – позвала Ксения, закончив разговор. – Макар, ты не поверишь!

Илюшин обернулся, мысленно оставаясь с нарисованными им персонажами, которые крутились вокруг дома, плыли в реке, висели на ветках деревьев, но в одной-единственной точке их судьбы завязывались вместе, превращаясь в черное пятно.

– Что?

– Звонили из милиции. Кажется, они нашли человека, который на меня напал.

Илюшин вскочил.

– Как?!

– Следователь говорит, мальчишка играл на свалке и нашел биту. Он притащил ее домой, похвастался родным, а у него родной дядя работает оперативником в Ленинском районе и слышал о нападении на меня. Он принес биту в отделение, и с нее сняли отпечатки пальцев. Исключили мальчика, его родных, и остались отпечатки пальцев какого-то депутата...

– Да, – без выражения сказал Макар. – По фамилии Рыжов.

Ксения замолчала.

– Ты слышал наш разговор? – с недоверчивым изумлением спросила она наконец.

Илюшин покачал головой.

– Рассказывай дальше.

– Рыжов... – повторила Ксения. – Его отпечатки были в картотеке, потому что он много лет назад проходил по какому-то делу. Когда ему

показали битую, он сказал, что ее возит в машине его водитель. Рыжов перекидывал ее с места на место, когда она попадалась ему под ноги и мешала, отсюда и отпечатки пальцев. Водителя зовут Дмитрий Перелесков. Я никогда не слышала этого имени.

– Ты и не должна была его слышать.

Илюшин еле сдержался, чтобы не выругаться.

– Все сойдется! Черт возьми, нужно же было оказаться таким самоуверенным болваном...

– Объясни мне, что сойдется!

– Потом. Чуть позже.

Макар наклонился и поцеловал ее.

– Я доеду с тобой до отделения, а потом уйду – мне нужно кое-что закончить. После этого, надеюсь, смогу ответить на все твои вопросы.

Он шел по улице, растопырившей навстречу ему из палисадников длинные руки с листьями – зелеными, влажными, просвечивающими на солнце, роняющими на асфальт бегущие тени, – и скользил по листьям рассеянным взглядом. Зеленый, ярко-зеленый, изумрудный, оливковый, густой до синевы, светло-зеленый, переходящий в нежную желтизну к кончику листа... Макар заставлял себя обозначать оттенки, потому что мысли его постоянно возвращались к одному и тому же воспоминанию, и он изо всех сил пытался от него отвлечься.

Но воспоминание никуда не уходило. Самое плохое было не в нем, а в том, что Илюшин почти успешно обманул самого себя, сказав, что нашел убедительное объяснение произошедшему. Но за последний час объяснение растворилось, как будто Макар ничего и не находил, и он остался один на один с крайне неприятным для себя фактом. Который заключался в том, что Илюшин себе соврал и сам знал об этом.

Он остановился возле двухэтажного оштукатуренного дома, у подъезда которого стоял детский велосипед – старый, с рулем, обмотанным синей изолентой, – и сел на скамейку, припавшую на одну деревянную ногу. Нужно было привести мысли в порядок.

«Я себя обманул».

Кусты в палисаднике качали ветками на ветру, шелестели листьями: зеленый, светло-зеленый, густо-зеленый... Илюшин потрянул головой, прогоняя наваждение: он стоит перед зеркалом, в котором отражается женское лицо – худое, бледное, с искусанными покрасневшими губами. Несчастное. Умоляющее. С огромными глазами, в которых плещется темнота.

«Я убедил себя в том, в чем мне хотелось себя убедить».

Голоса, голоса, голоса... Разные, как листья, но повторяющие, каждый на свой лад, почти одно и то же. «Она спустилась к реке и утопилась». – «У нее остался ребенок, девочка». – «Похожа на драную кошку». – «Наверное, она была очень несчастна, но мы не могли этого понять». – «Мы с ним любили одну женщину».

Макар зажмурился, но воспоминание не только не исчезло – стало еще отчетливее. Вот он оборачивается – а за его спиной никого нет. Свет фонарика слепо тычется в другие зеркала, в шкафы с полированными поверхностями, и в каждой поверхности тает, убегая прочь от света, белое лицо со взглядом, который молит о помощи.

«Это было единственным, чему не нашлось объяснения. Единственным. Но мне было удобно подвести одну причину под все явления, и я ее подвел, загородившись детьми Шестаковой, как ширмой».

Одинокая женщина жила в комнате, в которой потом заколотили ставни намертво, чтобы ни один луч света не проник внутрь. Одинокая женщина родила себе ребенка и перестала быть одинокой – теперь с ней был крошечный детеныш, которого она назвала Соней, и девочка с верхнего этажа прибегала посмотреть на детеныша, а заодно похвастаться новой куклой. Женщина смотрела на девочку с куклой и представляла, что ее дочь будет расти и они будут вместе придумывать игрушки, и вместе играть в них, и, может быть, еще будут счастливы. А пока мела улицы днем, шила по ночам и называла девочку с верхнего этажа ласковыми именами, потому что любила детей и любила эту малышку.

«Так несложно оказалось убедить себя в том, что мне все привиделось».

Перед глазами завертелся калейдоскоп: белая фигура Леонида, напялившего на себя женскую тряпку и крадущегося по лестнице; злое сосредоточенное лицо Эдуарда, прячущего под ступеньку магнитофон; искривленный тонкогубый рот Ларисы, хохочущей про себя над старухой, которая жалобно зовет людей на чердаке и боится духов... И снова – лицо, отражающееся в зеркале. Нереальное. Призрачное.

Лицо женщины, которая давно умерла.

Илюшин сделал попытку собрать воедино остатки здравого смысла и скептицизма, но скептицизм расползлся по швам, а здравый смысл отказался выполнять свою задачу, нашептывая совсем не то, что должен был. «Ты так и не смог разумно объяснить, откуда взялось отражение в зеркале. Поэтому ты убедил себя, что тебе показалось, потому что был напуган и отверг другие варианты. Вспомни, как странно ты чувствовал

себя в той комнате. Вспомни, что пережил, когда увидел отражение. Слушай свою интуицию, а не слабые подсказки разума, отворачивающегося от правды».

– Я действительно ее видел.

Стоило Макару произнести это вслух, и он почувствовал, что ему больше не нужно ничего выдумывать. Он встал, пробормотал себе под нос: «В мою картину мира придется внести некоторые коррективы» – и зашагал к дому, от которого ушел всего час назад.

Прежде чем он подошел к калитке, зазвонил телефон.

– Я узнал все, что ты просил по Софье Любашиной, – сказал Бабкин. – Думаю, тебя это заинтересует...

На крыльце, конечно, никого не оказалось, и Макар постучал, надеясь, что хозяин не успел никуда уйти. Проскрипели половицы, хлопнула внутренняя дверь, и Афанасьев озадаченно уставился на Илюшина.

– Что-то ты зачастил ко мне, парень. Чего тебе еще надо?

– Обмен. Мне нужен обмен. Видите ли, я узнал кое-что новое, и теперь у меня есть половина истории. А у вас, Яков Матвеевич, другая половина. Вы ведь понимаете, о чем я, правда? О той давней истории, когда на улице нашли тело сбитого насмерть Бориса Чудинова.

Старик слабо шевельнул губами и сделал попытку отступить назад, но Илюшин добавил:

– А в реке – тело Татьяны Любашиной, которая якобы утопилась...

Афанасьев замер на месте.

– Я даже готов рассказать вам свою половину истории без обмена на вашу, – пообещал Макар. – Вы можете выслушать и выставить меня из дома. Если захотите.

Не произнеся ни звука, Яков Матвеевич развернулся, оставив дверь открытой для Илюшина, и тот шагнул за ним следом.

Глава 12

Эля вышла из своей комнаты и остановилась, прислушиваясь. Мать, Леня с Ларисой и Эдуард остались в столовой, и она не испытывала никакого желания заходить к ним. Ее фактически прогнали после ужасного скандала, вызванного словами Макара Андреевича, – так, словно не хотели, чтобы их глупая, ничего не понимающая Эля слушала, как они выливают друг на друга ушаты помоев. «Тебя это не должно касаться, – сказала мать. – Иди, я с ними сама разберусь».

Эля озабоченно провела ладонью по блузке, думая не о предстоящей встрече, а о том, что все идет неправильно, несмотря на ее усилия. Размышляя о том, стоит ли пытаться что-нибудь изменить или пусть уж идет как идет, она дошла до лестницы и остановилась: внизу стоял Макар Андреевич, засунув руки в карманы джинсов.

Илюшин наблюдал, как девушка замерла в нерешительности, а потом спустилась на несколько ступенек и снова встала, топчась на потертом ковре. Голубая блузка, длинная серая юбка, в руках – самодельная вязаная сумочка, ручку которой Эля теребила короткими пальчиками... Она как будто вовсе и не удивилась, увидев его в доме, но явно не была уверена в том, что ей надо делать и говорить теперь.

– Вы все-таки вернулись... Что-то забыли, Макар Андреевич?

Она спустилась вниз, прижимая к себе сумочку, будто боялась, что ее отберут.

– Скорее вспомнил, – мягко сказал Илюшин. – Я хочу еще раз поговорить с вашими родными, Эля. Возможно, вам это тоже будет интересно.

Он направился к столовой, и Эля послушно двинулась за ним. Не постучав, Макар толкнул тяжелую дверь столовой, и взгляду его предстало семейство Шестаковых, почти в полном составе сидящее вокруг стола на тех же местах, что и три часа назад.

– Что, объяснение затянулось? – почти весело спросил Илюшин. – Или лучше было бы назвать происходящее военным советом?

Близнецы переглянулись, на лице Эдуарда изумление сменилось злостью. Эльвира Леоновна, в первую секунду после появления Макара не сдержавшая недоуменного возгласа, тут же взяла себя в руки.

– Прощу, оставьте нас, – попросила она. – Наши семейные сложности не имеют к вам никакого отношения.

– А вот тут вы ошибаетесь, – возразил Макар. – Имеют.

Не спрашивая разрешения, он прошел к своему креслу, которое отодвинули к окну. На миг ему показалось, что Леонид бросится на него, но тот лишь набылчился, не спуская с Илюшина ледяного взгляда. «Все-таки я застал их врасплох. – Макар испытал слабое удовлетворение от этой мысли. – Они не думали, что я вернусь».

Эля, поколебавшись, тихонько присела на краешек стула. На нее никто не обратил внимания – все взгляды были прикованы к светловолосому парню, непринужденно опустившемуся в кресло и закинувшему ногу на ногу. «Зачем он их злит? – подумала девушка. – Они же его выставят! Даже мое присутствие их не остановит».

– Может быть, вы все же... – начала Эльвира Леоновна, но Илюшин перебил ее:

– Я должен отдать вам должное, господа. Вы меня провели, и сделали это красиво. Если бы не случай, я сегодня же уехал бы из вашей гостиницы в полной уверенности, что на моих глазах случилась попытка обмана: бессовестные дети хотели заставить свою мать продать дом, чтобы на вырученные от продажи деньги каждому приобрести по маленькой квартирке. Для чего придумали пугать постояльцев поддельными призраками, рассказывать зловещие истории, а заодно доводить до нервного срыва свою маму, которая и так страдала после смерти сестры. Кстати, о сестре...

Илюшин встал, выдвинул ящик стола, в котором незадолго до этого обнаружил фотографию молодых Эльвиры и Розы Шестаковых. Но сейчас ее там не было. Он вернулся обратно.

– Одну из ошибок я совершил сам, никто меня к ней не подталкивал, – признался он. – Я был уверен, что одна из разгадок этого дела должна заключаться в сходстве близнецов. Я наивно полагал, что раз никто не сказал мне об этом сходстве, оно обязательно должно что-то значить. Мне не пришло в голову, что все молчали не потому, что скрывали какую-то тайну, а потому, что нечего было скрывать. Ни для кого сходство сестер не было ничем из ряда вон выходящим или даже просто особенным.

– Макар Андреевич, нельзя ли попросить вас остановиться? – очень сухо проговорила Шестакова. – Боюсь, я буду вынуждена предложить моим детям вывести вас, потому что я уже устала...

– А как же моя история, случившаяся восемнадцать лет назад? – очень натурально удивился Илюшин. – Эльвира Леоновна, я даже еще не начал ее рассказывать, а ведь это и ваша история тоже! Кстати, она хорошо начинается: жили-были мужчина и женщина, которые очень любили друг

друга...

– Все, мне это надоело. Пошел вон отсюда! – приказал Эдуард, делая попытку встать, но Илюшин его опередил – с неуловимой быстротой оказался возле Шестакова и наклонился к нему, прижав парня к спинке кресла. Эдуард попробовал подняться, но сила, с которой его держали, не давала ему даже дернуться. Разъяренное лицо Илюшина оказалось очень близко от него, и он проговорил, тихо, но отчетливо выговаривая слова:

– Сиди, не двигаясь. Попробуешь уйти – пристрелю.

Эльвира Леоновна вскрикнула. Леонид вскочил и бросился к брату, но Илюшин уже стоял позади кресла Эдика, и рука его нырнула в задний карман джинсов.

– Леня, у него пистолет! – завизжала Лариса, и парень остановился.

– Своевременное замечание. – Макара по-прежнему не вынимал руку из кармана. – Леонид Сергеевич, вернитесь на место.

Шестаков попятился.

– Я милицию вызову, – побелевшими губами прошептала Эльвира Леоновна. – Уходите!

– Милиция здесь будет, само собой, – согласился Илюшин. – Но сначала я все-таки расскажу вам эту историю. Не люблю, знаете ли, чувствовать себя дураком. Так вот... – Он пересек комнату, но не сел, а остался стоять за креслом, опершись ладонями на зеленую спинку. – Жили-были красивый хирург и красивая женщина. Правда, красивой ее считали не все, но я склонен полагать, что она была очень привлекательной. Правда, Эльвира Леоновна?

Шестакова не ответила.

– Привлекательной... – повторил Илюшин. – И очень несчастной, кстати. Но я забежал вперед. Итак, жили-были два человека, которые полюбили друг друга, и звали их Антоша Соколов и Татьяна Любашина.

Эля вздрогнула и подалась вперед всем телом.

– Как? Танюша! Я ее помню! Она была замечательная! И красивая, правда...

Эльвира Леоновна даже не взглянула в сторону старшей дочери. Лицо ее было бесстрастным, как у статуи.

– Как-то раз она затащила к себе в постель доктора Соколова, – продолжал Илюшин, пристально наблюдая за Шестаковой, – а тот возьми да и влюбись в беспутную двадцатидевятилетнюю Таньку. Нелепо, правда, Эльвира Леоновна? Он должен был выбрать вас – вы ведь тоже любили его. Обхаживали целый год, боялись испугнуть, наверное... Может быть, ссорились из-за него с сестрой. Хотя крайне глупым с моей стороны было

предполагать, будто вы убили Розу – нет, она действительно уехала, потому что не выдержала...

– Чего не выдержала? – громко спросила Эля.

– Она не выдержала того, что они сделали вместе с вашей мамой, – помолчав, объяснил Макар. – Они убили Татьяну Любашину.

Эльвира Леоновна даже не вздрогнула. В обращенных на Илюшина голубых глазах ничего не отразилось – как будто сами имена Антона Соколова и Татьяны Любашинной она слышала первый раз в жизни.

Боже, боже, как она его любила... Как хотелось обхватить темноволосую голову, прижать к своим коленям – или прижаться к нему самой, вдыхая его запах, слушая заразительный смех, проваливаясь в счастливый невозможный сон, где он не сводил бы с нее восхищенных глаз, баюкал на руках, как ребенка, пересчитывал родинки на ее плече, прикасаясь губами к каждой.

Боже, какой осторожной она была. Как опасалась испугнуть, как приучала понемногу к их дому, как постепенно убеждала его в мысли, что не может стать очередной его интрижкой, одной из десятков дамочек, прыгавших как блохи к нему в постель и так же быстро исчезающих оттуда, что она может быть только единственной. Антоша, Антоша... Слабый, доверчивый, ласковый, добрый... Любимый.

Чего только она не пережила, видя его рядом с Розой. Роза поверхностна, легкомысленна – ей нет большой разницы, с кем флиртовать, делить постель и по чьим волосам будет скользить ее тонкая длинная рука. Роза, конечно, была влюблена в Антошу, но чего стоила ее девчоночья влюбленность рядом с чувством самой Эльвиры! Как она торжествовала, видя, что он не увлечен сестрой, и как страдала, вспоминая, что судьбой выданы им с Розой одинаковые лица, и раз он не влюбился в одно – значит, не полюбит и другое.

Приманивала его маленькими сюрпризами, приглашая людей, которые были бы ему интересны, играла в недоступность – и тут же становилась покладистой, с наслаждением ловя интерес в его глазах, сдерживалась, чтобы не смеяться от счастья, когда он стал приходить не раз в две недели, а каждую субботу... Лепила из себя идеальную женщину – не холодный идеал, отталкивающий мужчин, а земную, достижимую. Неожиданно слабое место ее – дети – оказалось сильным: Антоша симпатизировал детям, и ему нравилось смотреть, как она играет с ними, целует перед сном. Что ж, тем охотнее она исполняла все это, всегда – каждую секунду! – оставаясь искренней перед ним.

И все это оказалось зря.

В тот вечер, когда она спустилась с куском остывшего пирога на тарелке и остановилась перед дверью Таньки, исполненная восхищения своим добрым поступком, восхищения, приправленного капелькой любопытства – как там живет эта потаскушка? что она скажет, увидев прекрасную Эльвиру? – и услышала голоса за дверью, ее охватило оцепенение. В голосе Антона, доносившемся из-за двери, звучала нежность, какой она никогда не слышала в нем раньше и даже не могла представить, что ее – почти ее – мужчина может быть так ласков с женщиной.

– Глупенькая моя... маленькая... ну что ты придумала?

Тонкие фанерные двери, щели, в которые может пробраться мышь... Она слышала голоса так хорошо, будто стояла не в коридоре, а пряталась в шкафу рядом с ними – разморенными любовью, раскинувшимися на скрипучем диване друг напротив друга.

– Я устала, понял? Надоело, что ты приходишь ко мне, только чтобы... – Танька употребила крепкое слово, приправила его матерком, от которого Эльвиру бросило в краску. – Иди трахаться к своим шлюхам.

– Дура ты, дура, – ласково протянул Соколов. – Иди сюда, дурочка.

– Пошел к черту! Прячешься от всех, бабам своим врешь...

– Я им не вру... К тому же тебе-то что до них?

– Мне на них плевать. Мне самой надоело с тобой партизанить.

– Ну так не партизань. Партизанка моя...

– Отпусти!

Шепоток, хихиканье...

– Партизанить и незачем, Сонька-то на тебя похожа... Подрастет – все заметят. Тише! Кажется, проснулась...

– Лежи, тебе показалось.

Скрип дивана, шаги...

– Да, показалось. Ладно, проваливай. Мне работать надо.

– Не прогоняй, Танюша! Куда я пойду? Я тебя люблю.

– Любишь, как же! Хорошо зубы заговаривать, иди.

– Не любил бы, не ходил бы к тебе весь год... Оп! Поймал!

Из-за двери раздались негромкий смех, возня.

– Замуж за меня выйдешь? – каким-то придушенным голосом проговорил Антон, когда возня стихла. – Слышишь, Танька, выходи за меня замуж.

Не в силах больше слушать, Эльвира сжала руку в кулак и постучала в дверь. В наступившей тишине упал стул, и прошлепали по полу босые

ноги, а затем Танька выглянула в коридор.

Спокойствие Эльвиры было следствием не выдержки, а какого-то омертвления чувств. Пока она говорила с Любашиной, пока стояла перед дверью, прислушиваясь, но слыша лишь негромкое мяуканье младенца, Эльвира не испытывала почти ничего. Только холод, состаривший ее на много лет.

Но когда она поднималась по лестнице, чувства в ее душе начали оттаивать. И первым оттаяло бешенство, вторым – отчаяние, а третьим – надежда. Надежда на то, что все еще можно исправить.

Убедить Розу оказалось легко – куда легче, чем ожидала Эльвира. Выслушав рассказ сестры, Роза сощурила глаза, зашипела, как сиамская кошка:

– Говорила я тебе! Говорила! Ну и кто твой Соколов после этого?

И выругалась страшно – хуже Любашиной.

– Тихо ты! – прикрикнула Эльвира. – Мужики на тело падкие, а Танька сама под него легла. Убрать ее с глаз долой, и всем лучше станет.

– Как ты ее уберешь?

Эльвира молчала, барабанила пальцами по столу. Мысль созрела еще тогда, когда она стояла в полутемном коридоре, но произнести ее вслух она не решалась.

– Выкладывай, – вдруг спокойно предложила Роза. И прикрыла дверь плотнее, проверив, не стоит ли кто из детей снаружи.

Любашина ходила за водой к роднику каждую неделю, холод – не холод, метель – не метель... Набирала канистру и тащила обратно, синяя от мороза, покрываясь цыпками. Эльвире и Розе нужно было лишь подловить ее возле Суряжины. С погодой им повезло: после Нового года мело не переставая, и людей словно сдуло с улиц.

Они дождались, когда Танька выйдет из дома, дошли за ней до обрыва и спустились следом, не скрываясь. Любашина так ничего и не заподозрила, и даже когда Эльвира опрокинула ее на снег, в глазах «драной кошки» мелькнул не страх, а удивление. Эльвира запомнила, как выгибалось и билось тело Таньки, пока она удерживала ее голову под жгучей ледяной водой, и колыхались короткие светлые волосы, а сестра, прижавшая ноги Любашиной, упрашивала: «Скорей, ну скорей же!» – словно от Эльвиры зависело, как быстро Танька задохнется.

Они отпустили обмякшее тело, столкнули его с обледенелого берега, и Танька легко скользнула в воду, а пальто на ее спине вздулось пузырем, будто изуродованный плавник. Эльвира зашвырнула далеко в кусты

канистру, с которой пришла Любашина, и потянула за руку Розу, не сводившую глаз с черной бешеной воды.

– Уходим! Скорее!

Обе бросились к обрыву и остановились, будто споткнувшись, и Роза то ли вскрикнула, то ли коротко застонала. Наверху, прижав руку к груди, стоял их сосед, Яков Афанасьев.

– Афанасьев вас видел, – сказал Илюшин. – Он появился слишком поздно, чтобы успеть помочь вашей жертве, но как раз вовремя для того, чтобы узнать, кто ее убийцы: по его словам, он вышел на край обрыва тогда, когда вы держали уже не дергающееся тело в воде. Ему стало плохо с сердцем, и он вернулся домой – его жена и дети уехали к родственникам в другой город, Яков Матвеевич был один. Он выпил лекарство и через час пришел к вам. Могу представить, в каком состоянии вы провели этот час.

Он усмехнулся, покачал головой.

– Но Афанасьев оказался милосердным человеком и не пошел в милицию. Он знал вас обеих, хорошо относился и к вам, Эльвира Леоновна, и к вашей сестре. А самое главное – он помнил о ваших детях. И поэтому он дал вам шанс: вы явитесь в милицию с повинной и сами напишете признание в убийстве. Он пошел на это не ради вас – для него вы с сестрой раз и навсегда стали чудовищами, – а ради ваших детей, самой старшей из которых было всего девять лет.

Он бросил взгляд на Элю – девушка беззвучно плакала.

– Афанасьев дал вам полтора часа, а сам подогнал свою машину к вашему дому и принялся ждать. А вы с Розой остались гадать, какой же дальше будет ваша судьба.

Тогда-то Роза и сломалась. Она рыдала, выла, валялась у Эльвиры в ногах, умоляя ее то бежать, то взять всю вину на себя. Затем принялась кричать, обвиняя сестру в убийстве, и Эльвире пришлось ударить Розу, чтобы привести ее в чувство.

– Я никуда не пойду! – шептала Роза, трясущимися руками держа стакан с водой. – Никуда не пойду, слышишь?! Надо найти его! Остановить! Сделай хоть что-нибудь! Дай ему денег! А-а-а, я не хочу в тюрьму, не хочу!

– Не пойдем, никуда не пойдем, – шептала Эльвира, обняв раскачивающуюся сестру. – Тихо, тихо... Ему никто не поверит, потому что мы ни в чем не признаемся. А доказать невозможно... Скажем, что были на берегу, видели тело, испугались и убежали.

– Это нам никто не поверит! – рыдала сестра. – Антон расскажет, как ты приходила в тот вечер к Любашиной, и они обо всем догадаются.

– Кто – они?!

– Все! Все догадаются! Нас посадят...

Еле успокоив Розу, Эльвира предупредила детей, что у тети очень болит голова и ее нельзя беспокоить. Затем приготовила для них ужин, накормила и стала ждать, когда приедут арестовывать их с Розой.

Она продумывала, что будет говорить на допросе, но мысли путались. Каждые двадцать минут Эльвира поднималась в комнату сестры – та лежала неподвижно, смотрела в потолок, покрасневшие руки вяло свешивались с дивана. У самой Эльвиры руки были страшные, красные, обмороженные за то время, что пришлось держать в воде Любашину.

Когда в дверь наконец позвонили – настойчиво, несколько раз, – Эльвира едва не потеряла сознание. Но падать в обморок было нельзя, и она пошла открывать, ощущая, как ноги у нее подгибаются, а руки дрожат.

На пороге стоял Антоша. Сначала Эльвира подумала, что он узнал о смерти Таньки, но Соколов стоял пошатываясь, и она поняла, что он пьян.

– Эля... – не своим голосом проговорил Соколов, хватая ее за руку и глядя безумными глазами. – Эля, я Борю убил.

– Вы, наверное, даже не сразу поняли, какой сказочный подарок преподнесла вам судьба, – подумал вслух Илюшин. – Или сразу? Пожалуй, все-таки второе. Вы оказались очень хорошей актрисой – что неудивительно, ведь от этого зависело ваше будущее, – и Соколов до самой смерти был благодарен вам и Розе – ведь вы так поддержали его. Интересно, что вы почувствовали, когда он сказал вам, что узнал в водителе, под машину которого вытолкнул друга, – *Якова Афанасьева*?

Эльвира прикрыла глаза, но Макар успел уловить мелькнувшее в них торжество.

– Так это Яков Матвеевич сбил Чудинова? – ахнула Эля. – Не может быть!

– Может. Через три часа, напрасно прождав, он понял, что Эльвира с Розой не собираются идти в милицию, и поехал сам в отделение на своей старенькой машине. Ему было плохо, у него кружилась голова, он никак не мог поверить до конца в то, чему стал свидетелем, и укорял себя за то, что не спас Любашину, и за то, что собирался сделать. Но Афанасьев воспитан в убеждении, что никакое преступление не должно остаться безнаказанным, а убийство Татьяны ужаснуло его. Яков Матвеевич свернул на короткую дорожку, чтобы быстрее добраться до отделения: мела метель,

он чувствовал себя все хуже и хуже... И когда на дороге перед его машиной оказался человек, Афанасьев даже затормозить не успел.

Макар сделал паузу и коротко глянул на Ларису, привставшую с кресла. Но девушка села обратно, вцепившись пальцами в подлокотник.

– Соколов наблюдал эту сцену из подворотни и потом рассказал вам с Розой. Он видел, как Яков Матвеевич – ваш сосед, которого Антон Павлович сам научил паре простых способов преодоления стресса и усталости, – подбежал к телу Бори Чудинова, удостоверился, что тот мертв, а затем сел в машину и уехал с места преступления, искренне считая, что это он виноват в гибели терапевта. Вы убедили Антона Павловича, что нельзя ни в чем признаваться, и, нужно сказать, он не особенно сопротивлялся. Соколов ничего не соображал, а на вас, Эльвира Леоновна, всегда можно было положиться! Вы разложили все по полочкам, заверили его в том, что поговорите с Афанасьевым, чтобы тот не мучился от осознания своей вины. И действительно, сразу отправились к Якову Матвеевичу.

– Он их так и не выдал... – прошептала Эля.

– Конечно, нет. Представьте себе: Афанасьев был дома, находясь в полной уверенности, что он только что задавил человека, но об этом никто не знает. И тут появляется ваша мама и объявляет: ей известно, какое страшное преступление совершил Яков Матвеевич! Но если он будет молчать о смерти Татьяны Любашиной, то она сделает ему одолжение и никому не расскажет о том, что он – тоже убийца, пусть и невольный.

– Как он мог на такое согласиться? Как он мог?

– Он живой человек, – пожал плечами Макар. – В оправдание Якова Матвеевича скажу, что совесть мучила его всю жизнь, а воспоминание о преступлении – собственном и вашем, Эльвира Леоновна, о котором он так никому и не рассказал, – отравляло его существование. Добавьте к этому убеждение в собственной виновности – и вы поймете, что он почувствовал, когда два часа назад я немного изменил его представление о прошлом. Не смотрите на меня волчицей, Эльвира Леоновна, я лишь рассказал ему, что случилось *на самом деле* тем февральским вечером, а то старик так и умер бы, мучимый стыдом и презирающий самого себя.

– Надо было убить его, – будто размышляя вслух, сказал Леонид. – Жаль, что сейчас уже поздно.

– Леня! – Эля с ужасом посмотрела на брата.

– Надо было, – согласился Илюшин. – Но вы этого не сделали, а теперь время безнадежно упущено. Восемнадцать лет он ненавидел вашу семью – точнее, Эльвиру и Розу, восемнадцать лет не мог даже слышать

спокойно их имен. Он пошел на сделку с Эльвирой, но проклинал за это и себя, и ее. Афанасьев знал, что вы боитесь его, и поэтому не продал свой дом и не уехал в другое место, чтобы оставаться для вас живым напоминанием о том, что произошло. Несгибаемый старик.

– Но ведь есть сроки... – робко сказала Эля. – Сроки исковой давности, да? Преступление было совершено так давно, что его никто бы не судил.

– Для Якова Матвеевича суд – меньшее из зол, – пожал плечами Илюшин. – Вы плохо его знаете, если думаете, что он боялся суда и тюрьмы. Поймите: самым страшным наказанием для него было не заключение, а людское осуждение. Яков Матвеевич всегда старался жить так, чтобы никто не мог сказать о нем худого слова. Сбить человека, а затем скрыться с места преступления и вдобавок покрывать убийцу в обмен на то, чтобы никто не узнал о его собственном злодеянии, – нет, он не мог допустить, чтобы это стало известно. В этом смысле для него ничего не изменилось с того времени, с февраля девяностого года. Для своих детей Афанасьев является примером и образцом для подражания, и позволить им узнать правду – точнее, то, что он считал правдой, – Яков Матвеевич был не в состоянии. Между прочим, раз уж мы заговорили о сроке давности... Вы знаете, Эльвира Леоновна, что по вашему убийству он еще не вышел? Вижу по глазам, что знаете.

– У вас все? – безразлично осведомилась Шестакова, сохраняя самообладание. – Тогда избавьте нас от своего общества, наконец.

– Ну что вы! – удивился Илюшин. – Я только начал. Мне казалось, что рассказывать нужно по порядку, а у нашей истории, которая началась восемнадцать лет назад, есть продолжение.

– Продолжение? – жалко повторила Лариса.

– Ну конечно. Разве вы не хотите, Лариса Сергеевна, узнать, что произошло дальше с хирургом Соколовым? Я вам скажу. Он уехал. Женщина, на которой он собирался жениться, умерла, друг его был мертв, и Антон Павлович больше не смог оставаться в городе. Собственный ребенок значил для него что-то лишь до тех пор, пока была жива Татьяна, а с ее смертью Соколов потерял к девочке всякий интерес. Думаю, он только обрадовался, когда узнал о том, что ее берут к себе родственники Любашиной. Так вот, Соколов сбежал, несмотря на все ваши ухищрения, Эльвира Леоновна, и все, что вам осталось, – это читать письма, которые он добросовестно писал вам каждый месяц, как своему старому другу. А затем от вас сбежала и родная сестра. По соседству жил старик, ненавидевших вас обеих и скрывавший вашу страшную тайну, и она не знала, долго ли он

будет ее хранить, а существовать с такой угрозой под боком ей вовсе не хотелось. К тому же ваши надежды не оправдались, журфиксы стали ненужными и закончились, и Роза решила покинуть сестру и племянников. Наверное, она испытала облегчение, бросив ваши общие скелеты в шкаф.

– Она предала нас! – подал голос мрачный Эдуард.

– Нет, Эдя. – Эльвира Леоновна с усилием разжала губы и заставила себя возразить сыну. – Она лишь не хотела быть несчастной. Ее нельзя осуждать.

Эля заметила, что глаза Макара Андреевича недобро сощурились, когда он посмотрел на Эдуарда.

– Я не закончил свою историю, – жестко сказал он. – Мы, кажется, остановились на письмах, которые писал вам Антон Павлович... Так вот, в одном из этих писем Соколов рассказал, что нашел себе – смешно сказать – родственную душу. Ею оказалась врач-кардиолог, работавшая в его больнице. Думаю, Эльвира Леоновна, эти письма вы уничтожили и я вряд ли узнаю точно, что он там написал. Но одно известно достоверно: из писем вы поняли, что Соколов рассказал девице о той истории, что случилась здесь много лет назад.

Илюшин усмехнулся.

– Думаю, вы встревожились еще тогда. И навели справки о том, что за кардиолог работает вместе с вашим ненаглядным Соколовым. Но время бить тревогу настало позже, когда девица вдруг решила вернуться в Тихогорск и привезла с собой знание, которое было для вас крайне опасным, не так ли?

– Чем же оно было для нас опасным? – не смог промолчать Леонид.

– Вы прекрасно знаете, чем именно. Девица могла встретиться с Афанасьевым и рассказать ему историю в том виде, в каком ее изложил Соколов. Впрочем, хирург вряд ли назвал девушке имя водителя... Думаю, на это вы и рассчитывали: вероятность их встречи была ничтожно мала, а если бы они случайно и встретились, у Ксении Пестовой не было бы причин выкладывать эту историю незнакомому человеку. Да-да, Эльвира Леоновна, не смотрите на меня так, как будто имя Пестовой вам ни о чем не говорит. С тех пор как вы узнали, что она вернулась в Тихогорск, вы следили за ее жизнью. Но не предпринимали ничего до последнего времени, пока кто-то из вас не увидел Ксению Пестову выходящей из дома старика – она приезжала, чтобы сделать ему массаж. Вот тогда вы перепугались! Одно дело знать, что в Тихогорске живут два человека, один из которых замешан в преступлении, а второй знает о нем с чужих слов, и совсем другое – видеть, что эти люди встретились. Они могли выяснить,

что оба знакомы с Соколовым, и, чем черт не шутит, могли бы выйти и на то февральское убийство... В конце концов, Соколов мог дать девушке подсказку о том, кто сбил Чудинова, и, сопоставив пару фактов, она бы поняла, кто перед ней. Рисковать было нельзя. Узнай Яков Матвеевич, что в действительности произошло в девяностом году, он бы понял, что у него больше нет ни одной причины держать вашу тайну в секрете, а если учесть, какие чувства он испытывал к вашей матушке, можно было не сомневаться, что он поднимет со дна события тех лет. Именно поэтому вы, Эдуард, приняли решение убить Ксению Пестову.

– Вы врете! – выкрикнула Лариса.

– Неужели вас не посвятили в этот план? – с нескрываемым сарказмом осведомился Макар. – Признайтесь сами, Эдуард, – кому вы рассказали о том, что собираетесь сделать? Или об этом никто не знал, кроме вашей мамы?

– Сволочь... – бледнея на глазах, выдавил Эдуард.

– Эдик, не говори ему ничего!

– Действительно, лучше молчите, – поддержал Илюшин Шестакову. – Иначе у меня может не хватить силы воли на то, чтобы не пристрелить вас. Потому что вы, – он перегнулся через спинку кресла, не отводя взгляда от Эдуарда, – вы покушались на Пестову три раза. В первый раз толкнули ее под машину, но затея не удалась – не буду объяснять, по какой причине. Можете считать, что у нее появился временный ангел-хранитель. Во второй раз вы пошли дальше и забрались в дом Пестовых...

– Не может быть! – Эля обернулась к брату, потрясенно рассматривая его. Лариса закрыла лицо руками, и только Эльвира Леоновна сидела с каменным выражением лица, на котором вдруг стали отчетливо видны глубокие морщины, пролегшие от носа к уголкам накрашенных розовых губ.

Эдуард оскалил сжатые зубы, словно хотел броситься на Илюшина, но не сдвинулся с места – рука Макара снова легла на задний карман джинсов.

– В дом Пестовых, – упорно продолжал Макар, повысив голос. – Но вас выдал кот, живущий у них, – его поведение привлекло внимание хозяйки, и ваша затея незаметно подкрасться к ней провалилась. Пестова схватила нож, а сражаться с женщиной, вооруженной ножом, вы не собирались. Между прочим, у вас ведь аллергия на кошек, правда? И каково, Эдуард, вам было сидеть в чулане, пропахшем кошками? Но к третьему разу вы подготовились куда лучше. Деньги на то, чтобы оплатить работу наемного убийцы, вам дала мать или вы сами накопили?

Шестаков грязно выругался.

– Значит, сами, – констатировал Илюшин. – Эдинька, вы сделали очередную ошибку. Даже две. Знаете, какие? Во-первых, вы наняли не того человека, чтобы убить Ксению Ильиничну, – ваш водитель оказался редким дураком.

– Водитель? – переспросил Леонид. – Эдька, о чем он?

– Ваш младший брат не стал далеко ходить за наемными убийцами и нанял водителя, который возит его и многоуважаемого депутата Рыжова, – повернулся к нему Макар. – Тот хотел забить госпожу Пестову подручным средством, но немного не рассчитал и в результате дает сейчас показания в милиции. Я сомневаюсь, Эдуард Сергеевич, что он будет вас покрывать, и вдвойне сомневаюсь в том, что у вашего Дмитрия Перелескова хватит мозгов на то, чтобы доказать свою невиновность. Так что мои слова о том, что милиция здесь и в самом деле появится, – не пустая угроза.

– Не отвечай ему, – дрожащим голосом приказала Шестакова.

– А вторая ваша ошибка... – Макар не обратил на хозяйку внимания, выговаривая слова медленно от ярости, переполнявшей его, – заключалась в том, что вы вообще выбрали Ксению Ильиничну своей жертвой. Если бы вы, Эдуард, сидели тихо, надеясь на то, что Пестова никогда никому ничего не скажет, положение ваше было бы далеко не таким паршивым, как сейчас. Не вздумайте шевелиться, – предупредил он, видя, что парень собирается встать. – В кого, в кого, а уж в вас я выстрелю без малейших колебаний.

Кадык у Эдуарда дергался, будто тот пытался и никак не мог сглотнуть слюну. В комнате наступило молчание, в котором особенно громким казалось пение малиновки за окном.

– Ваша история – полная чушь! – наконец объявила Лариса. – Показания полусумасшедшего старика, который что-то там видел восемнадцать лет назад... Неужели вы думаете, что им бы кто-нибудь поверил? И мы испугались бы настолько, что решили убить человека, из-за которого старый идиот мог заговорить! Ни одного доказательства, никаких улик, только его слова! Или вы считаете нас идиотами? – Голос ее обрел уверенность, которой в нем не было раньше.

– Наоборот, – негромко возразил Илюшин. – Я считаю вас очень умными, а главное, предусмотрительными людьми. Девять месяцев назад, когда Пестова вернулась в Тихогорск, вы лишь насторожились. Но чуть позже случилось еще кое-что: дочь Татьяны Любашиной, которой исполнилось восемнадцать лет, разыскала документы, подтверждавшие права ее матери на две комнаты в этом доме, и еще одни, доказывавшие, что до революции этот дом принадлежал предкам Любашиной. Да, Эльвира

Леоновна, ее семье, а вовсе не вашей, как вы меня уверяли. Девушка написала письмо в местную жилищную комиссию, приложив к нему копии этих документов. Здесь начинается область фантазии, но детали не имеют большого значения. Может быть, вам рассказал об обращении девушки кто-то из комитета, может, Соня Любашина имела неосторожность отправить копию письма Эльвире Леоновне... Неважно. Важно то, что вы каким-то образом узнали об этом и поняли, что девушка собирается претендовать на часть вашего имущества.

– Хоть сто девушек, – фыркнула Лариса. – Прошло слишком много времени...

– Конечно... – кротко согласился Илюшин, и что-то в его голосе заставило ее замолчать. – Много. Правда, это не помешало бы подать Соне в суд. А если бы еще и всплыла история с давним убийством, то о ней обязательно начали бы говорить! Вокруг вашего дома, как акула, кружил господин Парамонов, и он бы ни за что не упустил такой шанс. С него стало бы найти и других потенциальных наследников и убедить их затеять тяжбу – каждого за свой кусочек дома. Вы знаете, как ваша мать заполучила его в собственность? Знаете, конечно! И суд, при поддержке Парамонова, вполне мог бы решить, что ничего не должно препятствовать восстановлению справедливости. Все мы знаем, какие удивительные решения выносят порой российские суды... Эльвира Леоновна лишилась бы источника средств к существованию, а каждый из вас – надежд на собственное жилье в будущем, и в конце концов вам ничего больше не осталось бы, как продать дом – точнее, то, что осталось бы в вашей собственности к тому моменту. Так что для вас все сошлось крайне неудачно...

Илюшин сделал паузу, но ему никто не возражал. Он потер нос, а затем почти обыденно добавил:

– Но и это не все. Я рассказал вам только середину истории, а есть еще окончание – я имею в виду историю Татьяны Любашиной. И это самая странная часть истории. Она почти закончилась сегодня, когда утром вы все, кроме Эли, разыграли передо мной отличную сценку: «Мать разоблачает своих детей с помощью заезжего отдыхающего». Разыграно было на славу, потому что я вам даже поверил.

Илюшин хлопнул в ладоши, будто аплодируя, и Эльвира Леоновна вздрогнула.

– Да, черт возьми! Поверил! Такая отличная правдоподобная версия нашла свое подтверждение, что мне даже не пришло в голову подумать над тем, с каким тщанием вы сперва подсовывали мне доказательства

существования вашего призрака, а затем с такой же скрупулезностью делали все, чтобы я вас разоблачил.

– Зачем... – начал Леонид, но Макар перебил его:

– Затем, что вы сажали мертвый лес. И я, как и прочие, должен был увидеть много мертвых деревьев, но не должен был увидеть тот единственный мертвый лист, который вы пытались скрыть.

– Нет никакого мертвого листа!

– Есть. Он есть, и вы все об этом знаете.

Эля отняла руки от лица и посмотрела на Илюшина.

– Соня Любашина возникла в вашей жизни около восьми месяцев назад, – со странной интонацией сказал Макар, и глаза его заблестели. – А привидение, о котором Эльвире Леоновне регулярно сообщали постояльцы, появилось на пару месяцев позже. Я прав?

Никто не ответил. Эльвира Леоновна смотрела в пространство перед собой, и веко правого глаза у нее подергивалось.

– Итак, постояльцы селятся в гостинице, и кто-то из них видит нечто невероятное... Предположим, отражение давно умершей женщины в зеркале. Этот «кто-то» непременно рассказал бы о странном и пугающем происшествии в санатории, по городу пошли бы разговоры, следом всплыла бы история умершей Татьяны Любашинной – а тут и старик Афанасьев со своим разоблачением... Что же можно сделать, чтобы не было никаких разговоров на такую тему, как смерть молодой женщины? Молчите? Я вам скажу. Можно дожидаться человека, не в меру любопытного, который, приехав, решил бы разобраться в этом деле, а затем *убедить его*, что все происходящее – лишь выдумка детей хозяйки гостиницы, намеревающихся вынудить свою матушку продать дом. Для этого можно сначала заинтриговать его, а затем провести, как щенка за колбасой, подвешенной на ниточку, нужным путем. Я и есть тот щенок.

Макар усмехнулся.

– Когда я влез в это дело достаточно глубоко, вы аккуратно выложили ответы. Магнитофон, белое платье – я должен был найти их сам, а если бы мне не пришло в голову стащить ключи, чтобы обыскать комнату Леонида, вы бы оставили приоткрытой дверь, дабы облегчить мне путь. Чтобы окончательно расставить точки над «i», Эдуард привел меня посмотреть на его встречу с Парамоновым, а заодно подготовил себе отличное алиби на время убийства Ксении Пестовой. Посмотрев на них, я убедился, что Эдик договаривается с предпринимателем, хотя в действительности они могли беседовать о чем угодно – разговора-то я не слышал! Скрип ступенек, гаснущий свет, брошенное платье, плач, привидение – и все это только

затем, чтобы замаскировать то единственное, что не поддавалось объяснению. Остальные постояльцы, конечно, понимали, что «привидение» – розыгрыш. Разве что старенькая Лепицкая всерьез поверила в вашу обманку с фигурой в белом и ее эффектным исчезновением с чердака. Но ведь вам требовалось разоблачение, о котором говорил бы весь город, чтобы после этого в шумихе утонула правда.

– Какая... правда? – спросила Эля.

– Правда о том, что привидение и в самом деле появлялось в вашем доме, – просто ответил Макар.

– Вы бредите! – рявкнул Леонид.

– Я его видел, – вполголоса сказал Илюшин. – Думаю, как и кто-то из вас.

– Что?!

– В этом заключалась моя самая большая ошибка – я не поверил самому себе. Но я видел то, что существует в комнате на первом этаже, и догадываюсь, почему оно возникло. Можете смеяться надо мной сколько угодно, но я уверен, что призрак Татьяны Любашиной появился здесь после того, как вы решили избавиться от Сони, ее дочери.

Повисшее изумленное молчание нарушил резкий смех Ларисы.

– Вы что, верите в то, что этот призрак действительно существует? Да вы просто дурак!

– Я дурак, но не поэтому. А потому, что не поверил собственной интуиции, подсказывавшей, что ни один из вас никогда в жизни не будет строить козни против любимой матери. Я дурак, потому что послушно пошел за Эдуардом, который привел меня в кафе и дал полюбоваться на бизнесмена Парамонова, чтобы я получил все доказательства вашей подлости – мол, вы и в самом деле связались с ним, чтобы обвести маменьку вокруг пальца. Я был полным идиотом, когда видел в вашей матушке жертву материальных запросов собственных детей. А гимн моей глупости был пропет нынешним утром, когда я преподнес вам на блюдечке то самое объяснение, которым вы меня кормили, и без единого возражения проглотил вашу чудную семейную сценку, рассчитанную на меня и на Элю.

– Как? Вы что... притворялись? – недоверчиво спросила девушка, оглядывая родных.

– Притворялись, – заверил ее Макар. – Человек, рассказывающий в санатории о призраке покойной женщины, для ваших родных был бы куда опаснее, чем возмущающийся бессовестными детьми, решившими воспользоваться мнительностью своей матери. Дети часто поступают с родителями не самым порядочным образом, этим никого не удивишь. А вот

привидение могло заинтересовать людей куда больше – тем паче что все неплохо помнят тот случай с двумя февральскими смертями.

– Да вы сошли с ума! – не выдержала Шестакова, но голос ее прозвучал неубедительно.

Макар обвел взглядом ее детей. Лариса обхватила себя руками и уставилась в одну точку на ковре, Эля не отрывала глаз от бледного Эдуарда, вжавшегося в спинку кресла. Леонид смотрел на Илюшина, выпятив вперед челюсть, и Макар понимал, что от нападения Шестакова его спасает только выдумка с пистолетом.

– Это вы увидели ее, Эльвира Леоновна, не так ли? Зашли в комнату, которую сами же заставили старой мебелью, и увидели отражение... Знаете, в чем-то я вам даже сочувствую. Сперва вы узнали о Соне и заволновались – возникла угроза, что суд при поддержке Парамонова решит дело о наследстве не в вашу пользу. В этом случае вы бы потеряли дом, а ваши дети могли бы распрощаться с мечтой о собственных квартирах. Посоветовавшись, вы решили избавиться от Сони, пока не стало поздно. Думаю, Эдик, именно вы взяли на себя решение этого вопроса – не столько потому, что рассчитывали в будущем на квартиру, сколько от любви к матери. Однако вскоре после обсуждения ваша мама увидела в комнате Татьяны Любашиной то же самое, что увидел я, – и, должно быть, панически перепугалась. Тогда ей пришлось признаться вам в преступлении, совершенном меньше двадцати лет назад, – после разговора об избавлении от Сони это далось легко, я полагаю. Очевидно, кто-то из вас тоже видел нечто, похожее на призрак.

– Это была я, – неожиданно проговорила Эля.

– Вы?!

– Да. В коридоре, ночью. Я рассказала маме... Мам, ты приказала мне выкинуть это из головы – помнишь?

Шестакова даже не взглянула на дочь.

– Ясно... – протянул Илюшин. – Значит, вы получили подтверждение того, что призрак Любашиной является не только Эльвире Леоновне. Никто из вас, – Макар обвел взглядом Леонида, Ларису и Эдуарда, – не осуждал мать за убийство. Напротив, вы придумали хитроумную идею, позволявшую не отказываться от постояльцев, в то же время отвлекая их внимание на мистификацию. На нее-то я и попался, потому что все было отлично продумано: сначала зародить во мне подозрение, затем достоверно разыграть роли – каждому свою – и в конце концов дать мне вас разоблачить. И все бы получилось, если б не появилась Ксения Пестова и вам в срочном порядке не пришлось бы менять план. Приняв решение об

убийстве, легко принять его и во второй раз, и вы, Эдик, занялись Пестовой, потому что она представляла первоочередную угрозу. Но у вас ничего не вышло, и после двух провалившихся попыток убийства вы запаниковали и сглупили: наняли человека, который окончательно все провалил.

– Вам никто не поверит!

– Мне не нужно, чтобы в это кто-то верил, – отдельно произнес Илюшин. – Мне достаточно того, что я сам в конце концов поверил в реальность того, что увидел в комнате Любашиной. Потому что это привело меня к размышлению о том, что вы задумали что-то очень нехорошее по отношению к одному из тех, кого Татьяна любила при жизни. Она любила хирурга Антона Соколова, но он уже скончался. Она любила девочку Элю, но выросшей девочке ничто не угрожает. А еще она любила своего ребенка. А вы так долго подбирали под себя этот дом, так долго вили в нем свое родовое гнездо, что не отдадите и квадратного метра его. Вам проще убить, чем проиграть.

– Вашим измышлениям – грош цена!

Макар вздохнул, прислушался к шуму машины, подъехавшей к дому.

– Да, – согласился он. – Хотя каждый из вас знает, что я прав. Но это уже не имеет значения. Вы не смогли убить Ксеню Пестову, а теперь не сможете причинить вреда и Соне Любашиной.

В дверь позвонили, затем громко постучали.

– Думаю, к вам больше не будут являться призраки. – Макар отошел к окну, закрыв единственный путь из комнаты, кроме выхода в коридор. – Эдуард, я бы открыл на вашем месте.

Глава 13

– Говоришь, он пытался сбежать? – повторила Ксения, покачивая головой. – Надеюсь, ты его не ловил?

Они сидели на веранде с обратной стороны дома, и Макар смотрел на склон зеленого цветущего холма, а Ксения смотрела на него. Он чувствовал ее взгляд, но не поворачивал голову, чтобы не встречаться с ней глазами. Звонящий майский вечер оседал вокруг солнечной пылью, пахло корой и травой – упоительным летним запахом, а над садом носилась одинокая ласточка, то и дело ныряя в листву.

– Нет. Там было кому его ловить.

Коты лежали вокруг них на дощатом полу, а на табуретке расположилась кошка Вилка, охотившаяся за своим хвостом.

– А Яков Матвеевич? Ты говорил с ним после того, как все закончилось?

– Да. Я спросил, собирается ли он предавать огласке то давнее дело и хочет ли, чтобы Шестакову судили за убийство. К моему удивлению, он отказался. Сказал, что жизнь ее уже наказала «хуже некуда», по его выражению. Не говоря о том, что ее младшему сыну придется провести в заключении долгое время, а она любит его больше остальных детей.

– Старик знал, зачем ты жил в доме Шестаковой?

– Я сказал ему о том, что меня наняли для расследования старого дела. Но когда я упомянул про заказчика, Яков Матвеевич решил, что я имею в виду Сонечку, дочь Татьяны, потому что больше никто не мог быть заинтересован в том, чтобы то дело всплыло. С одной стороны, он чувствовал страшную вину перед ней и ее покойной матерью, с другой – панически боялся, что люди узнают правду. Поэтому все, что Афанасьев мог мне сказать, – это «только факты»: Любашина умерла. Она и в самом деле умерла, но не покончила жизнь самоубийством, а была убита. Мне следовало читать между строк, а я этого не сделал.

Илюшин ни словом не обмолвился о виденном в комнате Татьяны Любашиной, хотя не сомневался, что Ксения поверит ему. Он представил, как говорит Бабкину «я докопался до правды, потому что видел призрак умершей женщины», и понял, что никогда никому не скажет этих слов.

– Кстати, мой друг сообщил мне любопытную вещь, – добавил Макар. – По иронии судьбы Татьяна Любашина, переехав в угловую комнату, вернулась жить в дом, который когда-то принадлежал ее предкам.

Никакого родового гнезда Шестаковых не было – Эльвира Леоновна создала легенду и старательно ее поддерживала. Если у кого-то и были моральные права на дом, так только у Любашиной.

– Может, Шестакова и сама поверила в свою выдумку.

– Может быть. Ее слова о родовом гнезде звучали убедительно. Да и внешность у Эльвиры Леоновны соответствующая – вполне аристократическая. Обмануться было несложно.

Илюшин вспомнил заложенное основание белой крепости, которая должна была уравнивать Тихогорск с другими старинными городами, показать, что и этому городу есть чем похвастаться. Площадь отсюда не просматривалась, но он представил, как год за годом разрушается недостроенная стена, оползает, истаптывается ботинками детей, бегающих по кирпичам, и действительно становится легендой города – пусть и не в том смысле, который хотели вложить в нее создатели.

– Когда ты уезжаешь? – Ксения легко поднялась, подошла к краю веранды, облокотилась на перила.

– Сегодня.

– Уже?!

Она круто обернулась, волосы взлетели вверх. Карие глаза уставились на Илюшина непонимающе.

– Почему так скоро?

Илюшин помолчал, подбирая слова. Самым честным было бы сказать ей, что он не видит смысла больше здесь оставаться – дело, для которого он приехал, было закончено, а ей больше ничто не угрожало, – но он понимал, что, выраженная вслух, эта мысль приобретет слишком грубую форму. Пошло врать о делах в Москве Макар не собирался.

– Почему бы тебе не остаться еще на неделю, как и планировалось? – спросила она, не дождавшись ответа. Солнце, опускавшееся за холм, превращало ее русые волосы в светящиеся паутинки. Ксения подошла к Макару, присела на корточки, огорченно взглянула на него снизу вверх огромными глазами, и он с трудом удержался, чтобы не поцеловать ее – такую солнечную, легкую, тянущуюся к нему. «Не нужно никого обманывать и давать лишних надежд», – зло сказал себе Илюшин.

– Послушай, – сказал он, стараясь обойтись с ней бережно, насколько это было возможно в данной ситуации, – для нас обоих будет лучше, если я уеду, и мы с тобой это понимаем.

– Мне не будет лучше. Я тебя люблю и не хочу, чтобы ты сейчас уезжал.

– Что?

Не ожидавший подобных признаний, Макар опешил.

– Я тебя люблю, – повторила она, улыбнувшись, и пожала плечами. – Что здесь такого?

Ощущая себя водевильным мерзавцем, соблазненным провинциальную девушку, Илюшин выругал себя за то, что вообще с ней связался и теперь ему предстоит сцена объяснения на балконе – в его случае на веранде.

– Ксения, – начал он, чувствуя, как сводит скулы от нестерпимой банальности, которую он собирался изречь, – ты замечательная...

Ксения вскочила, расхохоталась, и он вынужден был замолчать.

– У-у-у! Чем же вас приложило-то так, Макар Андреевич? – сочувственно спросила она. – Неудачная семейная жизнь и травмирующий развод? Но по вам не скажешь, что развод способен выбить вас из седла на долгое время. Бросившая вас ради другого принца прекрасная девушка тоже отпадает – на дурака вы не похожи, скорее на слишком умного. Чем же вас так перекорежило, а?

– Ксения Ильинична, поймите... – начал Макар, пытаясь попасть в тон ее насмешливо-сочувственной интонации и с изумлением убеждаясь, что у него ничего не получается.

Но Ксения Ильинична его перебила:

– А я все понимаю. Я даже заранее могу сказать, что вы хотите мне сообщить.

Она взъерошила волосы, точно скопировав илюшинский жест, и произнесла сдержанным голосом, пародируя его манеру:

– «Дорогая Ксения, ты замечательная, просто удивительная! Но, увы, нам не суждено быть вместе! Прости и пойми».

– Что-то в этом роде, да... – пробормотал Илюшин, чувствуя себя дураком.

– Скажите, Макар Андреевич, – она наклонила голову, с любопытством его разглядывая, – вы так и будете сидеть в панцире? Так и будете бежать от любых отношений, которые, не дай бог, заденут ваше невероятно чувствительное сердце? А? Так и собираетесь притворяться перед самим собой, что никого не любите?

Теперь она не ерничала.

– Мне так легче, – сказал наконец Макар и поглядел ей прямо в глаза. – Так можно жить.

Она подумала, понимающе кивнула.

– Принимается.

Отошла к перилам, постояла в задумчивости, наблюдая за ласточкой,

затем обернулась к молчавшему Макару.

– Принимается, – повторила она. – С одним дополнением. Я не собираюсь никого переубеждать, но у меня на вас есть свои планы. И если вы решили, Макар Андреевич, что сможете заставить меня вас прогнать, то тут вы ошиблись. Прогонять вас в ближайшее время я никуда не собираюсь.

– Ближайшее – это сколько? – любопытствовал Илюшин.

Ксения вытянула губы трубочкой, принялась загибать пальцы.

– Ближайшее время – это десять лет. Ну, плюс-минус два года.

Он рассмеялся, встал и подошел к ней, радуясь, что она так мило свела все к шутке.

– Извини, – в голосе его звучало искреннее сожаление. – Больше чем на пять не могу согласиться.

Когда он оставил за спиной ее дом, длинные тени от травы падали на дорогу. С остановки возвращались люди, и в садах района со смешным названием Лежебяки лаяли псы, встречая хозяев. Илюшин достал телефон, набрал номер Бабкина.

– Серега, я возвращаюсь завтра утром, – сообщил он. – Все истории – при встрече.

– Билет уже купил?

– Еще нет. Сейчас поеду на вокзал.

Однако сел Макар на автобус, идущий не в центр, а на окраину – в сторону того района, где стоял дом Шестаковых.

Ему хотелось кое с кем попрощаться.

* * *

– Значит, говоришь, Эдик пытался сбежать, – пробурчал Яков Матвеевич.

Илюшин кивнул, поправил сумку на плече.

– Дьяволово отродье! А ты, значит, ушел...

Макар снова кивнул, переступил с ноги на ногу. Внизу завозились и заворчали, и он страдальчески закатил глаза – Афанасьев уже двадцать минут мучил его одними и теми же вопросами, а собака таскалась за ним по пятам и упорно ложилась отвислым пузом на кроссовки Макара.

– А ты тут голос не подавай! – прикрикнул на собаку Афанасьев. – Ишь, взяла волю...

Он присел на корточки, и Макар тоже вынужден был сесть. Старик почесал собаку за ухом, и та с готовностью перевалилась на спину, демонстрируя живот, задышала, умильно поглядывая на хозяина, вывалила язык на сторону.

– Похудела, пока шлялась. И жарко ей. Может, конуру в теньке поставить... – размышлял Афанасьев, глядя ей пузо.

– Как вы ее назвали, Яков Матвеевич?

– Дурой, вот как! Чего смеешься? Кто же она, как не дура, если ее пацанята на веревку привязали возле своего дома, а она даже убежать не смогла! Хорошо хоть, я ее разыскал – а не то так бы и сидела на веревке, одуванчики сторожила.

Он поднялся, кряхтя, указал на сумку.

– Поехал ты, что ли?

– Угу. Пора возвращаться.

– Ну... Хорошей дороги тебе.

По лицу Афанасьева Илюшин видел, что старику хочется что-то сказать, но он колеблется, пытается – и не может подобрать слова.

– И вам спасибо, Яков Матвеевич, – искренне сказал Макар, отвечая на невысказанное им. – Берегите себя.

Он закинул сумку на плечо, пожал протянутую морщинистую руку и пошел к калитке. В голове его вертелась мысль о том, что он хотел что-то спросить у старика, что-то несерьезное – совершеннейшую мелочь, которая не имела никакого значения, а лишь должна была удовлетворить его любопытство... Что-то совсем несущественное...

Мелочь не вспоминалась.

«Ну и черт с тобой», – сказал мелочи Илюшин и перестал об этом думать. В конце концов, это действительно было что-то незначущее.

Он дошел до поворота к остановке, бросил взгляд на куст светло-синей, почти небесного цвета сирени, ветки которой перевешивались через палисадник. Земля под ними была усыпана опавшими цветами.

«Какая-то мелочь...»

Неподалеку от остановки на площадке, обсаженной кустами, двое мальчишек раскачивались на качелях, соревнуясь, кто выше взлетит. Две женщины с сумками разговаривали возле горки, поглядывая на них.

«Маленькая зарубка в памяти, которую я поставил себе, а потом забыл про нее...»

Двери подъехавшего автобуса с шипением открылись. Водитель закурил, стряхивая пепел в окно и поглядывая в зеркало на пассажиров, заполнявших салон. Макар видел, что двери сейчас закроются, и понимал,

что нужно поторопиться, чтобы успеть, но что-то держало его возле площадки, где мальчишки раскачивались на качелях.

«Суцая ерунда... Почему же это не выходит у меня из головы?»

– Пашка у нее на фабрике работает, – донесся до него голос одной из женщин. – А она сама дома сидит.

Двери автобуса закрылись, и Макар вздрогнул от этого звука. Водитель развернул свой транспорт на площади, и автобус неторопливо потащился вверх, в сторону вокзала. А Илюшин остался на месте, потому что секунду назад наконец вспомнил, о чем же он так и не узнал, пока жил в городе.

Старик недоуменно воззрился на него, когда увидел Макара возле своего дома.

– Забыл чего? Ты же уезжать собирался...

– Забыл, Яков Матвеевич. Скажите, вы не знаете, чем раньше занимался Валентин Ованесович? Он говорил, у него была интересная профессия, а какая – не сказал.

– А-а, Корзун! – Афанасьев выпрямился, почесал в затылке. – Да, профессия у него и впрямь была интересная. Об этом, правда, мало кто знает, потому что Валентин – мужик неразговорчивый. А работал он иллюзионистом в цирке. Я даже как-то статью про него читал, восхищался...

– Иллюзионистом в цирке?! – перебил его Макар.

– Ну да. С гастроями ездил, за границей побывал. А потом что-то не задалось у Вали, и он осел у нас, в Тихогорске. Кажется, родители его отсюда родом... Ты что же, из-за этого вернулся?

«Иллюзионистом. В цирке».

– А что это у тебя вид какой ушибленный стал? – удивился Афанасьев. – Только что вроде бодрый был, нахальный...

Илюшин пробормотал что-то невнятное, чувствуя себя так, будто получил солнечный удар.

«Иллюзионистом».

«В цирке».

– Э-эй, парень! – встревожился Яков Матвеевич. – Ты чего?

– Все нормально, – выговорил Илюшин. – За исключением того, что глупость не лечится.

– Не понял...

– Это я о себе, Яков Матвеевич. Только о себе.

Снаружи оказалось не заперто, и Макар бесшумно вошел в дом, где его

встретили полумрак и негромкие голоса. Илюшин двинулся на звук. Из-под ног его метнулась какая-то тень, исчезла в незаметном лазе.

Стучать он не стал, и, когда толкнул дверь, Эля вскрикнула от неожиданности. Илюшин одним взглядом окинул комнату, поразившись тому, насколько она отличалась от той, выходявшей окнами в сад, возле которой он стоял, когда выследил девушку.

В этой комнате стены были затянуты темной тканью, а одна и вовсе закрыта ширмой, из-за которой виднелись длинные металлические пруты и угол раскладной лестницы. Блестящие ящики, коробки, пара круглых столов, между ножками которых отсвечивали зеркала, черный занавес, крепящийся на прямоугольной раме, – вещи, назначения которых Макар не мог определить, а в дальнем углу – сооружение, похожее на алюминиевый кран: высокое, до самого потолка, затянутое вверху то ли бумагой, то ли тонкой тканью.

Когда Илюшин вошел, Эля сидела возле столика, на котором были разложены инструменты, а Валентин Ованесович возился у основания этой конструкции. Услышав ее вскрик и обернувшись, Корзун не вскочил, а неторопливо поднялся, стягивая тонкие перчатки. По губам его пробежала усмешка, он покачал головой, будто досадуя на самого себя, что забыл запереть дверь.

– Значит, иллюзионист... – сказал Макар, останавливаясь перед дверью. – Рано вы ушли из профессии, Валентин Ованесович. Ваш талант не до конца реализован.

Они переглянулись.

– Только не говорите о вашей непричастности к делу Шестаковых, – предупредил Илюшин. – Хоть и с большим опозданием, но до меня все-таки дошло, кому я обязан встречей с призраком Татьяны Любашиной.

Он невесело рассмеялся.

– Знаете, Валентин Ованесович, а ведь я действительно поверил в то, что видел нечто потустороннее... Я понимаю, что на это вы и рассчитывали.

Испуг на лице Эли сменился раскаянием.

– Мы не хотели вас обманывать, – жалобно сказала она, делая шаг к Илюшину. – То есть нет, хотели... но не специально...

Она сбилась, снова взглянула на Корзуна, ища поддержки. Тот подошел к ней, взял за руку.

– Вы садитесь, Макар Андреевич, – он указал на стул возле окна. – Надеюсь, драться не собираетесь?

– Нет. Не собираюсь.

Илюшин прошел к стулу, бросил взгляд в окно, затянутое тонкой поблескивающей сеткой. От банок, стоявших на подоконнике, пахло скипидаром и краской.

– Я понял, что Шестаковы используют меня в своих интересах, только сегодня утром. Мне и в голову не могло прийти, что тем же самым занимаетесь и вы.

– Мы вас не использовали! – горячо возразила Эля.

– Именно это вы и делали. Создавали противовес своей семье: они старательно убеждали меня, что призрак – это их рук дело, а вы – в том, что он существует, хотя поверить в это было почти невозможно. Вы победили. Я вам поверил и чуть не уехал из города в твердой уверенности, что привидения существуют.

– Почему не уехали, если не секрет? – поинтересовался Корзун, сохраняя невозмутимость.

– Я вспомнил брошенную вами фразу об интересной профессии и спросил у Афанасьева, чем вы занимались раньше.

– А-а-а... – протянул бывший иллюзионист. – Да, сам виноват, сболтнул лишнего. Недооценил вас немного.

Ни в голосе, ни во взгляде его не было враждебности. Илюшин почувствовал нечто вроде восхищения ими обоими.

– Эля, идея с привидением принадлежала вам?

Девушка кивнула. Щеки ее чуть покраснели, но в остальном она ничем не показывала своего волнения.

– Я догадывалась, что мать убила Танюшу, – ровно сказала она. – В тот вечер они вернулись замерзшие, страшные, и руки у мамы были красные, с потрескавшейся кожей. Вы понимаете – я не могла знать точно... Мне было девять лет. Я любила Таню – иногда мне казалось, что я люблю ее даже больше, чем маму. Я тосковала без нее, но когда позже я пыталась заговорить о ней, что-нибудь вспомнить, тетя Роза обрывала меня. Поэтому я перестала вспоминать – вслух, вы понимаете?

– Вы с кем-нибудь поделились?

– Нет, конечно! С кем? Единственный человек, которому я могла все рассказать, был мертв. Мама утеплила стену между комнатами и из крайней сделала проход в сарай, хотя это было бессмысленно – представьте только, жилая комната стала частью сарая! Мне кажется, если бы она могла, то разрушила бы их, чтобы ничто не напоминало ей о Тане.

– Когда вы придумали призрак, вы уже знали точно, что она убила Любашину?

Эля покачала головой.

– Я подслушала обрывки ее разговора с Эдиком, Леной и Ларисой – они обсуждали, как избавиться от Таниной дочери, которая выросла и решила претендовать на наследство. Я толком ничего не поняла, потому что они разговаривали полунамеками, очень тихо, но мне стало страшно. Знаете, у меня не было уверенности ни в чем... только догадки... но я помнила мамины распухшие руки в тот вечер и как тетя Роза лежала наверху, а мама никого к ней не пускала...

Пятна на ее щеках стали ярче.

– Я разыскала Соню и поговорила с ней. А Валя сказал, что сможет реализовать мою идею.

Девушка взглянула на Корзуна, и тот едва заметно кивнул.

– Как вы это сделали, Валентин Ованесович?

Тот поколебался, затем признался:

– Система шторок в зеркалах. Дело сложное, понадобилась выдумка, да и в чужом помещении крайне сложно работать... Эля придумала открыть дверь из сарая, разобрав завалы, и я проходил оттуда. Через шкаф, – Корзун усмехнулся в ответ на недоверчивый взгляд Макара. – Пару месяцев пришлось потрудиться – работал, когда в доме никого не оставалось. Все, что можно, собирал в подвале, а затем приносил с собой. Кроме Сони... – Он улыбнулся. – Она приходила сама.

– Вы хотите сказать, когда я видел отражение, девушка была в комнате?

– Соня стояла за одним из больших зеркал, – кивнула Эля.

– Самое главное было – бесшумно поднять и опустить шторку, – добавил Корзун. – И успеть сделать это за секунду, пока человек оборачивается. В общем, сложностей немало. Так что на это ушло время, но зато когда все получилось...

Он замолчал.

– Что тогда? – настойчиво спросил Макар.

– Тогда все мои подозрения подтвердились, – ответила вместо него Эля.

– Неужели Эльвира Леоновна поверила, что видела призрак?

– Ну вы же поверили, – очень просто сказала она. – Соня ужасно похожа на свою маму, а Валя сделал все так, чтобы никто не догадался, что это фокус.

– И как она отреагировала, когда увидела отражение?

– Закричала и потеряла сознание, – сказала Эля после паузы. – А когда пришла в себя, чуть не разбила зеркало.

– Если бы она это сделала, мы бы лишились единственного в своем

роде механизма, – заметил Корзун. – Практически уникального.

– А затем вы, Эля, решили перестраховаться и сказали матери, что тоже видели привидение, – чтобы у нее не оставалось никаких сомнений на этот счет, – задумчиво проговорил Макар. – И наверняка добавили, что оно было похоже на тетю Таню. Вы добились своего – убедили ее, и Эльвира Леоновна окончательно поверила, что призрак мертвой Любашиной бродит по дому. Интересно, что было потом?

– Тогда они устроили военный совет, – в голосе Эли звучала горечь, – на котором мама рассказала... обо всем. Я соврала Эдику, что иду заниматься с детьми, а сама осталась в доме и все слышала. Никто не ужаснулся тому, что она сделала, и тому, что они собираются сделать. Словно они обсуждали не людей, а помехи! Но маму страшно перепугало «привидение», и, подумав, они решили, что Соню опасно убивать, потому что кто-то из постояльцев может увидеть призрак и начнутся нехорошие разговоры... Поэтому Леня предложил сперва устроить фальшивое разоблачение, которое однозначно показало бы всем, что никакого призрака в доме нет. Оно должно было выглядеть очень правдоподобным, пусть и выставляющим их с Эдиком и Ларисой в нехорошем свете. В общем, все, как вы рассказывали...

– Для этого я вам и пригодился, – согласился Макар. – Чтобы докопаться до правды.

– Я не ожидала, что мама и Эдик с Ларисой и Леней такое придумают, – будто оправдываясь, объяснила Эля. – Их затея оказалась удачнее нашей, потому что любой, кто видел, как Леня в белом платье и парике поднимается на чердак, думал, что это розыгрыш. Кроме той испуганной старушки, которая приезжала перед вами... Но нам она не подходила.

– То, что вы решили использовать именно меня в своих целях, – случайность?

Эля и Корзун переглянулись.

– Мы увидели, что вы подходите под наш замысел, – признал Валентин. – Вы умны, любопытны, проницательны, и вас легко заинтересовать. Нужен был человек, который раскрутил бы эту историю и смог бы дойти до истины, чтобы остановить Шестакову. Ведь мы ничего не придумывали и никого не обманывали. Мы не скрывали прошлое и не подделывали его – лишь хотели, чтобы оно стало известным.

– Видно, я все же не очень проницателен, – усмехнулся Илюшин. – Мне казалось, что все происходящее – цепь случайностей. Эля «случайно» бросила фразу о том, что в доме все не так, как кажется, затем вы

«случайно» заинтриговали меня, подбрасывая нужные сведения в нужном количестве, потом Эля «случайно» забыла ключ в столовой, будто бы ненароком перед этим упомянув про комнату Любашиной в разговоре, который никто не стал поддерживать... Да, таких случайностей было много.

– Ну, не так уж и много...

– Не скромничайте. Вы отличный психолог, Валентин Ованесович. Сначала сказали, что Эльвира была жесткой женщиной, затем упомянули о ее мягкости – якобы я могу ее расстроить. У меня сложилось впечатление, что речь идет о двух разных людях, и я не мог не вспомнить о том, что сестры – близнецы. Вы добивались, чтобы я заинтересовался этой историей. Кстати, зря – мне и так было интересно, что происходит в доме.

– Я же говорил, что вы показались нам человеком любопытным и проникательным.

Корзун замолчал, изучающе глядя на Макара. Тот обвел взглядом комнату бывшего иллюзиониста, подумав про себя, что наконец-то получил ответы на все вопросы.

– Если не секрет, что вы собираетесь делать дальше? – негромко поинтересовался Валентин Ованесович.

– Я собираюсь вернуться домой.

– А с тем, что узнали? – с тревогой уточнила Эля.

Макар пожал плечами.

– Ничего. Надо отдать вам должное – вам удалось заставить меня поверить в невозможное. Будете встречаться с дочерью Любашиной, скажите, что из нее получился отменный призрак.

Он улыбнулся, видя, какое облегчение отразилось на Элином лице, встал и подхватил сумку. Корзун и Эля вышли за ним на крыльцо, и Макар обернулся, прежде чем уйти.

Они стояли рядом. Валентин спокойно смотрел на Илюшина, положив широкую ладонь девушке на плечо. Макар кивнул на прощание и пошел по дорожке между клумбами нарциссов и тюльпанов.

– А невозможного не бывает, – негромко сказал иллюзионист ему вслед, будто заканчивая разговор о призраках.

Но Илюшин понял его иначе. Он представил, как изменилась жизнь этого умного, расчетливого, одинокого человека после появления в ней Эли Шестаковой, подумал о том, что разница в двадцать с лишним лет не остановила ни его, ни ее, и догадался наконец, для кого немолодой Корзун выращивает свои цветы.

На вокзале он постоял перед расписанием поездов, убедился, что успеваает на последний, и даже выяснил в кассе, что может купить билет любого класса. Выглянул в грязное окно, осмотрел привокзальную площадь, на которой возле своих машин покуривали частники, ожидавшие пассажиров, и вышел наружу, на ходу доставая из сумки сотовый.

– Серега, у меня небольшие изменения в планах, – сказал он, когда Бабкин взял трубку. – Я приеду позже.

– Надолго удержишься? – осведомился Бабкин.

Макар немного подумал.

– Лет на десять. Плюс-минус два года.

Он усмехнулся, выключил телефон и пошел от станции обратно – в сторону зеленого холма.

notes

Примечания

История знакомства Илюшина и Лепицкой – в детективном романе Е. Михалковой «Рыцарь нашего времени».